

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.).*

2010

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*),
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*),
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**,
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**,
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00
E-mail: vs_memetov@mail.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин,*
Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2010
© ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет», 2010

Подписные индексы

Почта России 60320

Пресса России 41533

Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

INTELLIGENTIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2010

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education – Ivanovo
State University**

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. Sc. History

Editorial Board:

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. Sc. History (*Deputy Editor-in-Chief*),
Alexander Kalinin, Cand. Sc. History,
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. Sc. History,
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. Sc. History (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
E-mail: vs_memetov@mail.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiryova*
Computer Design *Nikolay Yurkin*,
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2010
© Ivanovo State University, 2010

Subscription indexes

The Post of RF 60320

Press of RF 41533

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakín**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Околотин В. С.* Роль научной интеллигенции в разработке налоговой политики советского государства (первое полугодие 1928 года) 7

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Масленникова О. Н., Садина С. С.* Прагматизм в высшем образовании: pro et contra 29
- Шушунова Т. Н.* Особенности самосохранительного поведения белорусской интеллигенции 44

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Соловьёв А. А.* Обретенное время русской интеллигенции 64
- Федотов А. А.* Русская Православная Церковь и религиозная интеллигенция в 1970-х — начале 1990-х гг. 83

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Репников А. В.* С. Н. Сыромятников: штрихи к портрету 93
- Варакина Г. В.* Личность А. Скрябина в среде художественной интеллигенции Серебряного века 111

ДИСКУССИЯ

- Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории 135
- Аннотации* 145
- Информация для авторов* 151

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Okolotin V. S.* The role of scientific intelligentsia in the development of
taxation policy of the Soviet government (first six months of 1928) 7

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

- Maslennikova O. N., Sadina S. S.* Pragmatism in higher education:
pro et contra 29
- Shushunova T. N.* Peculiarities of self-preservative behavior
of Belorussian intelligentsia 44

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Solovyov A. A.* The found time of Russian intelligentsia 64
- Fedotov A. A.* Russian Orthodox Church and religious intelligentsia in
the 1970-s – the beginning of the 1990-s 83

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Repnikov A. V. S. N.* Syromyatnikov: features of the portrait 93
- Varakina G. V.* The personality of A. Skryabin in the sphere of artistic
intelligentsia of the Silver age 111

DISCUSSION

- Okeanskiy V. P., Okeanskaya Zh. L.* Anti-crisis potential of Orthodox
tradition: to the problem of metaphysic basis interpretation
of Russian intelligentsia in history 135
- Annotations* 145
- Information for authors* 151

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)614-283.2

В. С. Околотин

РОЛЬ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗРАБОТКЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (первое полугодие 1928 года)

В период нэпа разрабатывались различные проекты по совершенствованию финансовой и налоговой систем СССР. Ведущая роль в их разработке принадлежала Финансово-экономическому управлению НКФ СССР (ФЭУ НКФ СССР), состоявшему из 146 штатных сотрудников. Кроме штатных сотрудников к его работе привлекались в качестве консультантов и профессора московских вузов, активно работавшие над данной тематикой. ФЭУ просуществовало до осени 1928 года и в соответствии с утвержденным СНК СССР 14 июня 1928 года положением о плановых органах наркоматов было преобразовано в Планово-экономическое управление НКФ СССР (ПЭУ НКФ СССР). До преобразования деятельность ФЭУ НКФ СССР была подчинена задачам исследования финансового хозяйства и разработки связанных с деятельностью НКФ СССР финансово-экономических и финансово-правовых проблем, научной консультации Наркомата финансов по данным вопросам, статистико-экономического освещения динамики и конъюнктуры народного хозяйства и т. д. В состав

© Околотин В. С., 2010

Околотин Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры новейшей отечественной истории Ивановского государственного университета. glikeriya_@bk.ru

ФЭУ в разное время входили: институт финансово-экономических исследований, конъюнктурный институт, статистический отдел, информационный отдел, библиотека и секретариат. В НКФ РСФСР такая работа не велась из-за отнесения названных задач к компетенции союзного наркомата и отсутствия в нем соответствующего структурного подразделения. Финансово-экономическое бюро, образованное в НКФ РСФСР летом 1926 года, просуществовало лишь до декабря 1926 года и было упразднено¹.

В институте финансово-экономических исследований при НКФ СССР функционировала финансовая секция, в деятельности которой принимали активное участие известные для того времени ученые и специалисты, в частности: П. П. Гензель, А. А. Соколов, И. Д. Пергамент, Г. Г. Соловей, В. А. Лазовский, Л. Н. Литошенко, И. Н. Полянский, Л. Н. Юровский, П. В. Микеладзе, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Собсович, К. Ф. Шмелев, П. Н. Кутлер, А. Л. Вайнштейн и др. В списке сотрудников НКФ, работавших по совместительству в данном учреждении, значился и И. Г. Борисов — экономист, профессор Иваново-Вознесенского политехнического института². Многие из них получили высшее образование в вузах имперской России и за ее пределами. В годы нэпа, не принимая участия в политических баталиях, они усиленно занимались педагогической и научной деятельностью в столичных вузах и достигли известности. Так, профессор Н. Д. Кондратьев, директор Конъюнктурного института, являлся действительным членом семи зарубежных научных обществ и академий и кроме других значимых открытий был известен как сторонник разработки планового развития хозяйства на основе предвидения экономических процессов в стране и за рубежом. Профессора П. П. Гензель и А. А. Соколов внесли весомый вклад в развитие отечественной теории финансов и налогообложения. Их книги и публикации по данной тематике до настоящего времени используются в различных научных исследованиях. Не менее известными были и другие участники тех далеких событий. По-разному сложилась и их судьба. Однако в дискуссиях на заседаниях финансовой секции и научной коллегии ФЭУ НКФ СССР они достойно отстаивали свои взгляды и зачастую не разделяли излишней поспешности и непродуманности в принятии решений относительно перспектив развития национальной экономики России.

О разнообразии проблем, рассматривавшихся на заседаниях секции, их актуальности для того периода свидетельствует тематика озвученных на них докладов; среди них: «Проблемы перспективного развития промышленности» (Л. Н. Собсович), «Методология построения единого финансового плана народного хозяйства и основные линии финансовой политики на ближайшее пятилетие» (А. А. Соколов), «О реконструкции доходной части государственного бюджета» (И. Д. Пергамент), «Промысловый налог» (В. В. Лазовский), «География народного дохода» (Л. Н. Литошенко), «Налоговые поступления» (И. Н. Полянский), «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе» (Л. Н. Юровский), «Тяжесть обложения в пятилетнем плане» (П. В. Микеладзе) и др. Обостренное внимание к этим вопросам было вызвано настойчивыми поисками руководством страны новых источников по усилению формирования доходной части государственного и местных бюджетов. Именно через них денежные средства, собранные на территории СССР в виде налогов и сборов, должны были быть перераспределены на модернизацию российской экономики. Соответствующий отпечаток на характер дискуссий накладывали и события зимы 1927/28 хозяйственного года, связанные с принудительным изъятием хлеба у крестьян в производящих районах, ножницы цен, кризисные явления в экономике страны. В этой связи разрабатываемый при участии Госплана СССР, НКФ СССР и других ведомств проект пятилетнего плана развития страны рассматривался как способ создания бескризисной экономики, основанный на равновесии хозяйственных задач и финансовых ресурсов, решения проблемы переложения тяжести налогообложения, учета интересов трудового населения и увеличения его благосостояния. Грандиозность предстоящих к решению задач определяла и возникновение широкого спектра теоретических и методологических подходов, носителями которых являлись представители самых различных научных направлений. Не стал исключением и научный потенциал НКФ СССР, о чем свидетельствуют документы Российского государственного архива экономики, впервые вводимые автором в научный оборот.

Итак, согласно их содержанию на заседании научной коллегии ФЭУ, состоявшемся 2 марта 1928 года, слушался доклад Л. Н. Собсовича «Проблемы перспективного развития промыш-

ленности». Предваряя свой доклад, Л. Н. Собсович подчеркнул, что для построения перспективного плана промышленности и всего народного хозяйства необходима установка. При этом «установка не прогноза, не представления о том, как может пойти развитие промышленности и народного хозяйства, а установка целевая и даже волевая». По его утверждению, «развитие всего народного хозяйства и в первую очередь промышленности в значительной степени зависит от той политики, которую будет вести государство... В зависимости от той или иной политики мы будем иметь тот или иной путь развития, при чем эти пути могут чрезвычайно разниться». Поэтому в вопросе темпа развития промышленности и народного хозяйства «прежде всего, требуется определенная установка»³.

В прениях по докладу среди других выступил Н. Д. Кондратьев, который высказал ряд принципиальных расхождений с докладчиком. К наиболее существенному он отнес «вопрос об общем темпе роста нашей промышленности и об общем размере роста нашей продукции». Его целесообразно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, «насколько верно улавливается возможный и действительно реальный путь развития нашей промышленности», и, во-вторых, с позиции «психологии нашего планирования». По его утверждению, наблюдается тенденция «отказа от пессимистической проектировки Струмилина» и постепенное «передвижение на романтическую или, вернее, на промышленный романтизм Пятакова». В результате возникает вопрос — лежит ли в основе этого передвижения действительно рациональный научно-технический обоснованный расчет или в основе лежат колебания не в теории планирования, а психологии его осуществления. Сам Н. Д. Кондратьев склонен думать, «что второе вернее, а именно мы имеем не результат научно-технического проверенного уточненного расчета», а «преимущественное отражение в сдвигах общественного сознания». По его словам, «все, кто технически или статистически пытаются олицетворить общественное настроение, все они из сил выбиваются, чтобы поднять этот темп развития промышленности». Такой подход имеет место и в построениях Л. Н. Собсовича, который считает, что «недостатком всех предшествующих вариантов построения пятилетней гипотезы промышленности является то, что

они не были достаточно проникнуты этим волевым устремлением». В итоге получается, что «вся пятилетка, и в том числе Струмилинская, строилась на основании прогноза, и в зависимости от оптимизма или пессимизма ее переделывали». Однако соответствует ли это действительности, рассуждал Н. Д. Кондратьев. Ведь, по утверждению С. Г. Струмилина, ошибались и все те, кто до сих пор занимался этим вопросом, потому что «они исходили из различного рода прогнозов, гадали, не учитывали особенностей **советского режима. Советский режим** в основу должен положить целевую установку». В этой связи, задавая вопрос: «Какая разница между установкой тов. Собсовича и Струмилина в словесном выражении», он сам на него и ответил: «Никакой!». «В доводах ни у С. Г. Струмилина, ни у Л. Н. Собсовича нет преимуществ. Все дело лишь в их настроениях». Так, Л. Н. Собсович утверждает, что «волевая и целевая установка должна быть сообразована с объективными условиями». Совершенно такое же заявление сделано и С. Г. Струмилиным. Он тоже говорил, что «в основу должна быть положена волевая и целевая установка, но сообразно с объективными условиями». Словесно эти две проекторки совпадают, и даже нет никакой разницы, вплоть до запятых, говорил Н. Д. Кондратьев. По его же убеждению, если имеются цели, то их необходимо увязывать «со стихийной объективной обстановкой. Мы должны учесть те условия, на которые мы влиять не можем. Но на некоторые условия, которые стихийно до сих пор существовали, мы уже влияем и можем влиять. Если учесть эти две сферы объективных условий, т. е. сферу, где мы влиять не можем и где уже влияем и можем влиять, то это значит цель сообразовать с объективной обстановкой, достаточно точно учесть будущее и предвидеть это будущее не только как результат стихийных условий, но и как условия, слагающиеся под нашим воздействием». К сожалению, «Струмилинин не добросовестно полемизировал с обратной стороной, говоря, что там только по прогнозу основываются, но он не учел, что в понятии прогноза учитывают и результаты наших мероприятий». Именно поэтому Н. Д. Кондратьев счел возможным утверждать, что «методологически нет принципиальной разницы не только между Струмилининым и Собсовичем, но и между мною и Струмилининым. Вся разница заключается в словесной формулировке и, к сожалению,

обратной позиции...». Подводя итог своим рассуждениям, он отметил, что главная трудность заключается в проектировании сельского хозяйства. Согласно практике сельскохозяйственный продукт растет замедленными темпами по сравнению с тем, что нужно стране. Однако именно мимо этой проблемы докладчик прошел в своих построениях. В том числе и по этой причине темп и рост объема развития промышленности, приведенные Собсовичем, нереальны. Они не оправдываются ни методологическими, ни техническими обоснованиями, которые в общем-то в докладе и не приведены. «Это есть лишь результат смены построения по преимуществу», — завершил Н. Д. Кондратьев⁴.

Позицию Н. Д. Кондратьева разделяли и другие участники прений. Так, по утверждению А. А. Соколова, реальность выполнения озвученного Л. Н. Собсовичем промфинплана подлежит сомнению. Даже если бы удалось обеспечить заявленный фактический рост продукции, «это могло быть сделано с таким напряжением и с таким ущербом для других сторон народного хозяйства, что было бы лучше от этого отказаться». «Я вообще считаю, — заявил А. А. Соколов, — что и доклад т. Собсовича и в самом промфинплане все время предполагается, что мы все эти 5 лет будем испытывать товарный голод, все эти очереди и все эти прелести... Мы находимся во власти этих процентов 20, 40 %, не считаясь с меньшим хозяйственным равновесием. Я предпочту, чтобы было меньше процентов, но больше хозяйственного равновесия». «Обычно считают, — продолжал он, — что нужно развивать рост промышленной продукции за счет эмиссии, а я утверждаю, что этого нельзя сделать за счет эмиссии. Мой тезис сводится к следующему, побольше хозяйственного равновесия, хотя бы и ценой некоторого замедления производства продукции. ... Нам нужно побольше заботиться о хозяйственном равновесии, и план, который говорит, что мы будем испытывать в течение 5 лет товарный голод, для меня неприемлем, потому что мы не можем продолжать испытывать тот товарный голод, который мы наблюдаем сейчас»⁵.

С его мнением согласился и К. Ф. Шмелев, считавший, что необходимо обеспечивать пропорциональное развитие промышленности, сельского хозяйства и других хозяйственных отраслей. Он выразил несогласие с мнением Л. Н. Собсовича относительно

формирования доходной части бюджета, который считал, что доходы государства устанавливаются какими-то размерами продукции и определяются на основании произвольно устанавливаемой политики цен. «Нет более яркого выражения промышленной автаркии, которой проникнута вся записка», — говорил он. «Если бы мы имели такие пределы для увеличения госдоходов и государственного бюджета, то мы могли бы колоссально увеличить государственный бюджет и доходы государства. А между тем это совершенно неверно и неправильно, потому что основные пределы есть, существует некоторый уровень реального благосостояния населения. В этот предел упираются все возможные размеры изъятия или получения государственных доходов». Именно «этот уровень благосостояния населения может в известной мере подвергаться большему или меньшему давлению со стороны государства». В свою очередь государство может влиять на благосостояние населения путем политики цен. По мнению К. Ф. Шмелева, «государство не есть оторванная от населения и общества организация. Оно существует для общества и для населения. Оно ставит себе задачу обеспечить какой-то жизненный уровень населения». В этой связи, государство, ставя перед собой задачу обеспечить определенный жизненный уровень населения, тем самым устанавливает «твердые и жесткие границы, дальше которых оно не может идти в получении своих доходов». Поэтому «идея хозяйственной автаркии промышленности умаляет значение бюджета». Более того, продолжал он, из доклада Л. Н. Собсовича следует, что бюджет как будто вообще не играет роли как перераспределитель средств между отдельными отраслями промышленности, а средства, которые поступают в него от физических лиц и индивидуальных хозяйств, незначительны и ничтожны. Однако, утверждал К. Ф. Шмелев, «70 % чистого нетто-дохода доставляются государству физическими лицами и индивидуальными хозяйствами». Даже при учете рабочих и служащих «главную долю платят крестьяне», которые выплачивают «в бюджет 8 % своего дохода и из которых только 2 % составляет сельхозналог». Таким образом, «стоящее вне обобщественного сектора население и стоящий вне обобщественного сектора источник дохода дает государству значительные средства». «Наши исследования, — заключил он, — показывают, что в обобществ-

ленное хозяйство из частного хозяйства переливаются большие средства через бюджет». Именно он «играет значительную роль, как перераспределитель средств, накапливаемых в отдельных отраслях промышленности»⁶.

В своем заключительном слове, реагируя на доводы выступавших, Л. Н. Собсович подчеркнул, что при построении планов «приходится все-таки руководствоваться чутьем». На что А. А. Соколов вполне деликатно заметил: «Можно считать, что в отношении промышленности у тов. Собсовича чутья может быть и больше, чем у нас. Но в других отраслях у нас чутья может быть больше. Например, в области финансов мы чувствуем большие затруднения, которые мы переживали и переживаем и которые очень велики. Несмотря на рост продукции, мы все время испытываем финансовые затруднения». Синтезируя мнение большинства выступавших и подводя итог прениям, он заключил, что темпы развития, намеченные Л. Н. Собсовичем, являются очень напряженными и что та «стационарная линия, которую он намечает, вряд ли реальна». Окончательно же этот вопрос выяснится только тогда, когда «мы этот план хозяйственного развития разработаем и увяжем перспективы развития тяжелой промышленности и сельского хозяйства»⁷.

О значении бюджета в деятельности государства говорил и П. П. Гензель. В тезисах к докладу на финансовой секции от 1 марта 1928 года он отмечал, что «наш бюджет захватывает почти всю народнохозяйственную жизнь». При этом «область частной инициативы и частного капитала все более сужается», а «внедрение государства в частное хозяйство получает яркое выражение в налоговых поступлениях, которые срезают все излишки частных доходов и отдают его государству». В итоге, по его словам, «Советское государство — первое государство в мире по количеству государственной земли, государственных лесов, государственных железных дорог, фабрик и заводов, всех отраслей народного хозяйства, то есть это подлинное социалистическое хозяйство, в которое вкраплены лишь мелкие доли остатков частного хозяйства». Вместе с тем, «недостаток накопленного капитала и необходимость отовсюду извлекать мельчайшие запасы приводят также и к тому, что мы страна величайших налогов и в максимальной степени изъемлющая из народного хозяйства сред-

ства населения в порядке исключительного фискализма». Однако «этот фискализм направлен на то, чтобы обеспечить максимум полезно-производительного назначения». Именно поэтому, если «мы внешне якобы тесним население нашими на первый взгляд громадными налогами, то возвращаем ему сторицей в виде высокополезных затрат». В свою очередь, то «обстоятельство, что мы вынужденно облагаем каждую лишнюю копейку дохода, сильнее сжимаем потребление и искусственно вынуждаем накопление, заставляет нас с особенной тщательностью и осторожностью взвешивать каждую копейку государственного расхода, ибо каждая собранная государственным казначейством копейка дается нелегко и означает исключительно тяжелый нажим». Поэтому «нужно скорее выискивать пути и средства экономии, повышения производительности народного труда и эффективности госвложений в промышленность и сельское хозяйство...». Только в этом случае «наша уже достаточно налаженная машина государственного и местного хозяйства будет работать вполне исправно и содействовать общему благосостоянию и задачам социалистического строительства»⁸.

В докладе «Перспективы государственного доходного бюджета в 1928/29 г.», озвученном на заседании секции 15 апреля 1928 года, П. П. Гензель высказал ряд предварительных замечаний относительно условности перспектив формирования доходной части бюджета. По его мнению, степень точности соответствующих предсказаний зависит не столько от умения производить соответствующие подсчеты, сколько от указаний в каком духе и направлении будет выдерживаться предстоящая финансовая политика. В этой связи «мы должны особенно тщательно взвесить целесообразность и возможность того или иного форсирования бюджета в соответствии с общим ростом народного дохода и благосостояния». За последние годы постоянное форсирование роста государственного бюджета происходило сильнее, чем рост народного дохода. Тем не менее, развитие государственной и кооперативной торговли за счет частной «должно содействовать относительноному понижению поступлений от промыслового и подоходного налога, ибо ставки обложения для государственного и кооперативного сектора значительно ниже». Поэтому, полагал он, расширение обобщественного сектора должно сплошь и ря-

дом влечь за собой «в нынешних условиях и приемах государственной финансовой организации даже сокращение уровня государственного бюджета». Предупреждал он и о том, что при «построении доходного бюджета государства необходимо в дальнейшем проявлять особенную осторожность и помнить, что рост бюджета за пределы роста народного дохода уже обязательно означает в данных условиях общее сокращение уровня жизни». Такое сокращение может пойти и идет, конечно, неодинаково. Так, «высшие по платежеспособности слои населения могут урезываться в сильной степени и сравнительно слабо затрагиваться низшие по платежеспособности группы». Однако «нажим на высшие по платежеспособности группы у нас уже проведен достаточно энергично и трудно допустить, что в этой области осталась еще очень широкий диапазон». В таком случае «форсирование бюджета должно чувствительно задеть и сравнительно менее платежеспособные группы или затруднить для них накопление свободных излишков». Поэтому, считал П. П. Гензель, «финансовое ведомство... должно твердо отстаивать принцип осторожного исчисления государственных доходов». Это связано с тем, что «наш бюджет по самому своему характеру не эластичен, и вместе с тем он находится под сильным ударом некоторых стихийных явлений, главным образом неурожая». Поэтому НКФ «обязан отстаивать осторожность в деле будущего исчисления госдоходов, не допуская форсированных или перенапряженных исчислений», заключил докладчик⁹.

В этой связи представляет интерес классификация доходов, предложенная И. Д. Пергаментом на заседании финансовой секции 11 мая 1928 года в докладе «О реконструкции доходной части государственного бюджета». Она предусматривала основное разграничение доходов по признаку «непосредственного плательщика казне» и распределения плательщиков по отраслям и секторам народного хозяйства: сельское хозяйство, промышленность, торговля, кредитные учреждения, транспорт, связь и по секторам: государственному, кооперативному и частному¹⁰. Однако данная классификация была подвергнута критике. Так, П. П. Гензель, указав на ее научную заманчивость, в то же время признал ее бесполезность для практических целей. Более того, он предположил, что она «может оказаться даже вредной, вводя в

заблуждение неискушенных людей и затягивая процесс составления бюджета». По его словам, «проблемы тяжести обложения решаются чисто статистическими методами, в порядке научного анализа, а не путем реорганизации классификации по предлагаемой докладчиком схеме»¹¹. Этой же позиции придерживался и П. В. Микеладзе, полагавший, что «проблема тяжести обложения подлежит решению не в бюджетном порядке, а путем социально-экономического анализа»¹². По мнению А. А. Соколова, «для решения различных финансовых проблем следует идти путем социально-экономического анализа, используя отчетные данные по бюджету»¹³. В итоге секция, заслушав доклад И. Д. Пергамента и прения по нему, постановила «признать необходимым приступить к выработке такой схемы классификации бюджетных доходов, которая бы отражала социально-экономические особенности народного и государственного хозяйства СССР. Проведение в жизнь такой классификации не должно вести к значительному усложнению работы кассового аппарата». Предложенная же классификация может служить лишь «подсобным материалом при изучении различных финансовых проблем»¹⁴.

Проблема равновесия, затронутая на заседании научной коллегии ФЭУ при обсуждении доклада Л. Н. Собсовича, нашла дальнейшее развитие у А. А. Соколова. В своем докладе «Методология построения единого финансового плана народного хозяйства и основные линии финансовой политики на ближайшее пятилетие» он утверждал, что основная задача единого финансового плана народного хозяйства заключается в увязке плана хозяйственного развития страны с «нашими финансовыми возможностями». Одними из основных предпосылок построения хозяйственного плана являются предпосылки хозяйственного равновесия. Более того, правильно построенный хозяйственный план должен обеспечить бескризисное развитие народного хозяйства. Для этого необходимо, чтобы он был согласован с размером тех финансовых ресурсов или финансовых лимитов, которыми страна будет располагать в течение ближайшего пятилетия. Финансовые лимиты, как и финансовая система, представляют собой нечто производное. Однако в них содержатся некоторые чрезвычайно важные критерии, которыми необходимо руководствоваться при построении хозяйственного плана. Главнейшим из этих

критериев является устойчивость денежной единицы. Денежная единица представляет собой как бы зеркало, в котором отражается состояние народного хозяйства. Ее устойчивость является важнейшим показателем народнохозяйственного равновесия. Поэтому хозяйственный план должен, безусловно, удовлетворять требованию поддержания устойчивости денежной единицы. В этой связи перенапряжение государственного бюджета таит в себе большие опасности, так как легко может привести к подрыву производительных сил страны и породить инфляцию. Все это, по мнению А. А. Соколова, показывает, что финансовые лимиты имеют весьма немаловажное значение. В итоге специфическая задача финансового плана должна заключаться в увязке хозяйственного плана с реальными финансовыми возможностями в целях обеспечения бескризисного развития народного хозяйства на основе здорового денежного обращения, бездефицитного бюджета и реального его построения, а также и активного торгового баланса.

Построение финансового плана, утверждал А. А. Соколов, требует учета всего накопления (добровольного и принудительного), ожидаемого в стране и обращаемого частью на содержание аппарата государственного управления, частью на финансирование народного хозяйства. И здесь, говорил он, придется столкнуться с проблемами соотношения добровольного и принудительного накопления, с проблемой роли и удельного веса бюджета и кредита в национальной экономике, с проблемой использования эмиссии как источника финансирования народного хозяйства. Более того, в финансовом плане необходимо различать две стороны: план финансовой политики и учет ожидаемых ресурсов. В свою очередь план финансовой политики должен слагаться из планов бюджетной и кредитной политики. Тот и другой планы должны включать в себя политику в отношении методов собирания или аккумуляирования средств и политику в отношении их распределения. План финансовой политики в отношении методов собирания или аккумуляирования средств должен ответить на следующие циклы вопросов. Так, в отношении бюджета он должен формулировать задачи в области налоговой политики, политики неналоговых доходов и политики займов, а также установить соотношение между этими тремя основными элементами доходной части бюджетов. При разработке налоговой политики следует

ответить на следующие вопросы: каково должно быть соотношение между отдельными формами обложения (налоги прямые и косвенные, подоходное обложение и обложение по обороту и т. д.); каково должно быть соотношение между обложением города и деревни; в какой мере и как налоговая политика должна быть использована для целей социально-экономической политики (борьба с частным капиталом и кулацким элементом в деревне, содействие развитию социально-кооперативных форм хозяйства, содействие социалистическому накоплению и т. д.)¹⁵?

О проблеме хозяйственного равновесия в тезисах к докладам, озвученным в апреле 1928 года, также говорили Л. Н. Юровский и Н. Д. Кондратьев. Так, Л. Н. Юровский утверждал, что текущей задачей экономической политики является восстановление равновесия в нашей хозяйственной системе там, где оно оказалось нарушенным. Причем первостепенная роль в разрешении этой задачи должна принадлежать кредитно-денежной политике¹⁶. Н. Д. Кондратьев полагал, что равновесие в народном хозяйстве нарушено вследствие экспансии кредита, связанного с ростом денежного обращения и «направленного, с одной стороны, на цели форсированного развития промышленности в последнее время, в особенности промышленности, производящей предметы капитального оборудования, с другой — на усиление заготовки сельскохозяйственных товаров». В этой связи основной предпосылкой устойчивости роста индустрии и всего народного хозяйства, тесной связи промышленности и сельского хозяйства должны стать: развитие сельского хозяйства и сельскохозяйственного экспорта; более или менее строгое соответствие темпа развития индустрии процессу реального накопления в стране и строгое соответствие денежно-кредитной политики реальным запросам товарооборота¹⁷.

Проблемам, возникающим при формировании реального накопления, были посвящены два доклада Л. Н. Литошенко, озвученные им на заседаниях секции 28 марта и 14 мая 1928 года соответственно. Так, в докладе на тему «Перспективы развития национального дохода» им была предпринята попытка ответить на четыре вопроса: какова абсолютная сумма национального дохода СССР в настоящее время; какой темп этой суммы можно ожидать в течение ближайших пяти лет; какого соотношения до-

ходов между различными классами населения можно ожидать и в какой мере предположенная пропорция материальной продукции обеспечит рыночное равновесие при намеченном росте доходов? Не вдаваясь в подробности приведенных показателей, следует сказать, что, согласно Л. Н. Литошенко, народный доход за пятилетие должен был вырасти на 30,4 %, а общая сумма дохода населения на 20 %¹⁸. Однако в ходе обсуждения доклада представленные расчеты были подвергнуты сомнению. В частности, П. Н. Кутлер заявил, что для количественного определения промышленной и сельскохозяйственной продукции с позиции НКФ приходится пользоваться соответствующими сведениями других органов. При этом НКФ неизвестно, с использованием каких методов они получены, поэтому дискуссия по поводу действительности используемых показателей должна относиться, прежде всего, к правильности или неправильности применения методологической базы. «Преимущество Госплана, — по утверждению П. Н. Кутлера, — состоит в том, что, давая массовые цифры, делая массовые выводы, он не указывает, какими способами он пришел к той или иной цифре. Поэтому цифры Госплана остаются неуязвимыми, если они не порочатся простым сопоставлением цифр в той же книге заключающейся». В этой связи «нужно добиться от Госплана какими методами он шел, чтобы получить эту цифру, и этот метод подвергнуть анализу и практическому разбору». Это необходимо и потому, что с его помощью определяется не только абсолютная величина народного дохода на определенный момент, но и темп его изменения от одного года к другому¹⁹.

Обсуждая предполагаемый объем национального дохода, специалисты уделяли внимание и более прозаичным вопросам, составляющим основу налоговой политики. Это налоговая недоимка и расходы на взимание налогов в городской и сельской местности. Согласно сведениям, приведенным И. Н. Полянским в докладе 17 марта 1928 года, налоговая недоимка в стране «вовсе не обнаруживает тенденцию к понижению». Общая сумма налоговой недоимки по акцизам, промысловому и подоходному налогам, а также гербовому сбору, составлявшая на 1 октября 1926 года сумму 103 811 тыс. руб., к 1 апреля 1927 года выросла до 104 852 тыс. руб. (или на 1 %). Увеличивались и расходы государства по взиманию налогов. Наибольшие затраты государст-

во несло при взимании прямых и местных налогов (7,35 % и 8,67 % от общего объема поступлений соответственно)²⁰. Из прямых налогов наибольшие затраты возникали при сборе сельхозналога — 11,3 % и налога на сверхприбыль — 12,1 %, при средней величине затрат 4,65 %²¹. В этой связи работа по выяснению причин роста недоимки, разработке методов борьбы с ней и снижение затрат по взиманию налогов должны приобрести для НКФ приоритетное значение. К методам преодоления этих проблем он отнес: мероприятия по усовершенствованию финансового аппарата, недопущение произвольного обложения по «потолочным» данным, упрощение порядка производства описей и ликвидации имущества неисправных налогоплательщиков и т. д. Спутником этой работы, по утверждению И. Н. Полянского, должно стать и уголовное преследование злостных неплательщиков, поскольку рассчитывать на «самотек» налогов, «исключительно на добрую волю плательщика при современном уровне чувства гражданской ответственности, не приходится». Однако существующие в законодательстве узкие рамки определения состава налогового преступления и применяемые при этом санкции в виде мер социальной защиты, полагал он, лишь в незначительной степени могут повлиять «на чисто недоимочных налогоплательщиков»²².

Затронутая И. Н. Полянским проблема была обсуждена на очередном заседании финансовой секции в марте 1928 года. Оно было посвящено «вопросам юридического права в финансовом законодательстве СССР». С докладом о практике применения ст. 60 и 62 УК РСФСР и соответствующими из этого выводами выступил юрисконсульт Мосфинотдела И. Чевелев²³. Как следовало из его доклада, указанные статьи были введены в УК РСФСР в 1926 году в результате пересмотра ст. 78, 79 и 80 УК РСФСР, введенных еще в УК РСФСР в 1922 году и направленных на пресечение налоговых преступлений, прежде всего, среди сельского населения. В частности, в ст. 78 налоговое преступление представлялось в виде массового или единоличного отказа от выполнения повинностей с наличием подстрекателей или организаторов указанных действий. При этом мера наказания была предусмотрена в виде лишения свободы, конфискации всего или части имущества или имущественных взысканий. Ст. 79 УК применялась к аналогичным преступлениям, но совершенным граждана-

ми единолично. Меры социальной защиты по ней были незначительными и варьировались в зависимости от повторности, упорного неисполнения налоговых платежей или отказа от исполнения работ или повинностей. Только при наличии злостности действий со стороны неплательщика назначалось лишение свободы не менее шести месяцев, конфискация всего или части имущества или наложение имущественных взысканий не ниже двойного размера тех же платежей или повинностей. В отличие от названного ст. 80 УК РСФСР трактовала состав налогового преступления более широко. Оно формулировалось «как организованное по взаимному соглашению, сокрытие или неверное показание о количествах подлежащих обложению или учету предметов и продуктов, в том числе и размеров посевной, луговой, огородной и лесной площади или количества скота, организованная сдача предметов, явно недоброкачественных, неисполнение по взаимному соглашению возложенных на граждан работ и личных повинностей». Таким образом, совершение налоговых преступлений законодателями ожидалось, прежде всего, со стороны крестьян как плательщиков сельскохозяйственного налога и носителей различных трудовых повинностей. Городское население и представители частного капитала практически не попадали под действие этих статей. К такому выводу пришла и комиссия, работавшая над новым проектом УК РСФСР, которая признала указанные нормы в изменившихся условиях нежизнеспособными. В итоге в новом УК РСФСР ст. 79 и 80 были переключены в ст. 60 и 62, а ст. 78 полностью исключена²⁴. Тем не менее, ст. 60 опять-таки оказалась удобной для применения в отношении не исправного плательщика сельхозналога, но не действенной в отношении многих других недоимщиков (торговцев, промышленников, подрядчиков и т. д.). По свидетельству И. Чевелева, «городской плательщик промыслового, подоходного и прочих налогов, особенно в условиях такого города, как Москва, часто злостно уклоняется от уплаты налогов, но при этом так устраивает свои дела и приводит свое имущественное положение в такое состояние, что ни о каких принудительных мерах... не может быть и речи». Налоговые работники с мест также утверждали, что «ст. 60 легко дает возможность преследовать крестьянина и не распространяется на случаи злостного уклонения от платежа на-

лога со стороны нетрудового элемента, вызывает ропот и недовольство». Исходя из складывавшейся практики, Малый Совнарком РСФСР поручил НКЮ и НКФ обсудить вопрос о возможном усилении уголовной ответственности за неплатеж налогов владельцами частных торгово-промышленных предприятий и разработать проект изменения ст. 60 УК РСФСР. Такое реагирование правительства было вызвано не только многочисленными фактами деятельности частника по созданию лжекооперативов, фиктивных артелей, появлением иных форм уклонения от налогообложения, выявленных при рассмотрении гражданских и уголовных дел, но и ходатайствами налоговых и судебных работников. При этом они исходили из того, что «по мере роста и обострения преступности со стороны нетрудового элемента должна, соответственно, возрасти и мера борьбы против него, в том числе и мера социальной защиты по приговору суда. Это диктуется практикой и политикой классовой борьбы». В результате, по словам И. Чевелева, решением Верховного суда РСФСР «дела подобного рода... по спешности рассмотрения были отнесены к делам первой категории». Более того, согласно его разъяснениям к уголовной ответственности должны привлекаться и лица, «действительно обязанные уплачивать налоги, как настоящие владельцы предприятий или торговли... а лица, прикрывающие этих плательщиков, отвечают с ними солидарно, как пособники»²⁵.

Не менее содержательными как по постановке проблем, так и по способам их разрешения были и другие доклады. К сожалению, охватить весь их спектр в рамках одной статьи довольно затруднительно. Важно подчеркнуть то, что в ФЭУ НКФ СССР шел настойчивый процесс осмысления подходов, свободных от политических установок. Разумеется, это не могло не остаться без внимания, что подтвердили дальнейшие события и, в частности, действия по реорганизации финансово-экономического управления НКФ СССР.

Так, 8 мая 1928 года на объединенном заседании СНК СССР и СТО было принято решение о передаче Конъюнктурного института из ФЭУ НКФ СССР в ведение ЦСУ СССР²⁶. На основании принятого решения, закрепленного в постановлении СНК СССР, приказом НКФ СССР от 20 июня 1928 года Конъюнктурный институт с контингентом в 54 штатные единицы с 1 июля

1928 года был закрыт. По акту вся его материальная часть, денежные фонды и штат в количестве 42 сотрудников с 16 июля 1928 года были переданы в ведение ЦСУ. В ФЭУ НКФ СССР из числа оставленных в нем сотрудников Конъюнктурного института было организовано бюро финансовой конъюнктуры в количестве 17 штатных единиц²⁷. Как уже говорилось, осенью 1928 года ФЭУ было преобразовано в Планово-экономическое управление (ПЭУ), руководителем которого назначен Л. Н. Юровский. В НКФ РСФСР также было образовано планово-экономическое управление. ПЭУ НКФ СССР и РСФСР имели одинаковую структуру и были призваны разрабатывать перспективные планы в области финансов, наблюдать за финансовой конъюнктурой, осуществлять организацию и руководство финансовой статистикой и т. д. Однако в отличие от ФЭУ научная направленность такой деятельности уже была привязана к плановым установкам со всеми вытекающими из этого последствиями²⁸. К этому времени Н. Д. Кондратьев был снят с занимаемой должности и подвергнут различным, в том числе и политическим, нападкам. Взгляды ученых, «уличенных» в защите принципа равновесия, уже не вписывались в национальную государственную политику и не соответствовали политике «великого перелома». Они стали подвергаться мощной критике на пленумах ЦК ВКП (б) 1928 года и других различных совещаниях членов партии. Так, А. И. Микоян на пленуме ЦК И ЦКК ВКП (б) 6—11 апреля 1928 года говорил, что «мы должны ударить по тем критикам, а иногда и не критикам, а клеветникам на политику нашей партии, которые в момент этих трудностей подняли голову, в особенности среди интеллигенции и спецов **типа Кондратьева**, который так поднял голову, что на Госплане говорил громким голосом, [чуждым] вражеским нам языком, который вряд ли можно допустить в важнейшем советском учреждении в отношении нашей государственной и хозяйственной политики»²⁹. Н. И. Бухарин в докладе «Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии к итогам апрельского пленума ЦК ВКП (б)» на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) от 13 апреля 1928 года отмечал, что «в нашей стране имеется течение, которое мы держим под обстрелом, течение, идущее из кругов ученых — специалистов народнического типа, **Кондратьев, Вайнштейн** и др., в руках которых находился

журнал Конъюнктурного института при Наркомфине. Бюллетень этого Конъюнктурного института оценивал положение вещей таким образом, что все беды, мол, в нашей стране происходят от курса на индустриализацию; слишком быстрый темп индустриализации, не связанный, по мнению этих спецов, с реальным темпом накоплений во всей стране и в крестьянском хозяйстве, этот курс есть главный виновник всех бед и несчастий. ... Это совершенно откровенная кулацкая программа, в результате которой соответствующий научный орган “приказал долго жить”, само собой разумеется, никак не может стать предметом дискуссии в нашей партии, он решительно отбрасывается ею»³⁰.

Таким образом, за расхождениями по ряду теоретических и практических вопросов стояли различия не только методологического, но и мировоззренческого характера. Для членов руководства правящей партии само подозрение в сходстве взглядов на перспективы развития страны с теми, которые отстаивал Конъюнктурный институт, было равносильно политическому приговору. Об этом свидетельствует выдержка из выступления заместителя наркома РКИ Я. А. Яковлева на пленуме ЦК ВКП (б) 4—12 июля 1928 года: «Если же рассматривать предложения тов. Осинского в целом как взаимно увязанную программу действий, то придется признать, что у тов. Осинского получалась программа, чересчур похожая, весьма подозрительно похожая на то, что мы недавно читали в кондратьевском ежегоднике Конъюнктурного института Наркомфина, теперь закрытого... Вы найдете в кондратьевском ежегоднике каждое предложение тов. Осинского и всю систему этих предложений в целом»³¹.

От аналогичных обвинений не остались в стороне и сотрудники ПЭУ. В докладе РКИ «Об итогах чистки центрального аппарата НКФ СССР», осуществленной в течение 1929 года, говорилось, что ПЭУ являлось «одним из самых характерных управлений в смысле искажения классовой линии, отсутствия фактической работы и контроля над работой этого управления со стороны руководства НКФ». Более того, отмечалось в нем, «почти все отделы ПЭУ возглавлялись исключительно чуждыми людьми... В ПЭУ при обсуждении тех или других вопросов были выступления, противоречащие линии партии и правительства. Например, выступали с требованиями пересмотра капитальных

затрат, предлагалось усилить производство текстильных изделий, отменить запрещение продажи промтоваров и сельхозмашин и орудий зажиточным слоям деревни...» и т. д. Так, профессор А. А. Соколов относительно проекта пятилетнего плана утверждал, что «можно построить модель, вполне согласованную во всех своих частях, но далекую от реальной осуществимости», Л. Н. Юровский «грозил нашему индустриальному плану крестьянской обороной». С позиции обвинения приводились высказывания и других ученых из числа научной интеллигенции, привлеченных к работе в ПЭУ. В итоге, как утверждалось в докладе, «результаты работ по пятилетке и единому финплану показали, что ПЭУ в общем не справилось со стоящими перед ним задачами и его аппарат не достиг необходимого уровня для качественно высокой работы по финансовому планированию нашего социалистического хозяйства». Более того, «такое состояние аппарата ПЭУ, лаборатории Наркомфина по разработке финансово-экономических проблем, фактически представляет собой сборище идеологически чуждых нам людей, не могло не отразиться на работе оперативных управлений, в первую очередь на работе Госналога». В ходе чистки ПЭУ с привлечением рабочих бригад из 85 работников было вычищено 23, из них 18 по категориям и 5 без категорий³². Среди вычищенных оказались профессора А. А. Соколов и К. Ф. Шмелев, П. Н. Кутлер, академик П. П. Маслов, Л. Н. Литошенко, П. В. Микеладзе и др. В те годы оказаться вычищенным независимо от категории с навешиванием различных ярлыков означало конец научной карьеры, а в ряде случаев сопровождалось и более трагичными последствиями.

Таким образом, научные поиски путей изыскания средств для модернизации российской экономики к концу 1929 года в НКФ СССР были окончательно свернуты, а судьбы многих ученых, представлявших российскую научную интеллигенцию, сломаны. При этом следует отметить, что последний период жизни Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского был связан с Ивановской областью. Л. Н. Юровскому после освобождения из заключения по болезни в 1935—1936 годах разрешили проживать в г. Середи (ныне г. Фурманов) Ивановской промышленной области, а Н. Д. Кондратьева расстреляли в Суздальском политизоляторе в 1938 году.

В заключение позволим себе сделать ряд выводов. Весной 1928 года в НКФ СССР шел активный поиск решений, направленных на обеспечение финансовыми ресурсами грандиозных задач по модернизации российской экономики. Этот поиск был вполне умеренным и исходил из складывающейся практики, достижений мирового опыта и необходимости соблюдения принципа равновесия или соответствия финансовых ресурсов задачам модернизации экономики советского государства. Именно с его учетом и осуществлялась НКФ СССР первоначально выработка налоговой политики, охватывающей не только предприятия обобщественного и частного секторов, но и городского и сельского населения. Значительную роль в решении этой задачи играл ряд известных ученых, представителей научной интеллигенции. К сожалению, в те годы они не были услышаны, а судьбы многих из них спустя короткое время были сломаны. Лишь в настоящее время происходит осмысление их научного и творческого наследия, которое оказалось востребованным для развития современной финансовой науки.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. Р.-7733. Оп. 6. Д. 726. Л. 26.
- ² Там же. Д. 108. Л. 157—158.
- ³ Там же. Д. 740. Л. 1—2.
- ⁴ Там же. Л. 51—58.
- ⁵ Там же. Л. 34—41.
- ⁶ Там же. Л. 60—63.
- ⁷ Там же. Л. 74.
- ⁸ Там же. Д. 736. Л. 1—3.
- ⁹ Там же. Л. 102—104.
- ¹⁰ Там же. Л. 182—183.
- ¹¹ Там же. Л. 195.
- ¹² Там же. Л. 196.
- ¹³ Там же. Л. 197.
- ¹⁴ Там же. Л. 199.
- ¹⁵ Там же. Л. 98—101 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 737. Л. 87—88 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 89—90.
- ¹⁸ Там же. Д. 740. Л. 163—169.

- ¹⁹ Там же. Л. 191.
- ²⁰ Там же. Д. 736. Л. 144.
- ²¹ Там же. Л. 145.
- ²² Там же. Д. 744. Л. 5—25.
- ²³ Там же. Д. 747. Л. 11—15 об.
- ²⁴ Собрание узаконений. 1926. № 80. Ст. 600.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. Р.-7733. Оп. 6. Д. 747. Л. 19.
- ²⁶ Там же. Д. 729. Л. 80.
- ²⁷ Там же. Л. 4—16.
- ²⁸ Там же. Д. 726. Л. 26 об.
- ²⁹ Как ломали НЭП : стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928—1929 гг.
/ А. Н. Яковлев. М., 2000. Т. 2. С. 49—50.
- ³⁰ Правда. 1928. 13 апр.
- ³¹ Как ломали НЭП. С. 320.
- ³² РГАЭ. Ф. Р.-7733. Оп. 7. Д. 43. Л. 1—3.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 63.3(2)64-283.2:60.561.9

О. Н. Масленникова, С. С. Садина

ПРАГМАТИЗМ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: PRO ET CONTRA

В последнее время понятие «прагматизм» стало неотъемлемой частью общественных и научных дискуссий. Что же такое «прагматизм»? Думается, мы в каком-то смысле стали заложниками растиражированного повседневной коммуникацией негативно-го толкования слова «прагматизм». Большинство словарей, наряду с обозначением прагматизма как философского направления¹, метода исторического познания, предлагают нам обыденное, расхожее прочтение данной лексемы. Массовое сознание редуцировало исходный смысл *философии действия* до соответствующих эпохе индустриального и постиндустриального развития клише:

- «Следование во всем узкопрактическим интересам, соображениям пользы и выгоды» (Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой)²;
- «Поведение, деятельность, образ мыслей, отражающие практические, утилитарные интересы; практицизм» (Большой толковый словарь русского языка);

© Масленникова О. Н., Садина С. С., 2010

Масленникова Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета. (4932) 30-73-46 (доб. 514)

Садина Светлана Семеновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета. (4932) 30-73-46 (доб. 514)

- «Поведение, деятельность, вытекающие не из принципиальных соображений, а из корыстных побуждений» (Малый академический словарь).

Вследствие именно такого толкования понятия, язык выработал систему дополнительных номинаций: приземленность, осторожность, утилитаризм, утилитарность, прагматичность, инструментализм, практичность (Словарь русских синонимов).

Подобную судьбу слова сам его создатель Ч. С. Пирс более столетия назад предвидел: «...слово “прагматизм” обрело широкое признание в том обобщенном смысле, который, кажется, доказывает силу его роста и жизнеспособности. ... Но в настоящее время это слово начинает иногда встречаться в литературных журналах, где им злоупотребляют самым беспощадным образом, что, впрочем, ожидает все слова, стоит им попасть в лапы литераторов. ... автор этих строк, видя, как далеко пошел его незаконно рожденный ребенок “прагматизм”, чувствует, что настало время поцеловать свое дитя на прощание и предоставить ему идти своим, несомненно, более высоким, путем...»³

Известно, что максима прагматизма, по Пирсу, формулируется следующим образом: прагматизм — это не мировоззрение, а лишь метод рефлексии, цель которого — представить мысль в самом ясном виде⁴.

Зададимся вопросом: как сегодня вузовская интеллигенция и студенчество реагируют на широко распространившееся в обществе мировоззрение прагматизма? Этот вопрос волнует многих преподавателей, практиков и теоретиков высшей школы. Традиционно объективную картину дают многочисленные социологические исследования⁵: в молодежной среде доминируют престижно-потребительские установки и ориентации, что является естественной реакцией молодежи на реализацию стратегии внедрения рыночных (сугубо прагматических) принципов в экономику. Многие социологи приходят к выводу, что односторонняя направленность экономических реформ серьезно ударяет по жизненным интересам молодых людей, отбрасывает их на периферию жизни. Выпадая из воспроизводственного процесса, молодое поколение не может занять подобающего места в социальной структуре, так как изначально не в состоянии на равных конкурировать с более обеспе-

ченными или статусными слоями населения, и поэтому фактически может оказаться в «зоне маргинальности».

Совершенно очевидно, что утрата надежных социальных ориентиров, распад традиционных институтов социализации, с одной стороны, повышает личную ответственность молодого человека за свою судьбу, ставя его перед необходимостью выбора, а с другой — выявляет неготовность (и неспособность) большинства включиться в динамику новых общественных отношений⁶. И даже окончание любого курса профессионального обучения не гарантирует безболезненной социальной адаптации. Это не просто констатация отечественных реалий: подобные процессы характеризуют и европейскую социально-экономическую действительность. У. Бек в своем полемичном исследовании «Общество риска. На пути к другому модерну» не случайно отмечал: «Переход из системы образования в систему занятости становится нестабильным и лабильным; между этими системами вклинивается серая зона рискованной неполной занятости»⁷. В этой ситуации общество, особенно молодежь, остро нуждается в целостной, позитивной системе ценностей, которая формируется в том числе и в вузе в процессе изучения социально-гуманитарных дисциплин и интеллигентоведческих (элективных) курсов. В этом отношении интересно исследование, проведенное в 2004 году в Ивановском межвузовском центре изучения проблем интеллигенции на тему «Место и роль интеллигентоведческих знаний в российских вузах». Было опрошено 58 преподавателей-экспертов и 965 студентов из 15 вузов Ивановской, Владимирской, Костромской областей. Систематизируя материалы исследования, Т. П. Белова отмечает, что студенты признают общеразвивающий и личностно-ориентирующий характер интеллигентоведческих курсов, которые формируют общую интеллигентность и культурный уровень; ввести подобные курсы в программы подготовки специалистов различного профиля считают нужным 56,3 % преподавателей и 64,7 % студентов⁸.

В то же время исследования В. П. Бабинцева и Е. В. Реутова позволяют сделать вывод, что для студенческой молодежи в условиях рыночной конкуренции факторами жизненного успеха являются не гуманистические ценности, а практически ориентированные знания, целеустремленность, наличие знакомств и связей. «Рассчитывая осуществить свои планы, подавляющее боль-

шинство респондентов (77 %) надеется, прежде всего, на собственные силы... На помощь государства, местной власти как на значимый фактор указывают 11 % респондентов... Не чувствуя себя зависимыми от государства или обязанными ему, молодые люди, соответственно, не задумываются над тем, что должны делать какой-то вклад в функционирование публичных институтов. Представление о том, что человек в реализации жизненных целей обязан только самому себе, является, возможно, эффективной установкой для достижения индивидуальных целей. Однако в контексте социальной интеграции, солидарности такая идея представляется достаточно деструктивной»⁹.

Думаем, подобные ориентации современной российской молодежи не удивительны, поскольку детерминированы общественным развитием России в последние десятилетия XX — начала XXI века. Распад Советского Союза, системный кризис, не всегда продуманные реформы, в том числе и в сфере образования, болезненно отразились на состоянии всей системы высшей школы страны: неоправданно часто менялись учебные планы и дисциплины, снижался социальный статус вузовской интеллигенции и авторитет выпускника высшего учебного заведения.

Присоединение российской высшей школы к Болонской конвенции — введение магистратуры и бакалавриата, новых образовательных стандартов, компетентностного подхода — приблизило отечественную вузовскую практику, преподавателей и студенчество к европейским образцам, но и породило новые проблемы, большая часть которых воспринята вузовским сообществом негативно. Это тот случай, когда стоит прагматично задуматься о всех «за» и «против» этих новаций.

Введение двухуровневой системы высшего образования — одна из таких новаций. В ее оценке мы солидарны с мнением О. В. Золотарева: «...принятие решения о переходе на двухуровневую систему подготовки кадров фактически выдавливает из российских вузов специалитет, делая основой подготовки бакалавриат — вид образования с ярко выраженным прагматическим уклоном. Это не только приведет к снижению знаний выпускников вузов (ведь большинство выпускников будет учиться не 5 лет, как ранее, а всего 4), главное — идет смена *вектора* подготовки выпускника высшей школы»¹⁰.

Вторая новация, ошибочная даже с позиций прагматики, — административно закрепленное снижение доли социально-гуманитарных дисциплин в системе высшего профессионального образования. Но стоит ли секвестировать гуманитарное знание (в техническом вузе прежде всего), если требования работодателей не ограничиваются набором узкопрофессиональных навыков и умений; если само по себе гуманитарное знание может быть рассмотрено в контексте утилитарных потребностей университетской среды? В стране почти 20 лет отсутствовала система поддержки государством социально-гуманитарных наук, и популярные сегодня гранты не всегда решают проблему. Между тем именно эти науки необходимы для прогнозирования развития общества, его морально-нравственной устойчивости, для подготовки таких государственных чиновников, которые руководствуются гуманистическими идеалами и действуют в интересах страны и народа.

С нашей точки зрения, выведение гуманитарного знания за пределы прагматических, утилитарных потребностей *tehne*-специалистов, по крайней мере, алогично и рискованно, поскольку сохраняет негативные социальные тенденции. Интересны в этом смысле результаты опроса, который авторы провели среди магистрантов ИГХТУ¹¹. Применив тестовую методику анализа «Восприятие индивидом группы», мы получили такой результат: из потока магистрантов первого курса 75 % — «прагматики», 15 % — «индивидуалисты», 10 % — «коллективисты». «Прагматик» оценивает группу с точки зрения полезности и отдает предпочтение контактам лишь с наиболее компетентными источниками информации, способными оказать помощь. «Индивидуалист» относится нейтрально к группе, уклоняясь от совместных форм деятельности. «Коллективист» воспринимает группу как самостоятельную ценность, стремится внести свой вклад в жизнедеятельность группы. Понятно, что такое поведение экстраполируется студентами из микросреды (вуз) в макросреду (общество). Не удивительно поэтому, что, отвечая на вопросы анкеты о жизненных планах, магистранты нарисовали такую «программу-минимум» среднестатистического студента: изучать только то, что непосредственно связано с будущей профессией, зарабатывать много денег, стать начальником. Ламентации по поводу бездуховности и безнравствен-

ности здесь излишни. Очевидно, что только гуманитарные науки вряд ли могут коренным образом изменить ситуацию, восстановить разрывы в сознании, мировоззрении молодежи.

Возникает сомнение: можно ли надеяться на решение проблем с введением новых образовательных стандартов (ФГОС ВПО третьего поколения утверждены приказом Минобрнауки № 556 от 9.11.2009 г.), которые суть государственный заказ и общественные ожидания? В них количество часов на значимые гуманитарные дисциплины уменьшается, а количество, например, общекультурных компетенций, которыми должен обладать выпускник вуза, увеличивается. На дисциплины гуманитарного и социально-экономического цикла отводится 32 зачетные единицы из 240, заложенных в учебный план четырехгодичной подготовки бакалавра. В то же время количество (15), значимость и обширность общекультурных компетенций впечатляет. Отметим наиболее, на наш взгляд, труднодостижимые:

- осознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности;
- использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач, способность и готовность понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, способность к пониманию и анализу мировоззренческих, социально и личностно значимых философских проблем;
- уметь анализировать социально-значимые проблемы и процессы, быть готовым к ответственному участию в политической жизни¹².

Такие фундаментальные задачи заставляют по-новому оценить роль и значимость вузовской интеллигенции в решении настоящих социальных проблем. Эта работа предполагает формирование у педагога высшей школы нового, прагматического, метода рефлексии — технологического видения процесса обучения, в котором важная роль отводится гуманитарной составляющей. Преподаватель должен стать автором проекта учебного процесса, реализация которого позволила бы сформировать у студентов значимые профессиональные и личностные качества (в том числе и на-

званные выше труднодостижимые общекультурные компетенции)¹³. Исследователями доказано: использование технологического подхода побуждает теоретиков и практиков во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в области образования, находить основания результативности деятельности; мобилизовать лучшие достижения науки и передового опыта, чтобы гарантировать получение требуемого результата; строить деятельность на интенсивной, то есть максимально научной, а не на экстенсивной основе, ведущей к неоправданным затратам сил и времени¹⁴; использовать информационные ресурсы, междисциплинарный подход к обучению и воспитанию. Технологичность в таком случае — не дань моде, а стиль современного научно-практического мышления, в котором реализуется союз гуманистического мировоззрения и прагматики информационного общества.

Несколько лет назад в учебные планы ряда вузов страны для магистрантов введены новые курсы с общим названием «Технологии профессионально ориентированного обучения» («ТПОО»), что было вызвано и прагматикой — нехваткой *педагогически компетентных* преподавателей, и тем, что гуманитарная невосприимчивость наставников¹⁵ порождает, тиражирует узкий профессионализм выпускников. Как известно, у нас пока отсутствует система подготовки преподавателя высшей школы. О необходимости такой подготовки вузовских педагогов говорил еще С. И. Гессен, особо педалируя мысль о способности университета к самовосполнению путем подготовки преподавателей и ученых. Поэтому кадровый состав вузов пополняют вчерашние студенты, которые идеологию (а точнее, безыдейность) нашего времени вкупе с мировоззрением прагматизма переносят на подрастающее поколение. Это прежде всего духовная проблема общества, но в не меньшей степени и проблемы профессиональной компетентности, не решив которые общество рискует — и биологически, и социально, и экономически.

Думается, частично снизить эти риски поможет введение в образовательные программы высшей школы учебной дисциплины «Технологии профессионально-ориентированного обучения». Гуманитарная направленность этого курса позволяет надеяться на подготовку вузовской интеллигенции нового типа.

Безусловно, «интеллигенция» — понятие сложное, до сих пор вызывающее дискуссии ученых¹⁶. В контексте проблематики данной статьи наиболее приемлемым, по нашему мнению, является обобщенное определение В. С. Меметова: интеллигенция — это «...интеллектуально-образованная и нравственно-развитая часть общества, профессионально занимающаяся творческим трудом, развитием и распространением культуры»¹⁷. Нравственность и профессионализм вузовского преподавателя — те качества, в которых остро нуждается современное российское общество. Это одна из возможностей повлиять на духовное состояние студенчества, повысить роль, значимость и социальный статус преподавателя.

Сравнительный анализ программ курсов, подобных ТПОО¹⁸, показывает, что, во-первых, пока в разработке указанных курсов лидируют педагогические, а не технические вузы (преподавательский состав которых зачастую формируется или самовосполняется за счет выпускников без должной психолого-педагогической подготовки). Во-вторых, их авторы — профессиональные педагоги — изначально хорошо понимают проблемы современного высшего образования и предусматривают насыщение гуманитарным содержанием программ точных и специальных дисциплин, в определенной мере стремясь и к интеллигентно-ведческой подготовке магистра.

Так, в программе курса «Современные технологии обучения в физическом образовании», разработанном на кафедре физики Иркутского государственного педуниверситета, примечательно то, как авторы формулируют свою главную задачу — «...раскрыть перед студентами... теоретические основы процесса преподавания физики и руководства познавательной деятельностью учащихся и студентов, научить будущего специалиста *слушать и слышать своих учеников, понимать их точку зрения, уметь организовать диалог, дискуссию, конструктивную критику...* Научить магистрантов не просто пользоваться чужими, готовыми опорными конспектами и структурно-логическими схемами уроков, а создавать их, формируя *индивидуальный профессиональный почерк*»¹⁹ (курсив наш. — О. М., С. С.; выделены те аспекты разработанного иркутскими коллегами курса, которые убедительно доказывают, что цели высшего профессионального

образования будут соответствовать насущным потребностям общества и государства, а пополнение рядов вузовской интеллигенции станет качественным только тогда, когда в системе подготовки такой интеллигенции в должной степени будет обращено внимание и на специальные, и на гуманитарные дисциплины). В этом случае *прагматизм* как часть нового педагогического (технологического) мышления в современном высшем профессиональном образовании *актуален и оправдан*.

Личный опыт подсказывает нам, что в техническом вузе единение гуманитарного и технократического мышления возможно, ибо цель здесь *общая* — высокопрофессиональный педагог, ученый, интеллигент. Дисциплина «ТПОО» была введена для магистрантов с целью повышения психолого-педагогической компетентности преподавателя высшей школы. Курс направлен на то, чтобы стимулировать магистрантов к самостоятельному получению необходимых знаний, способствовать развитию лично значимых практических умений и навыков: например, проектировать программу учебного курса, лекцию, семинарское занятие, технологию учебного процесса, конструировать учебное занятие, подбирая соответствующие дидактической цели методические формы и методы работы со студентами, тем более что современная информационная среда позволяет использовать действительно все многообразие методов активного обучения, информационно-коммуникационные технологии, которые ранее лишь декларировались.

Курс «ТПОО» позволяет продемонстрировать не умозрительную, а практическую эффективность многих, хорошо известных в методической науке, но на практике мало применяемых приемов: в частности, опыт чтения лекций одному потоку двумя преподавателями (авторы успешно реализуют этот метод активного обучения), когда появляется реальная возможность показать различные стили педагогического общения, различные методы и технологии обучения. При этом преподаватель-гуманитарий не претендует на роль универсала, не вторгается в узкопрофессиональное поле интересов магистрантов разных специализаций. Ведь глобальная цель курса — дать инструментарий для деятельности. Не случайно древняя мудрость гласит: «Если хочешь накормить человека один раз — дай ему рыбу. Если хочешь накормить на всю жизнь — научи его ловить рыбу».

Говоря о прагматике и гуманитарной составляющей процесса обучения, мы неизбежно приходим и к вопросу о воспитании студенческой молодежи. То, что учебный процесс в вузе выполняет не только функцию обучения, но и воспитательную функцию, сейчас уже не является предметом споров. Глобализационный характер данной тенденции подтверждают многие документы из области образовательной политики ведущих стран мира. Так, в принятом в США законе «Национальные цели образования» (2000 г.) среди приоритетных особо актуализированы цели, «ориентированные на совершенствование системы воспитания с учетом изменений в обществе и вытекающих из них сложностей социализации подрастающего поколения»²⁰. Принципиально важно, что в макете Федерального Государственного образовательного стандарта ВПО в области воспитания личности российским вузам рекомендовано самостоятельно формулировать цели высшего профессионального образования, учитывая, что среди основных социально-личностных качеств выпускника (бакалавра или магистра) желательны: целеустремленность, организованность, трудолюбие, ответственность, гражданственность, коммуникабельность, толерантность, высокая общая культура²¹. Там же указывается: «При разработке основных образовательных программ (ООП) должны быть определены возможности вуза в формировании социально-личностных компетенций выпускников (например, компетенций социального взаимодействия, самоорганизации и самоуправления, системно-деятельного характера). Вуз обязан сформировать социокультурную среду, создать условия, необходимые для всестороннего развития личности. Вуз обязан способствовать развитию социально-воспитательного компонента учебного процесса, включая развитие студенческого самоуправления, участие студентов в работе общественных организаций, спортивных и творческих клубов, научных студенческих обществ»²². Хотя признаем пока очевидное: эффективность воспитательного влияния вуза на студенчество остается значительно ниже по сравнению с воздействием других активных участников — СМИ, политических течений, неформальной среды общения, массовой культуры.

В то же время работа с магистрантами в рамках курса «ТПО» убедительно доказала авторам, что подготовка в стенах технического вуза педагогически компетентных преподавателей

возможна. Изучая историю образовательных систем высшей школы с античности до наших дней, магистранты *не отстраненно*, а *лично* понимают, что в традициях мировой и отечественной университетской культуры изначально заложена идея универсальности знания, которая предполагает гармоническое сочетание гуманизма и прагматики. Для них значимым фактором оказывается не только сам процесс становления социального института образования, но и неординарность, масштаб личности педагога: теоретика и практика, ученого и человека. Осваивая систему педагогических воззрений Сократа и Платона, Я. А. Коменского и Я. Корчака, К. Ушинского и А. Макаренко, магистранты обнаруживают, что идеи этих (и других) великих педагогов во многом актуальны и сегодня, что самореализация возможна и в творческом педагогическом труде. Особенно ярко это проявилось в одном из наиболее сложных семинаров, посвященных технологиям решения основных педагогических задач: использование методов активного обучения при проектировании и конструировании дискуссии. В дискуссии на тему: «Преподаватель и студент: вызовы современности», которую предложили сами магистранты, они продемонстрировали осознание философских проблем образования, понимание социальной и гражданской ответственности вузовской интеллигенции, своей возможной роли в жизни современного общества. Предварительная подготовка к дискуссии показала сформированность у магистрантов базовых научных, инструментальных и общекультурных компетенций. Проводя интервьюирование преподавателей, соопрос студентов ИГХТУ, анализируя законодательную базу системы образования РФ, изучая теоретические и прикладные аспекты исследуемой проблемы, — участники дискуссии продемонстрировали критичность мышления, навыки самостоятельного поиска необходимой информации, умение анализировать и обобщать, формулировать и отстаивать собственную позицию, соблюдать культуру и этику ведения дискуссии, объективно оценивать себя и оппонента. Результаты дискуссии помогли им понять, что современность требует от выпускника вуза, тем более магистра, избегать односторонности узкопрофессионального (фрагментарного) знания, стремиться к целостности восприятия универсума; осознавать когнитивные функции гуманитарных дисциплин в производстве

специального знания; придавать профессиональным знаниям ценностный аспект.

Это в значительной степени, считаем мы, соответствует государственному стандарту, в котором определяется желаемый образ, идеал специалиста, необходимого современной России — компетентного, деятельного профессионала, гражданина и патриота, принципиального и порядочного человека. На этот образ ориентируются все практические работники государственной системы высшего профессионального образования, когда определяют цели и задачи воспитания студентов. Руководство вузов, в частности ИГХТУ, не случайно отдает приоритет именно воспитательной работе: действительно, стране нужно *дееспособное* поколение. Рынок труда требует от выпускников вузов новых коммуникативных качеств, психологической мобильности, умения быть конкурентоспособными в современных, порой циничных, реалиях. Именно поэтому вузы — за здоровый прагматизм и новую мотивацию студенчества к созидательной деятельности.

Впрочем, есть и другой вариант идеологически обоснованной целостной концепции воспитания студенческой молодежи — «Основы концепции воспитания жизнеспособного поколения» И. М. Ильинского²³. Хотя отметим, что эта концепция дает и серьезный повод для полемики²⁴. Даже название объекта воспитания — «жизнеспособное поколение» — скорее апеллирует к биологическим ассоциациям, принципу естественного отбора или спартанским идеям «выбраковки» жизнеспособных и нежизнеспособных. Она мало согласуется с коллективизмом, взаимопомощью. Думается, противостояние в конкуренции все же может оставаться в рамках гуманистических принципов взаимного уважения достоинства и прав человека, если в основу соперничества, критериев оценки успешности будут положены профессионализм, компетентность и моральные принципы молодого специалиста-интеллекта. Именно к этому, на наш взгляд, должны быть направлены усилия тех, кто сегодня воспитывает российское студенчество. И тогда мы вновь приблизимся к замыслу М. В. Ломоносова о Московском университете — «к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества»²⁵.

Хотелось бы верить, что продуманные реформы образования, приоритет воспитательной политики вузов и дисциплины,

подобные ТПОО, должны в итоге снизить социальные риски, гуманизировать общество, дать надежду на формирование новой вузовской интеллигенции, научить здоровому прагматизму (не жизнеспособности за счет нарушения этических и моральных императивов, а умению быть конкурентоспособным на основе компетенций, знаний, профессионализма).

Примечания

- ¹ «Прагматизм (греч. *pragma* — дело, действие) — философское учение, рассматривающее действие, целесообразную деятельность в качестве наиболее яркого свойства человеческой сущности... Ценность мышления, согласно П., обуславливается его действительностью, эффективностью как средства для достижения успеха, для решения жизненных задач. Мышление — средство приспособления организма к окружающей среде с целью успешного действия. Содержание знания определяется его практическими последствиями» // Новейший философский словарь. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 20.04.2010).
- ² Эта и другие, приведенные далее словарные статьи цитируются по: URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 20.04.2010).
- ³ *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения : пер. с англ. / пер. *К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева.* М., 2000. (Электронная библиотека по философии: URL: <http://filosof.historic.ru> (дата обращения: 20.04.2010)).
- ⁴ URL: <http://ru.wikipedia.org>.
- ⁵ *Соколов А. В.* Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества // Социологические исследования. 2005. № 9 ; *Аврамова Е. М., Шабунова А. А., Логинов Д. М.* Студенты столицы и провинции: социальные ресурсы, ожидания // Там же ; *Белова Т. П.* Вузовская интеллигенция и студенчество как объект социологического анализа // Интеллигенция и мир. 2005. № 1/2 ; *Бабинцев В. П., Реутов Е. В.* Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1 ; и др.
- ⁶ *Алисов Д. А.* Социокультурный облик городской молодежи в условиях «перестройки» и современных реформ // Вестник Омского университета : спец. вып. 3. Омск, 1996. С. 71—72.
- ⁷ *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 223—224.
- ⁸ *Белова Т. П.* Указ. соч. С. 21, 27.
- ⁹ *Бабинцев В. П., Реутов Е. В.* Указ. соч. С. 114.

- ¹⁰ *Золотарев О. В.* Российские образовательные реформы последних лет или от какого наследства мы отказываемся... // *Интеллигенция и мир.* 2009. № 1. С. 23.
- ¹¹ Опрос проводился среди магистрантов 1-го года обучения в течение 2008—2009 гг. (140 человек), метод — прямое интервьюирование респондентов; полученные выводы — предварительные (репрезентативность опроса пока не может считаться удовлетворительной). Авторы предполагают продолжить мониторинг исследуемой проблемы.
- ¹² В данном случае приведен пример общекультурных компетенций, закрепленных учебным планом подготовки бакалавров по направлению 240100 «Химическая технология» в Ивановском химико-технологическом университете (см.: URL: <http://main.isuct.ru>). В основе такого набора общекультурных компетенций — типовые рекомендации государственного стандарта.
- ¹³ Исследованиям в этом направлении были посвящены следующие работы: *Виленский М. Я., Образцов П. И., Уман А. И.* Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе : учеб. пособие / под ред. *В. А. Сластенина.* М., 2004 ; *Образцов П. И.* Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения : монография. Орел, 2000 ; *Беспалько В. П.* Слагаемые педагогической технологии. М., 1989 ; и др.
- ¹⁴ Иначе неизбежен интеллектуальный и психологический коллапс, подобный тому, что великий князь Сергей Александрович описал так: «Молодые люди думали, что в университете им объяснят, как приобщиться к жизни. Профессора же вместо этого раскрыли перед ними бездну вселенной. Полагаю, это трудно перенести» (*Цитриняк А., Хемлин М.* Великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 2009. С. 219).
- ¹⁵ Это перекликается с суждением Х. Ортега-и-Гассета: «Нужно гуманизировать ученого. Нужно, чтобы человек науки перестал быть тем, кем он с плачевной частотой является сейчас — варваром, который много знает о некотором предмете. К счастью, первые фигуры поколения настоящих ученых чувствовали себя вынужденными, по внутренней необходимости своей собственной науки, дополнять свою специализацию всесторонней образованностью. Остальные неизбежно пойдут по их следам» (*Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета // *Отечественные записки.* 2002. № 2 (3). URL: <http://www.strana-oz.ru>).
- ¹⁶ См. подробнее: *Меметов В. С.* К первым итогам становления «интеллигентоведения» как самостоятельной отрасли научного знания // *Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции : межвуз. респ. сб. науч. тр.* Иваново, 1996 ; *Он же.* К вопросу об изучении генезиса отечественной интеллигенции // *Московский универ-*

- ситет и судьбы российской интеллигенции : материалы междунар. конф. М., 2004 ; *Будник Г. А.* Интеллигентоведение как новая отрасль научного знания // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 2009 ; *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества как процесс коэволюции мировой интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции : монография / под ред. *В. С. Меметова.* Иваново, 2008 ; и др.
- ¹⁷ *Меметов В. С.* Генезис, формирование и деятельность интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции.
- ¹⁸ Санкт-Петербургский государственный университет: «Психология педагогической деятельности»; Академия ФАПСИ при Президенте РФ: «Преподаватель в системе высшего образования»; Санкт-Петербургский педагогический университет: «История образовательных систем высшей школы», «Психология профессиональной деятельности», «Педагогика и психология высшей школы», «Современные образовательные концепции»; Иркутский государственный педагогический университет: «Современные технологии обучения в физическом образовании»; Ивановский государственный химико-технологический университет: «Технологии профессионально-ориентированного обучения» и др.
- ¹⁹ Восточно-Сибирская государственная академия образования, «Иркутский государственный педагогический университет», факультет математики, физики и информатики: Учебная программа дисциплины «Современные технологии обучения в физическом образовании. Направление: 540200 Физико-математическое образование». Магистерская программа 540202М — Физическое образование // URL: <http://isttu.irk.ru>.
- ²⁰ *Малькова З. А.* Актуализация проблем воспитания в США // URL: <http://www.PORTALUS.RU>.
- ²¹ *Максимов Н. И.* О макете Федерального Государственного образовательного стандарта // Проектирование федеральных государственных образовательных стандартов и образовательных программ высшего профессионального образования в контексте европейских и мировых тенденций : материалы XVII Всерос. науч.-метод. конф. М., Уфа, 2007. С. 19.
- ²² Там же. С. 21.
- ²³ URL: <http://www.ilinsky.ru/publications>.
- ²⁴ *Садина С. С.* Воспитание в вузе: будущая интеллигенция и конкуренция // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность. С. 356—358.
- ²⁵ URL: <http://www.mmforce.net/msu/story>.

Т. Н. Шушунова

ОСОБЕННОСТИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В русле концепции построения социально-ориентированной рыночной экономики в республике Беларусь особую актуальность приобретает выработка путей и способов расширения воспроизводства человеческого капитала. Накопленный человеком определенный запас интеллекта, здоровья, научно-образовательных знаний, эффективно используемый в общественном производстве, содействует, с одной стороны, росту личного благосостояния, с другой — способствует развитию социально-экономической системы в целом. Вместе с тем, Беларусь пока заметно отстает от стран с высоким уровнем социально-экономического развития по ряду важнейших социально-демографических показателей (продолжительность жизни, уровень смертности и т. д.), которые отражают качество человеческого капитала. Обязательной предпосылкой повышения этого качества является изучение самосохранительного поведения студенческой молодежи, выступающей как потенциальный носитель интеллектуального капитала страны. Этот капитал имеет шанс быть реализованным в случае актуализации позитивного самосохранительного поведения на основании личностного выбора. Рассматриваемый качественный потенциал страны — это те молодые люди, которые претендуют называться интеллигентами. В социологии под интеллигенцией понимают общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным (преимущественно сложным) трудом и имеющих, как правило, высшее образование¹. В статье Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Психология русской ин-

© Шушунова Т. Н., 2010

Шушунова Татьяна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и права Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка (г. Минск). Tatiana-shushunova@gmail.com

теллигенции» под интеллигенцией понимается «все образованное общество; в ее состав входят все, кто так или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно принимает участие в умственной жизни страны... Без известного минимума образования нельзя участвовать в умственной жизни страны...»². В связи с этим, студенческую молодежь как социально-демографическую группу, которая находится в состоянии приобретения высшего образования — важного критерия интеллигентности, следует рассматривать в качестве потенциальных интеллигентов³. Данное утверждение согласуется с мнением С. Н. Иконникова и В. Т. Лисовского, которые считают, что «в социальной структуре общества студенчество может быть названо социальной группой, по своему общественному положению стоящей близко к интеллигенции, являющейся ее резервом и предназначенной в будущем к занятию высоко квалифицированным трудом в различных областях науки, техники, управления, культуры и т. д.»⁴. В связи с необходимостью изучать самосохранительное поведение особое внимание следует уделить именно студенческой молодежи, поскольку, согласно данным экспертных опросов, выполненных Институтом социологии НАН Беларуси и Республиканским центром гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья, именно у этой социально-демографической группы наиболее ярко выражен феномен вынужденного отказа от самосохранительного поведения, проявляющийся в ситуации выбора между здоровьем и успехами в учебе. Эксперты также признали, что период учебы в высшем учебном заведении является одним из этапов жизни людей, на котором происходит максимальная потеря здоровья.

Государственные органы власти уделяют большое внимание вопросам сохранения и укрепления здоровья граждан, а также — созданию условий для их полноценной жизнедеятельности. Однако сделать свою жизнь наполненной, полезной и достойной — в руках самого человека. Поэтому важным компонентом социально-демографической политики Республики Беларусь является популяризация идеи о том, что личный успех и эффективное развитие общества возможны в том случае, если жизненным кредо каждого станет принцип: «Я ответственен за себя, за свою семью, за свою страну!» Воплощение указанного актуального принципа предполагает формирование, в первую очередь — у

молодежи, образа мышления, в котором гармонично представлены позитивные ориентации на самосохранение в биологическом, психологическом и социальном отношениях.

Изучение самосохранительного поведения, вопросов, касающихся самосохранения, для социологии не ново. Так, классик социологии, известный французский мыслитель Э. Дюркгейм изучал именно самосохранительное (предохранительное) поведение в рамках созданной им концепции «аномии», объясняющей причины девиантного поведения⁵. Немецкий социолог Г. Зиммель рассматривал проблемы, связанные с самосохранением, в своем социологическом исследовании «Самосохранение социальной группы» (1898), где пытался ответить на вопрос: каким образом и в каких условиях в группе срабатывает механизм самосохранения⁶. Российско-американский социолог П. Сорокин использовал понятие инстинкт самосохранения, наряду с пищеварительным, половым и другими инстинктами, в теории абсолютной депривации, когда обосновывал идею о том, что подавление базовых инстинктов большинства населения является предпосылкой любой революции⁷.

По определению самосохранительное поведение представляет собой форму социального поведения, которая включает сознательные действия индивида по сохранению своего здоровья в биологическом, психологическом и социальном отношениях. Это позволяет нам выделить в самосохранительном поведении три уровня ориентации:

1) *биологическая* подразумевает поведенческую ориентацию, фокусированную на удовлетворение первичных потребностей в еде, отдыхе, порядке и т. д. На этом уровне для человека важно избегать смертельной опасности, довериться удовлетворению своих постоянно возникающих желаний, которые не выйдут за рамки витальных. Самосохранение здесь, прежде всего, биологически ориентировано, можно сказать, физиологично;

2) *психологическая* при выборе модели поведения предполагает поведенческую ориентацию главным образом на первичные и референтные группы индивида, на те социальные институты, где происходит его личностная социализация. Благодаря влиянию и значимости в повседневной практике мнения семьи, друзей, жизненные идеалы в данной поведенческой ориентации

во многом детерминированы ближайшим окружением, необходимостью удовлетворения потребностей в уважении, общении, понимании. Самосохранение здесь основано на «Я-концепции» человека, на чувстве внутренней психологической гармонии;

3) *социальная* характеризуется значимостью социального набора признаков: социальный статус, престиж, признание в профессиональном коллективе, восприятие себя сквозь призму общественного мнения. Рассматриваемая ориентация поведения предполагает расстановку приоритетов таким образом, что на первом месте окажутся именно те, которые будут играть общественно-значимую роль. Здесь речь идет о самосохранении в смысле поддержания социально-профессионального статуса, связанного с ним материального благополучия, а также дальнейшего выполнения активной гражданской функции.

Самосохранительное поведение в рамках выделенных ориентаций может проявляться как в позитивных, так и в негативных действиях. Комбинаторное сочетание действий, в рамках названных ориентаций, позволяет сконструировать модель формирования самосохранительного поведения в русле ономасиологического подхода.

Исследуя отношение респондентов к какому-либо явлению, мы создаем условия для того, чтобы вовлечь их в процесс порождения актуального смысла, который должен выражаться в понятных (которые можно интерпретировать) и адекватных (связанных по формальным и содержательным характеристикам с формулировкой самого вопроса) языковых формах. Именно поэтому как спросишь, так и ответят, на что сделаешь акцент, на то и обратят внимание. Таким образом, для того чтобы существенно сократить ошибки, минимизировать энтропийный фактор (все, что связано с порождением фоновой, шумовой информации), мы и обратились к методике конструктивного ономасиологического моделирования, разработанной белорусским ученым А. И. Шабловским⁸.

Ономасиология — это раздел лингвистики, который изучает процесс порождения смысла в том случае, если этот смысл выражается с использованием языковых форм. Задача ономасиологии — выработать общие механизмы порождения смысла, как на уровне отдельных слов, так и на уровне предложения и текста. Именно ономасиологические закономерности лежат в основе ре-

комендаций по операционализации понятий и составлению валидного социологического инструментария. С точки зрения ономазиологии, для того чтобы достаточно информативно осуществить операционализацию понятий, необходимо отразить признаковую: субъектную (кто), предикативную (процессуальную) и объектную (что) стороны понятия.

Применяя методику А. И. Шабловского к изучению самосохранительного поведения, мы особое внимание обращаем на ономазиологический контекст, детерминант и тип мотивационных отношений. Ономазиологический контекст представляет собой совокупность опытного знания, то, что в социологии называется эмпирической информацией. Детерминант выступает в качестве «фильтра», что наиболее важно для валидного распределения социологической информации. Тип мотивационных отношений указывает на то, какое именно качество объекта оказывается наиболее весомым в формальном выражении общей детерминантной обстановки.

В социологии не выработаны такие показатели, которые бы четко определяли разделение наблюдаемого процесса на субъект—объект—предикат. В лингвистике такие показатели есть. Например, предложение: «человек рубит дрова». Это безусловное существительное — сказуемое — неопределенное существительное в позиции дополнения, то есть человек — субъект (кто?), рубит — предикат (что делает?), дрова — объект (что?). Поэтому, когда мы ориентируемся на использование социологических методик, мы вынуждены осуществлять феноменологическую аппроксимацию, на основе логики и здравого смысла, то есть в некотором смысле аксиоматически. Самосохранительное поведение предполагает наличие у человека индивидуальности, своего внутреннего мира и желания инкорпорироваться в определенный социальный стереотип, под которым понимаются достигаемые объекты. У человека как субъекта самосохранительного поведения также есть биологические потребности, реализация которых делает его целесостоятельным по отношению к планируемой цели. И по этой причине биологическая ориентация является предикатом, связующим звеном между «Я-концепцией» и социальными стереотипами.

Аппроксимируя лингвистическую методику к задачам социологического исследования, а именно, к изучению самосохранительного поведения, мы предполагаем следующее:

- 1) психологическая ориентация соответствует субъекту,
- 2) социальная — объекту,
- 3) биологическая — предикату.

Субъект — это носитель индивидуальных качеств, обладатель собственной «Я-концепции». Субъект соотносится с психологической ориентацией, поскольку она вбирает в себя все, что связано с особенностями восприятия, все, что находится в начале любой целеполагающей деятельности.

Под объектом есть смысл понимать любую планируемую или достигнутую цель. Так как человек в любом случае стремится к предметной социализации, сотрудничеству, это значит, что социальный аспект наиболее адекватен для социальной ориентации.

Сама деятельность — предикат, биологическая ориентация, поскольку сюда входят все те феномены, которые делают эту деятельность возможной.

В рамках предложенной системы допущений возможно создание социологической модели формирования самосохранительного поведения, которая строится по определенным правилам.

Правила построения модели:

1. Признаки, при помощи которых описываются элементы модели, должны быть неоднородны, совместимы и релевантны (т. е. выполнять структурообразующие функции).

2. Любая комбинация признаков задает некоторый элемент модели так, что заданные элементы образуют коммутативную группу. Модель удастся построить, если признаков будет не меньше трех.

3. Чтобы рассмотреть модель как самодостаточную, нужно иметь признак, который бы ее характеризовал, выражал основную идею — в нашем случае это ориентация при формировании поведения на самосохранение.

Признаки элементов модели. Согласно первому правилу задаем три признака, характеризующие каждый элемент модели.

1. Биологическая ориентация (Б):

а) позитивная биологическая ориентация Б+ — человек должен своими действиями стремиться к максимальной продолжительности жизни, т. е. сохранять свою жизнь, избегая опасностей;

б) негативная биологическая ориентация Б– предполагает невнимание индивида к своей жизни. В своей максиме — это стратегия фаталиста, который, не задумываясь, играет с собственной жизнью в «русскую рулетку», считая, что все предрешиено заранее. Для данной ориентации характерны вредные привычки, плохое питание и т. д.

2. Психологическая ориентация (П):

а) позитивная психологическая ориентация П+ — это признание важности мнения первичных групп, значимость в жизни таких понятий, как любовь, дружба, доверие и т. д.;

б) негативная психологическая ориентация П– подразумевает нежелание индивида принимать во внимание мнения, желания, советы людей в своей первичной социальной среде.

3. Социальная ориентация (С):

а) позитивная социальная ориентация С+;

б) негативная социальная ориентация С–.

Предполагается выявление наличия или отсутствия значимости для индивида такого набора социальных признаков, как социальный статус, престиж, признание в профессиональном коллективе, восприятие себя сквозь призму общественного мнения.

Коммутативная группа:

Комбинаторное сочетание названных ориентаций позволяет выделить следующие, условно названные, идеальные социотипы, характеризующие носителей соответствующих моделей самосохранительного поведения:

Б+П+С+ «Позитивист». Рассматриваемый тип поведения отличает характерное и подчеркнутое внимание к самосохранению, выраженное во всех трех ориентациях. Данный социотип на уровне физиологии проявляет в своей модели поведения осторожность и предусмотрительность, направленную на сохранение себя как биологического вида, стремящегося к высоким срокам продолжительности жизни. Потребности в любви, в дружбе и уважении обеспечиваются за счет определенного уровня организации и функционирования его первичной группы, что дает чувство удовлетворения и комфорта. С точки зрения общественного мнения данный социотип характеризуется как успешный, профессиональный, и это способствует его дальнейшему стремлению

к реализации себя в профессии, к повышению уровня и качества жизни, к выполнению общественных норм и функций.

Б+П+С– «Реалист». Такое название этот тип поведения и человек, его выражающий, получил благодаря своему сознательному игнорированию общественных целей. Этот социотип стремится жить долго, и в связи с этим его поведение даже на уровне биологической ориентации всегда со знаком плюс. У него сформировался круг значимых единомышленников, которые также не разделяют вредные привычки, ведут активный образ жизни, стремятся к удовлетворению своих духовных потребностей. Он реализует в своей практике принципы здорового образа жизни, осознает важность и значимость биологического и психологического комфорта в повседневной жизни. И ради сохранения этого он готов жертвовать общественно значимыми целями. Данный социотип привык во всем полагаться на себя и на своих близких. В такой форме самодостаточности реализация себя как гражданина, профессионала, успешного человека для него не самоцель.

Б+П–С+ «Карьерист». Рассматриваемый социотип представляет человека, способного пренебречь своими личными принципами, интересами своей первичной группы ради успешной реализации себя в социуме. С биологической точки зрения данный человек тяготеет к сохранению себя, оберегаясь от опасностей, имея внутреннее чувство меры, препятствующее самоуничтожению различными способами. Но здоровье, как важнейшая жизненная ценность, в этом случае выступает скорее как средство, позволяющее осуществить задуманное. Для данного социотипа на первом месте в самосохранительном поведении выступает социальная ориентация, которая проявляется в общественном признании, в построении карьеры, в обретении высокого социального статуса и тех преимуществ, которые из этого следуют.

Б–П+С+ «Общественник». Данный социотип ориентирован на успешное встраивание в социальную структуру на всех уровнях, даже за счет ущемления первичных потребностей. Он нуждается в одобрении, общении, разнообразных социальных контактах настолько, что становится зависимым от общественного мнения. Его жизненной стратегией становится реализация функции «быть полезным для других». Будь ли это вопросы, касающиеся профессиональной сферы, где данный социотип про-

явит себя как высококвалифицированный специалист, либо это связано с психологической поддержкой, моральной помощью и т. д. Но при этом он не склонен придавать значение физическим недомоганиям, переутомлению на работе, режиму питания.

Б–П+С– «Конформист». Поведение данного социотипа подчинено интересам своего ближайшего окружения. Он стремится наилучшим образом найти и реализовать себя в малой группе. Мнения, ценности, правила поведения этих людей настолько приоритетны для представителя данного социотипа, что ради них он готов поступиться своими личными желаниями, пусть простыми, насущными, но во многом определяющими степень удовлетворенности человека своей жизнью. Он готов отказать себе в хорошей еде, в покупке новой одежды или откладывает отдых ради того, чтоб помочь близкому человеку в решении его проблем. Общественные установки также неприемлемы, поскольку они не соответствуют духовным запросам данного социотипа.

Б–П–С+ «Моралист». Рассматриваемый социотип в своем поведении уделяет повышенное внимание общественным целям, нормам, приоритетам общественного мнения. На формирование его личности большое влияние оказали вторичные институты социализации, ценности которых он научился принимать. Здесь характерно ущемление позиции важности по отношению к себе, к своей семье и друзьям, к своему здоровью, к условиям своей жизни, но есть полное принятие декларируемых обществом ценностей. Общественное признание, профессиональные знаки отличия приводят к тому, что человек жертвует своим здоровьем и микроклиматом в семье ради определенного социального статуса и подтверждения профессиональных ролевых ожиданий.

Б+П–С– «Потребитель». Позиция поведения данного социотипа предусматривает удовлетворение только своих потребностей, которые не выходят за рамки витальных, насущных. Это те потребности, которые восполняют чувство голода, страха, безопасности, отдыха. С точки зрения биологической ориентации данный социотип позитивен. Но в рамках самосохранительного поведения позитивная биологическая ориентация рассматривается как угнетающая, то есть не дающая возможность реализовать свой потенциал ни в первичной группе, ни в контексте социума. Это вступает в противоречие с понятием гармонично развитой

личности, с определением здоровья, предложенным ВОЗ, где кроме биологической составляющей в человеке рассматриваются и психологический, и нравственный, и социальный аспекты.

Б–П–С– «Негативист». Противоречивый социотип, который не уделяет должного внимания самосохранению ни в одном из отношений. Наличие минусовых значений по всем трем ориентациям самосохранительного поведения характеризует данный социотип как проблемный, несформированный, который подавлен серьезными внутренними противоречиями. Отсутствие однозначного понимания для себя даже биологической составляющей определяет его непрогнозируемость, непредсказуемость.

Выработанная теоретическая типология содержит развернутую «палитру» социотипов, с каждым из которых связана соответствующая модель самосохранительного поведения. Объяснительные возможности построенной типологии раскрываются посредством сравнительного анализа степени выраженности и баланса позитивных и негативных ориентаций в самосохранительном поведении на биологическом, психологическом и социальном уровнях. Данная аналитическая процедура позволяет выделять позитивно ориентированные и негативно ориентированные виды самосохранительного поведения. Последующая эмпирическая апробация построенной типологии на примере студенческой молодежи позволит определить доли представителей различных социотипов в составе целевой группы, которая является объектом нашего исследования. Полученные социологические данные станут основой для глубинного анализа исследуемого феномена. Они позволят определить основные направления работы по целенаправленной корректировке сложившейся структуры типов самосохранительного поведения студентов столичных вузов за счет расширения социальной базы носителей позитивно ориентированных социотипов.

В ходе предложенной методологии изучения самосохранительного поведения студенческой молодежи мы выделяем восемь социотипов, которые репрезентируют восемь видов самосохранительного поведения. Мы также предлагаем разделять выделенные восемь социотипов на два кластера: позитивно ориентируемые (позитивист, реалист, карьерист, общественник) и негативно ориентируемые (конформист, моралист, потребитель, негативист).

Кроме этого, самосохранительное поведение, по определению, представляет собой форму социального поведения и концептуализируется в модель, которая объясняет закономерности возникновения, особенности функционирования и развития самосохранительного поведения.

В данном исследовании в качестве методологического приема для эмпирической апробации выделенной теоретической типологии используем прием, заимствованный из ономазиологии: феномен равнокоррелирующих величин. Суть его такова, что одна величина является «общим членом предложения — определение или обстоятельство, которое относится как к подлежащему, так и к сказуемому», с помощью которой выстраиваем пространственную структуру вариантов ответов. В этой структуре по горизонтали располагаются три варианта ответов, имеющие ярко выраженную концептуальную правопоставленность. Вертикаль образуется за счет противопоставления «линейных вариантов» одному детерминанту, где детерминант — это особый вариант ответа в аспекте теоретического соотношения, равнонасыщенно присутствующий в трех линейных вариантах и наиболее полно выражающий тему. Применение детерминанта позволяет на выходе получить строгий алгоритм — определенный набор вариантов ответа и выделить динамический социотип на фоне ожидаемой тенденции.

Более детально это выражается следующим образом. Три ранее выделенные ориентации в самосохранительном поведении (биологическая, психологическая и социальная) концептуализируются в разработанной анкете четырьмя вопросами — три из которых линейные и один детерминантный. Предварительная операционализация понятий определила соответствующие категории (по четыре к каждой ориентации). Все вопросы имеют по три варианта ответа, но только один из них соответствует общей тематической заданности блока. Применительно к изучению самосохранительного поведения были выделены следующие категории в рамках каждой ориентации:

1. Биологический уровень

Линейные темы:

- Отдых
- Питание

— Безопасность + порядок

Детерминант:

— Здоровье

2. Психологический уровень

Линейные темы:

— Понимание

— Дружба

— Любовь

Детерминант:

— Доверие

3. Социальный уровень

Линейные темы:

— Профессионализм

— Карьера

— Патриотизм

Детерминант:

— Социальный статус.

Если вопрос задается в рамках биологической ориентации в выборе самосохранительного поведения, то только один вариант ответа из предложенных также ей соответствует, поскольку два других варианта ответа принадлежат соответственно к психологической и социальной ориентациям. Например, в вопросе биологической направленности «Что для Вас отдых?» использовались варианты:

1) когда мне ничего не угрожает (биологически направленный вариант ответа, так как безопасность относится к биологической ориентации самосохранительного поведения);

2) когда я чувствую себя спокойно, потому что меня окружают знакомые люди (психологически ориентированный вариант ответа);

3) когда в обществе порядок, вокруг все понятно и по правилам (социально ориентированный вариант).

Если человек на вопрос, сформулированный как биологический, выбирает такой же вариант ответа, значит, фиксируется поддержка биологической ориентации по заданному критерию со знаком плюс. При любом другом варианте ответа биологической ориентации по заданному критерию ставится минус.

В сентябре-октябре 2008 г. автором было проведено описательное социологическое исследование по изучению самосохранительного поведения столичного студенчества. В исследовании участвовали два вуза: Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка и Белорусский национальный технический университет. Всего было опрошено 400 человек. В качестве метода сбора информации был использован анкетный опрос, где инструментарий совмещал в себе классические социологические вопросы и определенные блоки вопросов, которые были подчинены новой методике исследования, а именно — выявлению социотипов самосохранительного поведения столичного студенчества. Для реализации этой цели в анкете использовались три блока вопросов, по четыре вопроса в каждом блоке, где каждый блок отражал одну из трех ориентаций в самосохранительном поведении: биологическую, психологическую и социальную. Причем, в каждом блоке содержалось по три линейных вопроса и одному детерминантному, где детерминант, как уже упоминалось ранее, — это особый вариант ответа в аспекте теоретического соотношения, равнонасыщенно присутствующий в трех линейных вариантах и наиболее полно выражающий тему.

Анализ линейного распределения показал следующие результаты:

Первый блок вопросов раскрывал суть биологической ориентации самосохранительного поведения столичного студенчества. Биологическая ориентация была прооперационализована через понятия: «еда», «отдых», «безопасность», «здоровье».

Проверка биологической ориентации в самосохранительном поведении молодежи, несмотря на расхождения взглядов молодых людей относительно восприятия еды и понятия о безопасности, проявила себя в главном, в детерминантном вопросе, где нужно было сформулировать свое понимание здоровья. Для большей части опрошенных респондентов (59,8 %) здоровье означает состояние «когда ничего не болит». И в вопросе, касающемся определения отдыха, 50 % опрошенных молодых людей объяснили его как возможность «когда я могу расслабиться и восстановить силы». То есть на первый и последний из четырех вопросов, которые маркировались в анкете как биологические, были получены ответы биологической направленности. Еда же,

по мнению большей части представителей студенческой молодежи, воспринимается с психологической точки зрения: «она должна приносить удовольствие» (42,5 %), а безопасность — с социальной, поскольку самым популярным ответом был выбран вариант «когда в обществе порядок» (44,5 %).

Для получения дополнительной информации и проверки выбранной стратегии, касающейся биологического восприятия определенных потребностей человека, в анкете использовался вопрос табличного типа, где респондентов просили определить потребности, которые в жизни для них «очень важны», «важны», «не очень важны» и т. д. Вариант ответа «очень важно» выбрало большинство молодых людей в следующих позициях:

- сохранение здоровья (63,8 %),
- безопасность (51,3 %),
- сохранение собственного тела (49,3 %),
- сон (45,5 %).

На первых позициях оказались насущные, витальные человеческие потребности. Это говорит о том, что биологическая ориентация в самосохранительном поведении студенческой молодежи достаточно устойчива. Варианты ответов: «сон», «сохранение собственного тела», «сохранение здоровья», по сути можно свести к одному знаменателю — «здоровье». Таким образом, сравнив данные первых вопросов, полученных благодаря новой методике, с ответами на чисто социологический вопрос, мы получаем не только подтверждение в ответах, но и дополнительную информацию о том, что конкретно под каждой из потребностей имели в виду опрашиваемые студенты. Так, здоровье воспринимается большей половиной опрашиваемых как главная ценность, и ценность, прежде всего, биологическая, а не инструментальная, так как оно обеспечивает продолжительность жизни. Здесь целесообразно привести распределение ответов студентов относительно их установок на желаемую продолжительность жизни. В анкете был вопрос: «Если бы у Вас была возможность, то какое количество лет жизни Вы бы предпочли для себя при самых благоприятных условиях?» Кроме 6,5 % опрошенных, которые отказались отвечать на этот вопрос, тем самым охарактеризовав себя как «осторожные», все остальные респонденты отмечали достаточно высокие сроки желаемой продолжительности жизни: в ин-

тервале от 100 лет и выше отметили свой желаемый срок жизни 26,8 % молодых людей; в интервале 80—90 лет — 22,6 %; в интервале 70—80 лет — 20,0 %, а в интервале 90—100 лет — 13,2 %. Следовательно, заявки на продолжительность жизни были получены высокие, что вполне объясняет серьезное отношение к своему здоровью и восприятие его как главной ценности жизни. Кроме этого, в вопросе, где студентов спрашивали о причинах, по которым им хочется жить дольше, самыми распространенными ответами были те, которые подтверждали необходимость жить долго, а побудителем в данном случае выступало либо любопытство, либо целеустремленность, либо чувство заботы. Например, на вопрос анкеты «Если бы Вам хотелось жить как можно дольше, то для того чтобы?» были получены следующие варианты ответов: «завершить дело своей жизни» (20,5 %), «увидеть изменения, которые произойдут в жизни» (23,5 %), «лучше обеспечить своих близких» (17,8 %) и около 20 % опрошенных молодых людей предпочли сами написать причину, по которой им бы хотелось жить долго. Вариант ответа «завершить дело своей жизни» согласно новой методике можно интерпретировать как социальную ориентацию в жизни, которая означает раскрытие себя как общественной личности через достижение высокого социального статуса, реализацию себя в профессии через понятия «профессионал», «патриот».

В данной анкете социальная ориентация раскрывалась через понятия: «профессионал», «патриот», «социальный статус», «карьера». Данный блок также содержал три линейных вопроса и один детерминантный. В ходе исследования в трех вопросах большая часть студентов выбрали именно социально ориентированные ответы. Так, профессионал, по мнению опрашиваемых, это, прежде всего, «всеми уважаемый специалист» (55,3 %). Здесь четко прослеживается стремление к успеху, признанию, славе, что возможно только в условиях общественной жизни. На вопрос «Что для Вас самое главное в профессии?» большее количество набрал ответ «перспектива карьерного роста» (44,5 %), т. е. опять проявилось желание молодых людей проявить себя в профессии, достичь высокого положения, признания в жизни, и как способ, через профессию. А высокое положение в обществе, т. е. социальный статус, молодые люди связывают с «возможностью реа-

лизовать себя как гражданина» (44,5 %). Этот вопрос, кстати, был детерминантным. Поэтому можно сказать, что в блоке социально ориентированных вопросов, также как в случае с биологической ориентацией, большая часть опрашиваемых студентов не уклонились от заданной социальной логики ответов: на социально сформулированные вопросы были даны социально ориентированные ответы, что говорит об определенной предсказуемости и прозрачности в выборе своего самосохранительного поведения. Единственное расхождение проявилось в вопросе: «В свободное время я охотно получил бы информацию...», где подразумевалось косвенным образом проверить молодых людей на предмет патриотизма в одном из вариантов ответа. Явное употребление данного понятия в самом вопросе могло спровоцировать студентов отвечать стереотипно, и информация не являлась бы однозначной, поэтому варианты ответов на этот вопрос были: «о здоровом питании» — биологическая ориентация, «как заводить знакомства» — психологическая ориентация и «о жизни талантливых соотечественников» — социальная. Белорусская молодежь, как вся молодежь мира, живет в режиме освоения и принятия череды глобализационных процессов, которые ориентированы на расширение и размывание пространственных границ, переживания иного, нежели только проблем своей страны, социального опыта. Поэтому самым популярным ответом на данный вопрос был не линейный ответ: «о жизни талантливых соотечественников», который, кстати, не остался без внимания (патриотами себя показали 19,3 % опрошенных), а вариант ответа «о здоровом питании» (42,8 %). Это еще раз доказывает факт повышенного внимания студенческой молодежи к вопросам здорового образа жизни. На сегодняшний день здоровый образ жизни становится тем социальным фактом, которым пронизана современная реальность. И если уже об этом задумывается социальная группа, которая, вследствие своей возрастной особенности, могла бы выбрать самым популярным ответом и другой, то действительно, тема здорового образа жизни прочно вошла в сознание основной массы столичного студенчества. И все остальные опрошенные студенты (36,8 %) выбрали вариант ответа «как заводить знакомства».

Психологическая компонента самосохранительного поведения достаточно важная, поскольку здоровый дух и умение настроить свой внутренний мир на позитивный лад играют существенную роль в воспроизводстве такого типа поведения, который способен обеспечить индивиду желаемую продолжительность жизни, если говорить о тех факторах, которые напрямую зависят от человека. Психологическая ориентация самосохранительного поведения была отождествлена с понятиями: «понимание», «дружба», «любовь», «доверие». Линейность в ответах на ряд психологически ориентированных вопросов обнаруживалась не всегда. Это проявилось только в двух вопросах, которые имели цель уточнить восприятие студенческой молодежью понятий «понимание» и «дружба». В вопросе, где молодых людей просили продолжить начатую фразу «приятно, когда...» предложенными вариантами, 58,3 % респондентов выбрали вариант «близкие люди тебя понимают» и практически равное количество студентов условно разделилось на две группы по выбору ответов: «у тебя высокооплачиваемая работа» (20,3 %) и «ты известен, влиятелен» (21,5 %). По понятию «дружба» психологическая ориентация проявила себя достаточно веско, поскольку подавляющее большинство студентов (72,3 %) выбрало психологически направленный вариант ответа: друг — это «тот, которому можно доверить самое сокровенное». То есть дружба в восприятии этих молодых людей тесно связана и с пониманием, и с доверием, и с личностным комфортом, так как с друзьями связывают желание доверить тайну. Четвертая часть респондентов оценила дружбу потребительски, через призму собственной выгоды, выбрав вариант ответа «те, кто может помочь в решении моих проблем». Содержательно сложную психологическую составляющую «любовь» почти половина опрошенных связали с социально ориентированным вариантом ответа «счастливые дети и их родители» (47,3 %), чуть меньше (40,8 %) — с психологически линейным вариантом «приятные эмоции», и только для 11,5 % респондентов любовь предстала через биологически ориентированный вариант «интимные отношения». Детерминантный вопрос данного блока, который должен был подвести черту и четко определить выраженность психологической составляющей в самосохранительном поведении студенческой молодежи: «Приятно, когда в ответст-

венной ситуации...» За ним следовали варианты ответов: «смело можешь доверить свое здоровье врачу перед операцией, адвокату перед судом, инструктору-парашютисту перед прыжком» (21,8 %), «когда с тобой советуются» (33,8 %), «когда ты можешь организовать людей» (44,5 %). По представленным данным видно, что большинство опрошенных студентов предпочли социально ориентированный вариант ответа, еще раз выразив свое потенциальное стремление к успеху, лидерству, признанию.

Обобщая результаты детерминантных вопросов, полученных с помощью новой методики изучения самосохранительного поведения студенческой молодежи, путем выделения в рассматриваемом виде поведения трех составляющих — биологической, психологической и социальной, можно сказать следующее. Ожидаемым, линейным вариантом ответа проявил себя вопрос биологического характера о здоровье, что подтверждает витальность заданной темы, которая становится все более популярной теперь уже и в молодежной студенческой среде. Здесь здоровье воспринимается как биологическая потребность, первичная и насущная, которая позволяет не испытывать боль и недомогание. То есть боязнь чувствовать в повседневной жизни физиологический дискомфорт заставляет респондентов каждый раз и в различных интерпретациях ставить здоровье на высокие позиции в иерархии ценностей.

Психологическая составляющая в самосохранительном поведении молодых людей по детерминантному вопросу показала себя социально опосредованной, поскольку вместо линейного психологического варианта ответа был получен социально ориентированный. Это позволяет предположить значимость влияния социума на внутреннее состояние индивида, на чувство психологического комфорта и говорит о возможности воздействия на индивида со стороны различных и хорошо продуманных каналов социальной сферы жизни.

Социально ориентированный детерминантный вариант ответа также проявил себя в линейной позиции. На выходе оказались два ожидаемых линейных ответа в детерминантных вопросах за исключением психологического, где произошло несовпадение с линейной логикой.

Выходя на типологию самосохранительных социотипов, получаем следующие результаты. Во-первых, все теоретически

выделенные социотипы проявили себя в данном исследовании (см. табл.). Во-вторых, самыми распространенными социотипами самосохранительного поведения студенческой молодежи стали «негативист» и «потребитель», в общей сложности это чуть меньше половины молодых людей. Наличие минусовых показателей в общей сумме характеристик данных социотипов свидетельствует о присутствии серьезного внутреннего личностного противоречия. Отсутствие однозначного понимания для себя даже биологической составляющей, говоря о социотипе «негативист», характеризует его как непрогнозируемый. И эта вариативность в предпочтении форм поведения молодых людей, которых достаточно много, не только подтверждает актуальность выбранной проблематики, но и заставляет серьезно задуматься о способах и видах работы с молодыми людьми, находящимися в состоянии даже неосознаваемой противоречивости взглядов. Потребность в такой активности очевидна, поскольку, как было отмечено в самом начале, студенческая молодежь выступает в качестве потенциальных носителей интеллектуального капитала страны, как будущий ресурс, за счет которого должно произойти пополнение среднего слоя. Именно они должны стать агентами социально-экономического прогресса, носителями национальной культуры и традиций, и в будущем сфера влияния этих молодых людей может быть достаточно широкой.

Распределение социотипов по результатам основного исследования

Социотип	%
<i>Позитивист Б+П+С+</i>	5,3
<i>Реалист Б+П+С-</i>	10,8
<i>Карьерист Б+П-С+</i>	16,0
<i>Общественник Б-П+С+</i>	4,5
<i>Конформист Б-П+С-</i>	7,5
<i>Моралист Б-П-С+</i>	13,8
<i>Потребитель Б+П-С-</i>	21,5
<i>Негативист Б-П-С-</i>	20,4
Всего:	100

Примечания

- ¹ Соколова Г. Н. Интеллигенция // Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Мн., 2003. С. 117.
- ² Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // История русской интеллигенции. М., 1991. С. 382.
- ³ См.: Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. Некоторые проблемы воспитания социологической молодежи // Молодежь и образование. М., 1972. С. 152.
- ⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство : социологический этюд : пер. с фр. 2-е изд. М., 1994.
- ⁵ Томас К. Георг Зиммель об общественных силах // Вестник Московского университета. Сер. 18 : Социология и политология. 2002. № 3.
- ⁶ См.: Рубанов А. В. Механизмы массового поведения // Право и экономика. Сер.: Социология. Мн., 2000. (Прил. к журн.)
- ⁷ См.: Шаблоўскі А. І. Прыроды лексічнай катэгорыі // Беларуская лінгвістыка. 2005. Вып. 55.
- ⁸ Конструктивное информационное поле: инновационная модель / А. И. Шабловский [и др]. Мн., 2005.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

ББК 63.3(2)53-283.2

А. А. Соловьёв

ОБРЕТЕННОЕ ВРЕМЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ритм современной цивилизации возрастает с удивительным постоянством, течение жизни всех куда-то несет, и лишь некоторым удастся выбраться из потока, остановиться или тем более изменить путь, посмотреть чуть отстраненно, чтобы увидеть все, как оно есть на самом деле. Обретение внутреннего смысла своего существования невозможно без веры, что предполагает поиск нравственных ориентиров и ценностей, критериями которых может стать, в том числе, и духовный опыт взаимоотношений интеллигенции и Церкви.

Мода на Церковь, характерная для последних двух десятилетий, не должна вводить в заблуждение, если принять во внимание массовое отступничество от казалось бы несокрушимого православного концепта столетие назад. Для тех, кто верил вместе с Достоевским в свойство русского народа быть «народом-богоносцем», массовая апостасия раннесоветских лет была трагической неожиданностью; но ведь и совсем иное, противоположное событие — крушение советской идеологии — пришло тоже достаточно неожиданно, отчасти и для тех, кто его желал.

© Соловьёв А. А., 2010

Соловьёв Андрей Авенирович — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии, декан гуманитарного факультета Костромского государственного технологического университета. anh@kostroma.ru

Безусловно, что в наше время православная вера нуждается в твердом союзе с принципами интеллектуальной честности, требующей профессионального и ответственного мышления. Синтез же веры и знания в исторической перспективе во многом обусловлен противоречивым единством интеллигенции и Церкви. Ретроспективный анализ их взаимоотношений в многомерном духовном поле русской культуры поможет не прервать связь времен, сохранить преемственность, без которой невозможно продолжение традиции национально-культурной идентичности.

Одной из важных проблем в развитии современных историко-богословских исследований, а также в целом взаимоотношения светского и церковного общества является адаптированность языка Православной Церкви, в том числе и в контексте богословия, и культа, к современному литературному языку. Проблема была поставлена еще в начале XIX в. при переводе Библии с церковнославянского на русский литературный язык. В церковной среде по данному вопросу существуют различные позиции. Несомненно, язык православного богослужения обладает магичностью, сакральностью, воздействует на подсознание человека, заключает в себе целостный мир духовной культуры. Язык книжности и богослужения должен был, в замысле, исключительно *сохраняться*, передаваться *чистым* из поколения в поколение без перемен. Даже грамматическая и орфографическая ошибка в нем могла восприниматься как ошибка вероучительная (некоторые моменты орфографии и грамматики церковнославянского имели не собственно языковое, но доктринальное обоснование).

Но церковнославянский язык непонятен. Редко кто сегодня из прихожан храма сможет объяснить смысл той или иной заповеди, заповеди или догмата. Он их знает, но не понимает! Нужно ли это понимание? К. П. Победоносцев был принципиальным противником рационализации богословия. Но это было время «господствующей Православной Церкви», конфессионализации общественной жизни. Сегодня мы находимся в принципиально иной духовной/бездуховной действительности секулярного государства, и в условиях вызовов современной технократической цивилизации понимание обращенного к человеку Слова Церкви необходимо. Это очень большая работа, в которой видится перспектива тесного взаимодействия интеллигенции и клира.

Представляется очень важным в современных условиях преодолеть стереотип общественного взгляда на Церковь как явление, чуждое светскому сознанию, их взаимное отчуждение друг от друга, в том числе и в сфере образования. Семинаристы и школьники, студенты светских университетов и духовных академий составляют единое социокультурное пространство, в котором, и это необходимо понять, различие вовсе не означает разделения. Национально-культурная идентичность не мыслима без исторической памяти, в противном случае неизбежно появление псевдонаучных теорий, упраздняющих любую мыслительную деятельность.

Обособленность духовной и светской школ приводит к выражению двух парадоксально связанных крайностей: с одной стороны, фундаментализма, с другой стороны, все отрицающего секуляризма. Так воспитывается человеческий тип, который лишен нравственной и интеллектуальной основы, потому как возможные варианты продолжения этих родственных полярностей — агрессия и скепсис по отношению ко всему не укладывающемуся в заранее определенные рамки, либо легкоеверие, не сдерживающееся никакой устойчивой мерой. Как отмечал в свое время Г. Честертон, тот, кто не верит ни во что, готов поверить во что угодно.

Необходимость более тесного контакта духовного и светского просвещения представляет важность и в символическом измерении для того, чтобы существовал или был бы разработан язык, на котором бы вера разговаривала со своим временем, а время о чем-то могло спрашивать веру.

И, наконец, синтез веры и научного знания, предполагающий поиск нравственных ориентиров и ценностей, приводит к обретению смысла своего существования, осознанному этическому и эстетическому выбору, что делает человека менее восприимчивым к любым формам демагогии и тавтологии.

Православная вера невозможна без живого чувства оттенков, обильна выражающими ее нюансами и составляющими ее частностями. В них зачастую проявляется сущность и антиномичное содержание эсхатологической природы и своеобразного мессианства как в институциональном измерении Церкви, так и в ее трансцендентном поле. Ментальность *невыразимого* априори сближает православный клир и светскую интеллигенцию, связывая их в мемориальной реконструкции прошлого, в том числе —

изначальной тождественностью их исторического пути. И только в синодальный период возникает противоположение интеллигенции и Церкви как социокультурных феноменов русской истории, противопоставление самоидентичности членов некогда целостной общности. Однако заметим, что уместнее вести речь всё же об отчуждении интеллигенции от православного духовенства, а не от Церкви как системы определенных нравственных категорий. Отождествление Православной Церкви и Ведомства православного исповедания неправомерно смещает акценты, абсолютизируя имманентный характер и объективируя при этом трансцендентную природу Церкви. В этой связи достаточно символично первоначальное определение ранних христианских общин греческим словом *эκκλησία* (собрание, собранность вместе), символизирующим общность и единение людей. Современный православный мыслитель и богослов Христос Яннарас пишет: «Церковь динамично созидает единство людей не как узаконенное сосуществование или результат объединения на основе идеологических или бытовых предпосылок, но как факт бытия: она созидает единство как онтологическую истину о человеке, как *способ существования* человека “по природе” и “по истине”»¹. Таким образом, Церковь не является неким социальным, политическим или каким-либо иным частным, локальным учреждением, подобным светской организации. По замечанию митрополита Иоанна (Зизиуласа), Церковь — это «*образ жизни*», раскрываемый посредством не моральных завоеваний или человеческих достижений, а через «...отношения с миром, другими людьми и Богом, *событие общения* (курсив мой. — А. С.), которое поэтому обнаруживается как факт не индивидуальной, а только церковной жизни»².

В контексте развития интеллигенции синодальный период в истории Русской Церкви характеризуется полем постоянного внутреннего напряжения, интеллектуального творчества, дифференциацией и даже конфликтом между нормами общественного стандарта и их индивидуальной интерпретацией. Это время отмечено эзотерическими прорывами в сферу, находящуюся за пределами разума (русское старчество), удивительными образцами личной святости и непререкаемого авторитета (митрополит Филарет (Дроздов), епископ Игнатий (Брянчанинов)), глубокими исследованиями русской церковной истории (митрополит Мака-

рий (Булгаков), Е. Е. Голубинский), православного Востока (епископ Порфирий (Успенский), В. В. Болотов, А. П. Лебедев), постановкой проблемы философии всеединства и воплощения Вселенской Церкви в исторических реалиях (В. С. Соловьёв). Для исследователя это чрезвычайно интересный период духовного самосознания России, религиозно-философских концепций, обретения нравственного и эстетического идеала в многоуровневой матрице российского общества.

Отсутствие так и не сформировавшейся целостной интеллектуальной традиции в русской церковной богословской мысли вовсе не умаляет, но в сущностных чертах соотносит ее с религиозно-философским осознанием пути светской интеллигенции. Характерное внимание к частностям, чувственным образам, притчевой манере изложения вечных вопросов Бытия во многом сближает церковное и светское просвещение. Церковь как Тело Христова трансцендентна по отношению к любому бытию, неизменно превосходя его. Религиозно-нравственные же потребности интеллигенции устремлены преимущественно к предельным духовным проблемам, тайне последнего Откровения. Мифология русской религиозной мысли — это личностное погружение в пространство, связанное с мифом и мыслью, своеобразная сакрализация памяти. В контексте религиозно-философского ренессанса одним из источников интеллектуального творчества, несомненно, являлся исихазм. Персоналистический характер данного учения, личностный уровень его мировосприятия оказал в дальнейшем непосредственное влияние на типологию русского богословия в аспекте возрождения антропоцентрической традиции духовно-нравственных поисков в среде иночества и светской интеллигенции.

Так, безусловное значение личности, активный выход ее за пределы своего «я» в отношении к религии и миру являлось одной из доминирующих тенденций в сборнике статей «Проблемы идеализма»³, который стал ярким проявлением идеалистической концепции начала XX века. Сравним:

- Е. Н. Трубецкой: «Над классовыми интересами есть иная, отличная от них и высшая по отношению к ним сила — сила идеи... Совершает ли человеческий ум научное открытие или впадает в заблуждение, во всяком случае в истории он является одним из первоначальных

двигателей, фактором самостоятельным, не сводимым к причинам экономическим или каким-либо другим»⁴;

- С. Н. Булгаков: «Причиной принципиальной невозможности исторических предсказаний, помимо того что история имеет дело с индивидуальными событиями, не повторяющимися во всей индивидуальной сложности, является еще и то, что ход истории обуславливается не только известными уже нам социологическими причинами, общими условиями исторического развития, но и деятельностью людей... Прогресс... состоит в создании условий для свободного развития личности»⁵;
- Н. А. Бердяев: «Нравственная проблема есть прежде всего проблема отношения между эмпирическим “я” и “я” идеальным, духовным... Нравственно ценное в человеке определяется не одобрением или осуждением других людей, не пользой общества, вообще не внешним ему миром, а согласием с собственной внутренней нравственной природой, отношением к собственному Богу»⁶;
- С. А. Аскольдов: «Где нет возможности выбора, там нет и нравственности»⁷;
- П. И. Новгородцев: «Вне автономной личности нет и во все нравственности»⁸;
- Д. Е. Жуковский: «Понятие личности как субъекта морального творчества приводит к тому, что процесс истории... есть процесс созидания абсолютной морали»⁹.

Обобщая данные позиции, возможно вести речь о понимании морали авторами сборника как активной деятельности, а также о двух структурообразующих ее понятиях: а) понятия должного как абсолютной цели, б) понятия личности как субъекта морального творчества, что, в свою очередь, вело к пониманию исторического процесса как созидания абсолютной морали. Это, несомненно, сближало представителей интеллигенции в ее исканиях абсолютных нравственных критериев с позицией Церкви.

Вместе с тем сравнительный анализ статей сборника свидетельствует о существовании определенной грани между авторами, эволюционировавшими в своем творчестве от идей марксизма, — и университетскими философами. У первых заметна эсхатологическая ментальность, составной неотъемлемой частью ко-

торой являлись метафизические построения об осуществлении абсолютных критериев в исторической действительности. В отличие от утопического метафизического идеализма, представители академической профессуры, объединявшиеся вокруг Московского психологического общества (научное общество философов, основанное при Московском университете в 1885 г.), последовательно развивали другую форму философского идеализма, которую условно можно назвать «критическим неоидеализмом»¹⁰. Характерной его чертой, в противовес «метафизическому максимализму» обратившихся к идеализму «критических марксистов», являлась концепция трансцендентности, то есть убеждения в том, что «полнота бытия» в онтологическом отношении никогда не исчерпывается планом природного или исторического существования и не может осуществиться в последнем.

Наиболее отчетливая критика утопизма прослеживается в сочинениях П. И. Новгородцева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, Л. М. Лопатина и других представителей академической профессуры. Трибуной для выражения взглядов данного течения в периодической печати служил журнал «Вопросы философии и психологии», выходивший в Москве с ноября 1889 г. по апрель 1918 г. Анализируя социальный аспект неоидеалистического течения в религиозно-нравственных исканиях интеллигенции, следует подчеркнуть, что его представители пришли к выводу о нормативных отношениях между Церковью и государством в обществе. Эта сторона исследовательской работы была важной частью осуществлявшегося в первое десятилетие XX века переосмысления роли Русской Православной Церкви (РПЦ). В ходе его особое внимание обращалось на недостаточную автономию РПЦ во взаимоотношениях с государством, незначительное влияние на образованное общество. Свой вклад в исследование темы внес историк В. О. Ключевский¹¹. Он, в частности, замечал, что влияние западных идей в России было столь велико именно потому, что Церковь не смогла стать подлинной родоначальницей оригинальных, исконно русских интеллектуальных традиций. Ключевский указывал на ослабляющие последствия раскола, который увеличил зависимость Церкви от государства и привел к стремительному упадку ее влияния на образованное общество. Лишенные религиозного воспитания верхние слои общества обратились

к идеологии, которая заменила им подлинную духовную пищу, не обеспеченную РПЦ. Данный тезис В. О. Ключевского оказал огромное влияние на последующую историографию проблемы.

Сближением духовно-нравственного в человеке с религиозным характеризуется художественное течение и философско-эстетическая концепция символизма. Свое воплощение она получила в русской литературе рубежа XIX—XX веков в творчестве А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, И. Анненского, Ю. Балтрушайтиса и др. Религиозный поворот деятелей культуры был обусловлен комплексом идей и представлений религиозно-мистического характера. В обосновании символизма как миропонимания и деятельности русские символисты опирались на религиозно-философские идеи Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва. Вслед за последним они говорили, например, о соединении искусства и религии, о теургии (религиозном делании) и о преображении общества на религиозных началах. Противопоставляя аморфной «романтической» мечтательности — самоутверждение, культ личной воли, сливающиеся с началом соборного единения, воплощение которого в исторической действительности могло быть реализовано, по мнению символистов, созданием некоего религиозного сообщества, теория символизма выражала собой, в конечном итоге, еще одну культурологическую утопию светской интеллигенции на рубеже веков. Круг символистов не был многочислен, но он содержал в себе большую концентрацию новых идей и был глобально сориентирован на преобразование мироздания. Символисты сформулировали и привнесли в русскую культуру коллективно выработанное новое понимание творца и его творчества как продолжения Божьего промысла.

Основой символистской эстетики было положение о принципиальной возможности познать все мироздание в его трансцендентной полноте. Символистское искусство становилось гарантом такого познания, как объективирующее моменты интуитивного сверхчувственного прозрения художника в символе и, таким образом, дополняющее рациональное знание о мире. Символизм стремился гносеологически постичь природу искусства. Коллективное сознание символизма, включившее в себя все разнообразие идей Серебряного века: будь то религиозный эстетизм «Мира искусства», или искание Божественного начала предста-

вителей нового религиозного сознания — Д. Мережковского и З. Гиппиус, или софиология Вл. Соловьёва и его приверженцев, или культ страдающего Бога Диониса, воспетого Вяч. Ивановым, — все это было связано в единый организм идеей теургии. К явлениям этого порядка относится имеющее принципиально важное для духовной жизни России рубежа XIX—XX веков переплетение стиля жизни и стиля творчества. Целостность Серебряного века включила в себя весь культурно-исторический контекст, в котором литература, искусство, наука, философия, религия составили единое пространство и переживались творцами как жизнестроительное задание.

Активизация личностно-субъективного в художественной культуре рубежа столетий связана с возникшим тогда ощущением энтропии личностного начала, обусловленной самой исторической реальностью. Тотальное обезличивание жизни, ставшее равно причиной и следствием небывалых войн и революций, на заре XX века могло показаться апокалиптической фантазией, но поэтам было дано предугадать назревание социального и духовного кризиса цивилизации. Символисты стремились быть не только стихотворцами, но и творцами своего собственного бытия, ибо хотели с максимальной полнотой осуществить личностный выбор, в котором позднее философия экзистенциализма увидела смысл и долг человеческого существования в катастрофических обстоятельствах. Таким образом, для всех творцов Серебряного века — в большей степени, чем для творцов других эпох, — был характерен феномен жизнетворчества.

Соотнесение язычества с христианством рождало неоязычество художественной интеллигенции (ориентированной в поисках абсолюта преимущественно в мистико-теургическом направлении), в творчестве которой выражались мотивы философии Ницше и музыки Вагнера. «Бог умер» — своеобразная тенденция культуры конца XIX — начала XX века была вызовом человека Богу, человека, который должен стать Богом. Отсюда активное присутствие игрового начала в художественной жизни и культуре повседневности Серебряного века, рождающего проблему стилизации и «театрализации личности»¹². В театре видели образ мистерии, теургии. Мистерию представляли триумфом коллективизма особого рода. «Соборный индивидуализм» — так определил суть новой

философии один из ее адептов — М. Гофман¹³. Вяч. Иванов разработал теорию мистического реализма — самой высокой, теургической стадии символизма. В сверхчеловечестве Вяч. Иванов видел грядущее богочеловечество. Со сверхчеловечеством он связывал и представления о коллективной победе над смертью, что в определенной степени пересекается с центральной идеей в неохристианской системе Н. Ф. Фёдорова — «патрофикацией» (воскрешением отцов), то есть воссозданием всех живших поколений, понимаемым как их преображение и возвращение к Богу. Эта основная идея раскрывается через различные понятия: «общее дело», «регуляция природы», «супраморализм» (высшая нравственность, связанная с «долгом воскрешения») и др.

Доминанты игры и театральности в культуре Серебряного века органично сопрягались с той целью искусства, которую провозглашали символисты, апеллируя к философии Ф. Ницше, а именно: пересоздание личности, «творчество более совершенных форм жизни». «Последняя цель искусства — пересоздание жизни... Последняя цель культуры — пересоздание человечества», — писал А. Белый в статье 1909 г. «Проблемы культуры»¹⁴. Историософия символизма выходила за рамки собственно церковного сознания, более того — намеренно преодолевала конфессиональную ограниченность, что вступало в прямое противоречие с христианским пониманием Божественного, в символистской теургии всегда присутствовал элемент богоборчества. Таким образом, символистское миропонимание, исходя из анализа его основных положений, было тесно взаимосвязано с теорией и практикой оккультизма.

Первый в России оккультно-спиритуалистический журнал «Ребус» был основан в 1881 г. В. И. Прибытковым, офицером Балтийского флота. В 1894 г. в Царском Селе образовался медиумический кружок, впоследствии в 1900 г. переименованный в «Кружок для исследований в области психизма», в котором неоднократно выступал символист В. Я. Брюсов. «В спиритических сеансах, — записывает в октябре 1900 г. в своем дневнике В. Я. Брюсов, — испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени рассудочный, что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень»¹⁵. В конце 1905 г. в Москве начал выходить новый оккультно-мистический журнал «Спиритуалист», в том же году было создано «Русское спиритуалистическое общество»,

председателем его стал П. А. Чистяков, который еще в 1904 г. приобрел у Прибыткова журнал «Ребус»¹⁶.

С конца XIX века в Москве действовал теософический кружок К. П. Христофоровой, в 1901 г. подобный кружок был образован в Санкт-Петербурге, позднее — в Киеве, Тифлисе, Калуге и др. В 1908 г. было создано Российское Теософское Общество, председателем которого стала А. А. Каменская. Как явствует из программных положений основателей теософского движения Е. Блаватской и Г. Олькотта, целью его было в определенной мере восполнение содержания мировых религиозно-философских учений с перспективой образования в будущем всечеловеческого братства, что и было перенесено на русскую почву: «Общество образуется из ищущих истины, из людей, принадлежащих ко всем религиям или совсем не имеющих религии. Связь их состоит не в общих верованиях, а в общем стремлении к истине... Теософия есть совокупность духовных истин, которые лежат в основе всех религий, не будучи в исключительном владении ни одной... Она раскрывает более глубокое значение Св. Писания и религиозных учений и, таким образом, оправдывает религию в глазах разума с такой же силой, с какой всегда оправдывает ее интуиция»¹⁷. Среди известных деятелей художественной интеллигенции членами Петербургского отделения теософского общества были пианистка Ю. Ф. Львова, скрипач И. А. Лесман, педагог Ц. Л. Гельмбольт, к числу московских теософов принадлежали преподаватель С. В. Герье, скульптор А. Л. Арндт, символист А. Белый и др.

В начале XX века внутри теософского движения происходит своеобразный раскол (причина — провозглашение Кришна-мурти новым мессией), следствием которого стало выделение Антропософского общества, связанного своим основанием с именем Рудольфа Штейнера. Антропософия мыслилась Штейнером как путь к раскрытию заключенных в человеке «тайных» духовных сил с помощью особой системы воспитания¹⁸. Среди первых слушателей лекций Штейнера в Берлине в октябре 1905 г. были А. Р. Минцлова, М. В. Сабашникова, А. В. Евреинова, Е. А. Бальмонт, М. А. Волошин. Русское Антропософское общество было основано с отделениями в Москве и Санкт-Петербурге в 1913 г. Деятельное участие в создании в г. Дорнахе антропософского храма «Гетеанум» принимали А. Белый и русская художница А. А. Тургенева¹⁹.

Особое внимание к тайным знаниям представителей художественной интеллигенции на рубеже XIX—XX веков не являлось типично российским феноменом, но в целом было присуще европейскому модернизму, тесно связанному с возрождением оккультизма. Проникновение в сферы трансцендентного, стремление к раскрытию тайны последнего Откровения — характерные черты внутреннего духовного пространства любой поэтической натуры. Известная оккультистка Серебряного века С. Тухолка писала: «Оккультизм есть наука о скрытых силах природы и о скрытых сторонах нашей жизни. Но впереди науки часто идут поэты. Благодаря вдохновению... им удается приподнять завесу над тайнами, о которых еще и не подозревают ученые»²⁰.

Пересмотр символистских концепций, осуществляющийся в начале 1910-х гг., связан, прежде всего, с переоценкой понимания философии и психологии искусства. Огромное значение в этом процессе сыграла теория акмеизма, разработанная Н. Гумилёвым. В начале 1913 г. Гумилёв писал, что на смену символизму приходит иное течение, требующее «большого равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме»²¹. Отличие двух культурных мировоззрений — символизма и акмеизма — Николай Гумилёв, чающий теодицеи творчества, выразил двумя емкими образами башни и собора: «...акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню»²². Акмеизм был призван наполнить творчество духовным основанием, по-новому расставив акценты, признав первичность этики над эстетикой. Принимая концепцию духовного совершенствования художника, Гумилёв не принял религиозных путей символистов, поскольку эти пути находились вне традиционных для русского воцерковленного сознания категорий добра и зла. Характерное для художественного менталитета начала XX века противоположение красоты — истине, влекущее за собой неизбежные проблемы в области теодицеи, было для Гумилёва, как христианина, непереносимо. В частности, в теории мистического реализма Вяч. Иванова содержалась неприемлемая для Гумилёва богоборческая идея. Мистический реализм представлялся высшей формой символистской деятельности, проходящей за гранью добра и зла. Именно там творец становится теургом, то есть выступал сотворцом Бога.

Целеполагания акмеизма располагались в двух областях: теоретической и практической. Теоретическая сторона помещала поэзию в лоно теодицеи, а практическая переводила жизнетворческие устремления из стихии театрализованности в область смиренного жертвенного служения — для художника неперменным условием творчества становилась вера в Бога.

Таким образом, в противовес богоборческому духу позднего символизма одним из центральных элементов эстетической программы акмеизма явился дух благочестивого, смиренного творчества²³. Гумилёв, мечтавший о поэтократии, был глубоко убежден, что мир, сотворенный по Слову, Словом же и гармонируется. *В начале было Слово... И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его...* (Ин., 1:1,14). Для него было характерным представление о творчестве вообще и о поэтическом творчестве в частности как о благочестивом искупительном труде, состоящем в обожении тварного мира, в осознании «самоценности каждого явления»²⁴. Это, несомненно, сближало мировоззренческие позиции акмеистов с религиозно-нравственными исканиями представителей интеллигенции, ориентированной церковно.

Одним из примеров богословского направления в религиозно-нравственных исканиях начала XX века служила деятельность «Кружка ищущих христианского просвещения» — религиозно-философского общества в Москве. В 1902 г. православный мыслитель М. А. Новосёлов начал издавать «Религиозно-философскую библиотеку». В период с 1902 по 1917 г. в Вышнем Волочке, Москве и Сергиевом Посаде вышло 39 выпусков. Общая цель «Библиотеки» была выражена на обложке ряда выпусков: «Идя навстречу пробуждающемуся в нашем обществе интересу к вопросам религиозно-философского характера, группа лиц, связанных между собою христианским единомыслием, приступила к изданию под общим заглавием “Религиозно-философская библиотека” ряда брошюр и книг, дающих посильный ответ на выдвигаемые жизнью вопросы»²⁵.

Постепенно вокруг этого издательского дела, на «четвергах» Новосёлова, сложился круг лиц, который и образовал данный «Кружок». Членами-учредителями его были М. А. Новосёлов, Ф. Д. Самарин, В. А. Кожевников, Н. Н. Мамонов и П. Б. Ман-

суров, к которым несколько позже присоединились архимандрит Феодор (в 1909 г. хиротонисан во епископа Волоколамского), А. А. Корнилов и П. И. Новгородцев.

Кружок имел председателя (Ф. Д. Самарин), казначея, библиотекаря, издателя, организатора бесед и чтений. Допускалось совмещение этих должностей. Кружок объединял православных богословов, философов, ученых, общественных деятелей — кн. Е. Н. Трубецкого, кн. Г. И. Трубецкого, протоиерея о. Иосифа Фуделя, о. Павла Флоренского, С. Н. Булгакова, В. Ф. Эрн, Л. А. Тихомирова, Ф. К. Андреева, С. П. Мансурова, В. П. Свенцицкого, А. В. Ельчанинова, Н. С. Арсеньева и др. Общество находилось под покровительством епископа Феодора (Поздеевского) и духовно окормлялось старцами Зосимовой пустыни схиигуменом Германом и схиеромонахом Алексием.

Характерной особенностью «кружка» было то, что в отличие от других религиозно-философских обществ рубежа веков он, условно говоря, находился «внутри церковной ограды» и судьбы России неразрывно связывал с судьбой Православной Церкви. Как писал Н. Арсеньев, в нем «была крепкая укорененность в жизни церкви, при всей широте научного кругозора и подхода»²⁶.

В Предисловии к IV выпуску «Религиозно-философской библиотеки» М. Новосёлов, в частности, заметил, что «только религиозная личность способна дать общественный строй, где сохраняются одновременно и высшие идеалы, и необходимая общественная дисциплина»²⁷. Воплощением в практической деятельности данной мировоззренческой позиции и являлась работа «Кружка ищущих христианского просвещения», о чем можно судить по письму о. Павла Флоренского к В. В. Розанову от 7 июня 1913 г. В нем православный философ подчеркивает, что «московская “церковная дружба” есть лучшее, что есть у нас... Все свободны, и все связаны: все по-своему, и все — “как другие”...»²⁸. По всей видимости, деятельность «кружка» в начале XX века в условиях кризиса церковного института была попыткой подлинно соборного единения людей, преследующих цель «осоления» разлагающегося общества.

Духовно-нравственные искания интеллигенции в данный период выражались созданием религиозно-философских обществ. Так, весной 1905 г. у группы лиц, составлявших ядро ре-

лигиозно-философской секции студенческого историко-филологического общества, организованного кн. С. Н. Трубецким при Императорском Московском университете в 1902 г., явилась мысль вырваться из тесных рамок студенческого кружка и самим организовать на более широких началах Религиозно-философское общество, что и произошло после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. В организации общества деятельное участие принимало «Христианское братство борьбы». Параграф 1 Устава, утвержденного лишь в августе 1906 г., определял цель Религиозно-философского общества (РФО) как «всестороннюю разработку вопросов религии и философии». Место действия РФО — вся Россия, несмотря на то, что само общество находилось в Москве. При РФО был создан музей В. С. Соловьёва, а само РФО называлось памяти Владимира Соловьёва.

Интенсивная деятельность РФО началась с ноября 1906 г. Интересны темы обсуждавшихся в это время рефератов: С. Н. Булгаков «Достоевский и современность», Д. Д. Галанин «Мое религиозное мировоззрение», В. Ф. Эрн «Методы исторического исследования и “сущность христианства” Гарнака». С ноября 1906 по май 1907 г. число членов РФО возросло с 40 до 300, было проведено 15 заседаний и 16 публичных лекций, на каждой из которых присутствовало от 250 до 600 человек²⁹.

В марте 1907 г. при РФО по инициативе В. П. Свенцицкого, П. А. Флоренского и В. Ф. Эрна был создан «Вольный богословский университет», о котором в свое время мечтали В. Соловьёв и кн. С. Н. Трубецкой. Несмотря на всю разноплановость мировоззренческих течений внутри РФО, оно выявило зарождение в России оригинальной религиозно-философской мысли, тяготевшей к Православию. Столкновение церковного и декадентского начал в деятельности РФО описывает Н. С. Арсеньев: «Это была религиозность, но в значительной степени (хотя не исключительно) внецерковная или, вернее, нецерковная, рядом с церковной, а главное, порой вливалась сюда пряная струя “символического” организма, буйно-оргиастического, чувственно-возбужденного (иногда даже сексуально-языческого) подхода к религии и религиозному опыту»³⁰.

В конце февраля — начале марта 1907 г. возникла идея создания РФО в Санкт-Петербурге. 8 апреля под председательством С. Н. Булгакова состоялось одно из подготовительных

заседаний будущего общества. Доклад на тему «От чего падает православие?» сделал В. В. Розанов. В прениях участвовали Н. А. Бердяев, А. В. Карташёв, П. Б. Струве, священники о. К. Агеев и о. Я. Медведь. Инициативу основания РФО впоследствии приписывал себе Н. Бердяев.

По воспоминаниям А. А. Мейер, цель данного Общества по сравнению с Московским РФО выглядела скромнее: «Связывая общественно-идеологические искания интеллигенции с проблемами религии, РФО вовлекало даже весьма далеких от религии людей в обсуждение религиозных тем, и эти темы помалу делались для сознания их менее чуждыми и менее одиозными, чем это бывало прежде»³¹.

Первое заседание РФО состоялось 3 октября 1907 г. Вступительную речь произнес А. В. Карташёв, определивший связь ПРФС и «РФО памяти Вл. Соловьёва» с возникновением Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге как очень условную. Одной из отличительных черт времени появления данного общества, по мнению историка, являлась в целом общая незаинтересованность светской интеллигенции в проблемах собственно церковных (при неизменном интересе к религиозной проблематике), в силу определенной доли разочарования в вопросе реформирования РПЦ³².

Следующие за Первой русской революцией ближайшие годы, определяемые в советской историографии как «период реакции», для деятелей ренессанса преимущественно отмечены активным участием в различных религиозно-философских обществах, выступлениями на страницах газет и журналов. Темы обсуждений в большей степени имеют характер историсофский с оттенком различных мистических учений, захвативших в то время умы и чувства многих представителей интеллигенции³³. С другой стороны, большое внимание уделяется определению собственной позиции в отношении революции, анализу освободительного движения в целом и осознанию места и роли в нем интеллигенции.

Таким образом, опыт взаимоотношений интеллигенции и Церкви на рубеже XIX—XX веков свидетельствует, что наибольшее влияние данный процесс оказал на духовное развитие общества. В результате диалога интеллигенции и православного

духовенства была сформирована нравственная основа, которая позволяла разрешить часть проблем в социокультурной сфере развития российского общества.

Положение интеллигенции, выражаемое экзистенциальностью, в определенной степени маргинальным характером существования в русском социуме, существенно уравновешивалось, приобретало креативную институциональность в диалоге с православным духовенством, роль и место которого в историко-культурном пространстве России, напротив, стабильно и функционально обуславливалось пастырским служением. Объединяющим и синтезирующим фактором их со-творчества выступает Церковь, бытие которой понимается не в смысле «харизматического сообщества», а как Тело Христово, устроенное Святым Духом и, следовательно, превышающее в своем целостном единстве любое локализирующее начало. Таким образом, бытие Церкви открывается как подлинная свобода, имеющая свое положительное основание в *со-бытии* общения, преодолевающее инаковость и утверждающее онтологическую истину творчества. Главное в любой религии — вера. Верить — значит преображать жизнь. Вера в Высший смысл Вселенной сегодня, как и в прошлом, является стержнем, который придаст внутреннее единство любой культуре.

Вера и знание, озаряемые любовью, понимаемой как онтологическая реальность, то есть истина бытия, возможно, единственный путь в «сумерках» современной цивилизации, воплощение которого в исторической перспективе во многом обусловлено антиномическим единством интеллигенции и Церкви, предполагающим продолжение их прерванного общения. В диалоге представителей интеллигенции и православного духовенства в России в конце XIX — начале XX века, эпохе, эсхатологическое сознание которой было проникнуто мифологизмом, творчески преломлялись проблемы экклезиологии и антропологии; в контексте общественно-политического и социокультурного развития российского общества рассматривались вопросы реформирования церковного института. Русский религиозно-философский ренессанс не только способствовал поискам самоидентичности, но и оказал несомненное влияние на развитие мировой культуры, что, в свою очередь, может способствовать проведению международных встреч и научных конференций представителей всех религиозных конфессий

для развития диалога и единства Церквей перед лицом технократической цивилизации. Хочется верить, что в экзистенциальном единстве духовного пространства интеллектуального поля России время обратится вспять и, наконец-то, востребует религиозно-философские концепции русской интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Яннарас Х.* Истина и единство Церкви : пер. с новогреческого / под ред. *А. В. Маркова.* М., 2006. С. 17—18.
- ² *Иоанн (Зизиулас), митр.* Бытие как общение : очерки о личности и Церкви / предисл. прот. *Иоанна Мейендорфа*; пер. с англ. *Д. М. Гзгзяна.* М., 2006. С. 9.
- ³ Проблемы идеализма : сб. ст. / под ред. *П. И. Новгородцева.* М., 1902.
- ⁴ *Трубецкой Е. Н.* К характеристике учения Маркса и Энгельса о значении идей в истории // Проблемы идеализма. С. 59, 71.
- ⁵ *Булгаков С. Н.* Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С. Н. Сочинения : в 2 т. М., 1993. Т. 2 : Избранные статьи. С. 57, 71.
- ⁶ *Бердяев Н. А.* Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма. С. 106—107.
- ⁷ *Аскольдов С. А.* Философия и жизнь // Там же. С. 202.
- ⁸ *Новгородцев П. И.* Нравственный идеализм в философии права // Там же. С. 282.
- ⁹ *Жуковский Д. Е.* К вопросу о моральном творчестве // Там же. С. 521.
- ¹⁰ *Пул Р. Э.* Русская диалектика между неоиdealизмом и утопизмом (ответы Вл. С. Соловьёву) // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 70.
- ¹¹ *Ключевский В. О.* Западное влияние в России XVII в. (историко-психологический очерк) // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36 (1), 38 (3), 39 (4).
- ¹² *Вислова А. В.* На грани игры и жизни: игра и театральность в художественной жизни России «Серебряного века» // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 29.
- ¹³ *Гофман М.* Сборный индивидуализм. СПб., 1907.
- ¹⁴ См.: *Бельый А.* Символизм как миропонимание. М., 1995. С. 23.
- ¹⁵ Цит. по: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм : исследования и материалы. М., 2000. С. 37.
- ¹⁶ См. подробнее: *Брачев В. С.* Между мистикой и политикой. Русские масоны XX века. СПб., 2005. С. 86—97.
- ¹⁷ См.: Сведения о Теософическом обществе // Вестник теософии. 1908. № 7/8. С. 81. Ср.: первый номер специального религиозно-философско-научного журнала «Вестник теософии» вышел в январе 1908 г. под девизом «Нет религии выше истины».

- ¹⁸ См.: *Белый А.* Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. М., 1917; *Алоян Н. Л.* Антропософия // Эзотерическая философия: от герметизма к теософии : сб. науч. ст. / под ред. *Л. А. Мирской*. Ростов н/Д, 2002. Ч. 2 : Мистический опыт и оккультные теории. С. 190—232.
- ¹⁹ См.: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительство первого Гетеанума. М., 2002.
- ²⁰ *Тухолка С.* О тайнах мира: Эдгар По // *Изида*. 1911. № 1. С. 1.
- ²¹ *Гумилёв Н. С.* Наследие символизма и акмеизм // *Гумилёв Н. С.* Сочинения : в 3 т. / подгот. текста, прим. *Р. Д. Тименчика*. М., 1991. Т. 3. С. 18.
- ²² Там же. С. 19.
- ²³ См.: *Раскина Е. Ю.* Мотив «благочестивого творчества» («смирненного знания») в художественной программе акмеизма // *Русская литература*. 1999. № 3. С. 168—175.
- ²⁴ *Гумилёв Н. С.* Наследие символизма и акмеизм. С. 18.
- ²⁵ См.: *Религиозно-философская библиотека : список изданий и отзывы печати*. М., 1911.
- ²⁶ *Арсеньев Н. С.* О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века // *Воспоминания о Серебряном веке*. М., 1993. С. 306.
- ²⁷ См.: *Социальное значение религиозной личности* // *Религиозно-философская библиотека*. Вышний Волочек, 1904. Вып. 4. С. IV—V.
- ²⁸ См.: *Андроник (Трубачев), игумен*. Священник Павел Флоренский — профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника» // *Богословские труды*. М., 1987. Сб. 28.
- ²⁹ *Акулинин В. Н.* Философия всеединства : от В. С. Соловьёва до П. А. Флоренского. Новосибирск, 1990. С. 29.
- ³⁰ *Арсеньев Н. С.* О московских религиозно-философских и литературных кружках... С. 305.
- ³¹ *Мейер А. А.* Петербургское Религиозно-философское общество // *Вопросы философии*. 1992. № 7. С. 107.
- ³² См.: *Записки Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества*. СПб., 1908. Вып. 1. С. 2.
- ³³ Примером может служить, в частности, проблематика заседаний Петербургского Религиозно-философского общества, выраженная в заглавиях основных докладов, обсуждавшихся в нем, например: от 3.2.1908 — В. Ф. Эрн «Идея христианского прогресса» (см.: РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Д. 8. Л. 2—16); от 24.11.1909 — А. А. Каменская «Теософия и Богоискательство» (Там же. Д. 9. Л. 2—48). В этой же связи происходит возникновение внутри Общества двух секций: 1) по изучению истории и философии религии; 2) по изучению христианства. См.: *Мейер А. А.* Петербургское религиозно-философское общество.

А. А. Федотов

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И РЕЛИГИОЗНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
в 1970-х — начале 1990-х гг.**

Взаимоотношения официальной Русской Православной Церкви с религиозной интеллигенцией в России никогда не были простыми. Особенно же проблемными они были в период, когда так называемая «перестройка» и масштабные празднования, посвященные 1000-летию Крещения Руси, вселили в интеллигенцию уверенность в том, что в стране будет реальная свобода совести. В этой ситуации многие от Церкви ожидали какого-то чуда, что священнослужители будут образцами морали и нравственности, что Церковь даст народу новую твердую систему ценностей, взамен рушившейся коммунистической. Но при этом те люди, которые пытались что-то требовать от Церкви, не считали нужным свою жизнь изменять в соответствии с церковными установлениями, а пытались Церковь приспособить к своим представлениям, зажать ее в те рамки, в которых находились религиозные объединения в наиболее секулярных из западных государств. Естественно, что реальность резко отличалась от их фантазий, а поэтому они в той церкви, которую сами выдумали, разочаровались, стали ее противниками.

Этот конфликт был заложен уже в 1970-е и даже в 1960-е годы. Ситуация, складывавшаяся в 1970-е годы, очень своеобразна. Если в конце 50-х — 60-е годы хрущевская либерализация в какой-то мере оживила веру в идеалы революции, то 70-е годы стали временем крайнего разочарования интеллигенции в официальных лозунгах, когда какие-либо надежды на перемены к лучшему были утрачены. Между тем Церковь — фактически единственная легальная организация с неофициальной и более того —

© Федотов А. А., 2010

Федотов Алексей Александрович — доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск). ivanovomiu@yandex.ru

противоположной официальной идеологией, которая относительно безопасна (тем более, что ее совершенно не обязательно демонстрировать). В этой ситуации движение к Церкви и религии становилось совершенно естественным — так же, как до революции было совершенно естественным движение к атеизму. В интеллигентских кругах распространялись самые разные религии. Но поскольку в основе этого движения все же лежало отталкивание от настоящего и романтизация национального прошлого, наиболее выигрывало от него православие, куда переходило множество видных представителей интеллигенции (так же, как в республиках с иной национальной религиозной традицией наиболее выигрывали национальные религии). Атеизм же в определенных интеллигентских кругах становился просто чем-то неприличным — как до революции в передовых интеллигентских кругах «неприличной» была религиозность. И если до революции у нас в интеллигенции было мощное атеистическое крыло, а в народе господствовало формальное православие, то теперь ситуация становилась противоположной¹.

Во второй половине 1960-х появляются примеры активного общественного сопротивления государственному атеизму. Наиболее известный документ этого периода — открытое письмо Святейшему Патриарху Алексию I священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина. Это письмо было написано в результате работы целой группы людей. Первоначальный вариант подготовил А. Э. Краснов-Левитин. Он был существенно переработан и дополнен священниками Николаем Эшлиманом и Георгием Эдельштейном. Над письмом работали также миряне Феликс Карелин, Лев Регельсон и Виктор Капитанчук. Священник Глеб Якунин высказал лишь общие идеи. Первоначально предполагалось, что это будет совместное письмо епископов и священников Патриарху, но затем практически все отказались дать свои подписи. Письмо содержало резкую критику в адрес советской политики в области религии, и подписать его решились лишь два священника². Копия письма была разослана правящим архиереям, а также Председателю Верховного Совета СССР, Председателю Совета Министров СССР, генеральному прокурору СССР.

Реакция Патриарха на это открытое письмо оказалась весьма жесткой. Священники были запрещены в священнослужении,

также было опубликовано специальное обращение Патриарха, где говорилось: «В их действиях мы усматриваем стремление нанести вред единству нашей Святой Церкви и нарушить мир церковный... Кроме того, в их действиях мы усматриваем и стремление возвести клевету на государственные органы... Распространению всевозможных “открытых писем” и статей должен быть положен решительный конец»³.

Крайне отрицательной была официальная реакция на открытое письмо и у епархиальных архиереев, несущих ответственное церковное служение священников. Например, митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн в своем письме Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей отмечал: «Я особенно возмущаюсь поведением священника Глеба Якунина, который, оставив созидательную деятельность пастыря, обратился к писанию клеветнических заявлений, волнующих лживыми миражами атмосферу экуменического движения»⁴. Настоятель Ярославского кафедрального собора протоиерей Борис Старк также писал, осуждая поступок Глеба Якунина, что «я не читал лично этого письма, но на основании мною услышанного от наших делегатов, считаю своим пастырским долгом откликнуться на то, что было мною услышано»⁵.

1970—80-е годы — время, когда наблюдалось оживление общественного интереса к проблемам Русской Православной Церкви. Реакция общества на засилье государственного атеизма становилась ярко выраженной, появлялись свидетельствующие об этом документы. Однако со стороны церковной иерархии эти проявления свободомыслия не всегда встречали понимание, имела место идеализация ведущими архиереями государственно-церковных отношений в СССР.

Показательны следующие слова из интервью 1974 года архиепископа (позднее митрополита) Питирима (Нечаева): «Говорю как епископ и богослов: с отделением Церкви от государства религиозные общины утратили лишь изначально несвойственные им функции социального служения. Церковь в Советском Союзе больше не занимается преподаванием Закона Божия для несовершеннолетних, потому что религиозные наставления несовершеннолетних детей способствуют возникновению предрассудков и даже содержат в себе элементы духовного и нравственного на-

силы совести»⁶. В своей апологии советского режима он пошел намного дальше других иерархов.

Создание в 1973 году Христианского комитета защиты прав верующих в СССР во главе с Глебом Якуниным свидетельствует об изменении ситуации в связи с ростом сопротивления антицерковной политике. Верующие многих приходов обращались в этот Комитет, который посылал петиции в адрес Патриарха и властей. Советские органы государственной власти не собирались закрывать на это глаза. В 1979 году Глеб Якунин арестован, полученный им лагерный срок сокращен лишь в 1987 году. Разгромлены религиозно-философские семинары в крупных городах России (Москва — Александр Огородников, Ленинград — Виктор Пореш, Смоленск — Татьяна Щипкова), организаторы осуждены на большие сроки. Известный московский священник Дмитрий Дудко за духовно-просветительскую деятельность был арестован в начале 1980 года, полгода находился под следствием, затем выступил по Центральному телевидению с заявлением, что действовал по заданию ЦРУ, что в этом он раскаивается и в будущем воздержится от любой политической деятельности. После этого выступления он был освобожден и получил приход⁷.

Показательна реакция тех, кто пытался о. Дмитрия идеализировать, по всей видимости, людей из интеллигентской среды. По свидетельству известного прозаика и публициста Александра Нежного, «отдельные крещеные им молодые люди будто бы даже посрывали с себя кресты»⁸.

Необходимо отметить, что отца Дмитрия Дудко это надломило духовно. В своих воспоминаниях он пишет: «Следователю своему я сказал:

— Вы же целая армия, организация, а я один... Впрочем, у меня тоже была армия — духовные дети, вы ее рассеяли. Когда мое слово подхватывали, когда-то, когда меня вызывали, многие шли со мной. А теперь, когда вызывают, жена только идет со мной. Да еще один, о котором говорят, что он, мол, мало что понимает. Да еще одна, которая почти в истерике кричит: “Вы убили моего духовного отца!” — Это, по-вашему, не Голгофа?»⁹

Священник Дмитрий Дудко позднее так объяснил свое заявление по телевидению: «Вопрос встал так: страдать не за дело Христа, а за дело кесаря. За политику, а не за веру. За земное, а не

за небесное. Чекисты мне предложили выбор: земную славу, венец мученика — или дело Божие... Я понимал, на какой позор я иду, как будет трудно меня понять, но я сознательно пошел на это... И вот, когда освободелся, у меня пошло расхождение “с диссидентией”. Хочу заметить, не я обманул ее ожидания, а она обманулась, потому что напрасно видела во мне диссидента»¹⁰.

В начале 1990-х некоторые представители диссидентствующей интеллигенции требовали публичного покаяния в сотрудничестве с советской властью (а фактически — в прохождении священнического служения в Советском Союзе) и от Патриарха. Например, Зоя Крахмальникова говорила, что «Патриарх... не может каяться только перед Богом. Он должен покаяться перед церковным народом...»¹¹.

Среди представителей советской интеллигенции были те, кто желал стать священнослужителем, но реализация этого желания была для них крайне затруднена. Священник Георгий Эдельштейн вспоминал: «Священства мне пришлось ждать 24 года. Обращался к правящим архиереям, просил принять на любое церковное послушание (в разные годы, иногда не по одному разу — Курск, Черновцы, Москва, Вятка, Ярославль, Саратов, Вильнюс, Самара, Псков, Ташкент, Тула), но мне вежливо говорили или писали: “К сожалению, в настоящее время нет вакансий”. Потом нередко поясняли, что вакансии, конечно, есть почти постоянно, что я не первый и не я последний прихожу, многие священства ищут, да уполномоченный никак не велит таких рукополагать, особенно если с высшим образованием. А уж если кандидат наук, доцент, преподает в вузе — и подавно. Больше 20 лет, с 1956 по 1979 г. ездил, писал, ходил, просил. Никак. Глухая стена»¹².

Проблемным было рукоположение в священный сан человека из среды интеллигенции и в годы перестройки. Архимандрит Зосима (Шевчук) вспоминал, как в 1985 году он приехал в Ивановскую епархию: «Владыка сообщил, что действительно очень сложно будет устроить меня в епархии при наличии диплома о высшем образовании и моей должности на заводе. На протяжении года шли переговоры нашего епископа с властями. Они закончились неуспехом»¹³. Согласие на его рукоположение власти дали лишь после того, как он стал монахом.

«Религиозное возрождение» конца 1970-х — начала 1980-х годов не встретило понимания со стороны руководства Церкви. Связано это было с тем, что религиозные диссиденты выступали с модернистских, обновленческих позиций, не совместимых с традиционной церковностью. Немаловажную роль сыграло и то, что религиозные диссиденты требовали вещей, невозможных в тех исторических условиях советской действительности — разрешения благотворительной деятельности, издания разнообразной духовной литературы, большой духовно-просветительской деятельности. Кроме того, они критиковали церковных иерархов за их молчание по вопросам религиозной дискриминации в стране и отсутствие поддержки тех, на кого власти начинали гонения в связи с религиозными убеждениями. Все это и обусловило расхождение позиций руководства Русской Православной Церкви и религиозных диссидентов.

В конфликте между религиозными диссидентами и представителями государственных структур Церковь, в лице иерархов, занимала позицию государства, в первую очередь, потому что официальная поддержка диссидентов могла навлечь на Церковь новые гонения. Другой причиной было то, что среди религиозных диссидентов было много людей, оторванных от подлинной церковности, для которых протестная деятельность становилась самоцелью. Позднейшие годы со всей убедительностью показали правильность такой позиции церковного руководства. Когда богоборческого государства не стало, люди, привыкшие бороться против чего угодно, лишь бы бороться, направили свою энергию против Церкви. В то же время деятельность религиозных диссидентов имела и положительные стороны: распространение в самиздате религиозной литературы, привлечение общественного, в том числе международного, внимания к имеющимся религиозным проблемам в Советском Союзе. Это создавало почву для перемен в общественном отношении к религии в конце 1980-х годов.

В начале 1990-х годов российская интеллигенция оказала самое активное влияние и на законы, регулирующие положение Русской Православной Церкви в Российской Федерации. В 1990 году изменилось союзное и российское законодательство о религии. Необходимо отметить, что союзный закон готовился

чиновниками, а российский — интеллигенцией, получившей в результате перестройки возможность активно влиять на законотворческие процессы. В начале 1990-х годов господствовало официальное мнение о «превосходстве» российского закона над союзным, который, впрочем, и не действовал фактически, как в силу провозглашения приоритета российского законодательства над союзным, так и последовавшего вскоре распада СССР. Однако вполне обоснованной представляется и другая точка зрения на религиозное законодательство 1990 года. Согласно ей, союзные законодатели были профессионалами в государственном управлении и имели зачатки «державного» мышления; российские законодатели были в основном вчерашние диссиденты — противники официальной власти (чаще всего из среды научной интеллигенции), которые были пленены западно-демократическими фетишами и в принципе не могли иметь «державного» охранительного мышления. Всякая мысль об интересах народа, страны и государства для российских законодателей трактовалась как великодержавный (русский) шовинизм. Этим-то и отличаются два закона — союзный и российский: для первого из них характерна еле заметная, но государственность и охранительность прав традиционных религий, для второго — протестантский (индивидуалистический) демократизм.

Союзный закон преодолел «советскую идеологичность» в том, что предусмотрел в качестве объекта законодательства религиозные организации, то есть конкретные исторически сложившиеся учреждения, являющиеся носителями религиозных отношений. Эти религиозные отношения, в свою очередь, регулируются государством. Для российского закона носителем религиозных отношений является гражданин или группа граждан (религиозное объединение), поэтому основной пафос данного закона — права человека и гражданина.

Само слово «организация» не встречается в тексте российского закона. В факте игнорирования российским законодательством 1990 года исторически сложившихся и существующих сотни лет религиозных организационных структур проявляется большевистское антицерковное наследие и идеологическое преемство от прежнего советского законодательства. Союзный закон весьма «многословен» по своему основному объекту зако-

нодательства — религиозным организациям. Этим он отличается от российского закона, предусматривающего объектом государственного регулирования только религиозные объединения граждан и, как будто бы, не замечающего таких учреждений, как Московская Патриархия, Отдел внешних церковных сношений и др., которые возникли не как объединения граждан, но как организационно-функциональные учреждения особых общественных отношений, именуемые религиозными отношениями.

Прямого разрешения на существование таких организаций в российском законе не имелось. По букве Закона сама Патриархия является религиозным объединением группы граждан. Только вопрос: каких и кого? Где такое собрание учредителей (десять или двадцать человек), которое решило бы создать (учредить) Патриархию? Таков основной парадокс российского закона «О свободе вероисповеданий» 1990 года¹⁴.

Необходимо также отметить, что проект этого закона готовился в Комитете Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности, председателем которого являлся тогда еще православный священник Вячеслав Полосин (несколько лет тому назад перешедший в мусульманскую веру), с ним тесно сотрудничал православный священник Глеб Якунин (спустя несколько лет он был лишен сана за антицерковную деятельность).

По этому вероисповедному закону религия и атеизм должны были сравняться, в один ряд ставились религиозные организации и «атеистические общественные объединения» (ст. 4). Закон настойчиво напоминал об атеизме (семь раз), устанавливал защиту атеистических убеждений граждан. Несомненно, большой ошибкой закона следует признать отнесение религиозных организаций к числу общественных объединений. Противоречивость некоторых положений, неопределенность ряда формулировок, путаница в терминологии дают основание отметить низкий уровень закона в целом. Субъективизм и неопытность разработчиков столь сложного законопроекта, стремление подготовить закон оригинальный, не похожий на закон Союза, привели к тому, что очень скоро потребовались изменения и дополнения к нему, но принять их не удалось из-за событий 1993 года, прекративших работу Верховного Совета РСФСР¹⁵.

После принятия закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» в стране сложилась довольно противоречивая ситуация. С одной стороны, налицо было продвижение вперед: тысячи культовых зданий передавались религиозным общинам, открывались десятки монастырей, духовных учебных заведений, религиозных центров, братств и миссий. Практически все обоснованные заявления верующих о регистрации обществ разрешались положительно. С другой — вскоре проявились и не прогнозируемые в ходе выработки закона последствия. Начался бурный рост числа конфессиональных новообразований, не имеющих аналогов в прошлом России, бесконтрольный въезд на территорию государства тысяч миссионеров и проповедников самой различной ориентации, для которых Россия превратилась в своего рода испытательный полигон новых религиозных учений. Быстро увеличивалось количество духовных миссий, действовавших во всех субъектах Российской Федерации¹⁶. Как отмечал в то время заведующий сектором аппарата Правительства РФ Г. А. Михайлов, для ряда «новых» религиозных организаций и миссионерских структур было характерно «применение особой психотехники, оказывающей разрушающее воздействие на личность», распространение «ненависти и вражды к тем, кто не разделяет их воззрений», что в конечном итоге усиливало нестабильность, вело к конфронтации на «религиозной почве» как в ряде отдельных субъектов, так и в России в целом¹⁷.

Можно констатировать, что попытки интеллигенции определить, в каких именно рамках должно происходить развитие деятельности Русской Православной Церкви, оказались неудачными. Сказались отсутствие опыта государственной работы, реального понимания имеющейся внутрицерковной ситуации. В силу этого, подготовленный интеллигенцией российский закон «О свободе вероисповеданий» 1990 года не учитывал внутренних традиций и установлений, традиционных для России религий, зато предоставил свободу действий деструктивным сектам, создал почву для внутрицерковных расколов и нестроений. Многие из интеллигентов (но далеко не все), принявших священнический сан, в той или иной степени выступали в роли оппозиции официальной церковной иерархии. В то же время именно интеллигенция во многом подготовила благоприятную почву для изменения общественного отношения к Церкви в конце 1980-х годов. В дальнейшем, при-

мерно со второй половины 1990-х годов, взаимоотношения Церкви и интеллигенции стали выстраиваться на основе реального понимания возможностей и ценностей друг друга; появилось много интеллигентов, живущих церковной жизнью или активно сотрудничающих с Церковью в созидательном плане. На сегодняшний день уже, наверное, неправомочным было бы говорить о наличии какого-то противопоставления интеллигенции и Церкви, тем более что все больший процент священнослужителей и прихожан — это именно представители интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Фурман Д. Е.* Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 13—14.
- ² История Русской Православной Церкви. СПб., 1997. Т. 1 : 1917—1970. С. 944.
- ³ Русская Православная Церковь в советское время. М., 1995. Кн. 2. С. 68—69.
- ⁴ Государственный архив Ярославской области. Ф.Р.-1033. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
- ⁵ Там же. Л. 28.
- ⁶ Русская Православная Церковь в советское время. С. 120.
- ⁷ Там же. С. 167.
- ⁸ *Нежный А.* Допрос Патриарха. М., 1997. С. 387.
- ⁹ *Дудко Д., свящ.* Проповедь через позор. Б. м., 1996. С. 3.
- ¹⁰ Литературная Россия. 1990. 19 янв.
- ¹¹ Русская Православная Церковь в советское время. С. 427.
- ¹² *Эдельштейн Г., свящ.* Из записок советского священника // На пути к свободе совести. С. 242—243.
- ¹³ *Зосима (Шевчук), архим.* Сочинения и статьи. Проповеди. Иваново, 1998. Т. 1. С. 13.
- ¹⁴ *Шведов О. В.* Энциклопедия церковной жизни. М., 2003. С. 147—150.
- ¹⁵ *Калинин В. Н.* Обзор законодательства о религии // Приход. 2006. № 9.
- ¹⁶ *Одинцов М. И.* Вероисповедные реформы в России: идеи, политика, итоги (1985—1997 гг.) // Российское законодательство о свободе совести в 80—90-х гг. XX в.: теоретические споры, реформирование правовых основ, практическая реализация законодательных актов. М., 1999. С. 15.
- ¹⁷ *Михайлов Г. А.* О религиозной ситуации в Российской Федерации // Религия, Церковь в России и за рубежом. М., 1994. № 1.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)-283.2

А. В. Репников

С. Н. СЫРОМЯТНИКОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

С. Н. Сыромятников не относится, к сожалению, к представителям общественной мысли, о которых знает современный читатель, хотя биография этого человека могла бы стать сюжетом для увлекательной повести. Об этом убедительно свидетельствует вышедшая в 2004 году работа Б. Д. Сыромятникова, чьим двоюродным дедом был Сергей Николаевич¹. Изданная тиражом в сто экземпляров эта книга, увы, известна даже не всем специалистам. Б. Д. Сыромятников также опубликовал в специализированном журнале обширную статью о своем именитом предке². Эти работы, основанные на материалах семейного архива, найденного Б. Д. Сыромятниковым в конце 1960-х годов в тайнике в книжном шкафу личной библиотеки С. Н. Сыромятникова, представляют большой научный интерес.

Упоминания о С. Н. Сыромятнике также встречаются в работах о монархической организации «Русское собрание» и

© Репников А. В., 2010

Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), доцент Российской академии театрального искусства (ГИТИС). Repnikov@mail.ru

статьях, посвященных отечественной консервативной мысли³. О его взглядах можно узнать из монографии А. В. Репникова «Консервативные концепции переустройства России»⁴. По мнению современных исследователей, идеи Сыромятникова отличались оригинальностью и имели не только консервативную, но и протоевразийскую, «восточническую» направленность.

Значительный материал о герое нашей статьи хранят архивы⁵. Историк-архивистов ждет еще немало находок. «В 2004 г. в Рукописном отделе библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского Университета научный сотрудник санкт-петербургского филиала Института востоковедения РАН А. Ф. Троцевич обнаружил часть “восточного”, а именно “корейского”, собрания книг С. Н. Сыромятникова» из некогда весьма обширной личной библиотеки мыслителя⁶.

Недоступными широкому читателю остаются работы Сергея Николаевича. Его статьи рассеяны по страницам газет, но газетная бумага, которой уже больше века, приходит в негодность. В перспективе мы надеемся увидеть переиздание наиболее значимых работ Сыромятникова, а пока предлагаем читателю краткую биографию мыслителя.

Сергей Николаевич родился 19 сентября 1864 года в Санкт-Петербурге. Его мать происходила из мещанской семьи, отец был дворянином. В 1884 году Сыромятников окончил гимназию Санкт-Петербургского Историко-филологического института и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Под руководством А. Н. Веселовского он изучал древнеисландский язык, исландскую поэзию, право; в 1885 году перевелся на юридический факультет.

Сыромятников познакомился с А. И. Ульяновым и поддерживал дружеские отношения с В. В. Водовозовым. Он участвовал в «Студенческом научно-литературном обществе», в котором состояли участники антимонархического заговора 1 марта 1887 года. В рапорте на имя П. Н. Дурново от 31 декабря 1886 года указывалось, что из лиц, возглавлявших научно-литературное общество, «один Ульянов и отчасти Сыромятников являются личностями в политическом отношении неблагонадежными»⁷. В 1887 году Сыромятников был исключен из университета. Его выслали из Петербурга, и он находился под надзором полиции.

16 ноября 1887 года С. Н. Сыромятников написал прошение на имя попечителя Петербургского учебного округа с просьбой о восстановлении или, в случае невозможности восстановления, о разрешении держать выпускные экзамены в Московском университете. В 1888 году он был восстановлен в университете, который окончил в 1890 году со степенью кандидата права. Причем, после окончания университета — получил удостоверение, свидетельствующее, что в период обучения он не принимал участия в каких-либо «противозаконных проявлениях».

В 1888—1893 годах С. Н. Сыромятников сотрудничал в газете «Неделя»; с 1891 — составлял для нее обзоры зарубежной политической жизни. Служил в Министерстве юстиции. С 1893 по 1904 год работал в газете «Новое время». Сотрудничал также в газетах «Варшавский дневник», «Санкт-Петербургские ведомости», журналах «Живая старина», «Исторический вестник», «Нива» и др. С января по апрель 1897 года состоял редактором русского отдела журнала «Cosmopolis». Литературными псевдонимами Сыромятникова были — Сергей Норманнский и Сигма.

В 1897 году в качестве корреспондента «Нового времени» в составе миссии Э. Э. Ухтомского он совершил путешествие на Восток, посетив Китай, Японию, Корею, Приморскую и Амурскую области, и вернулся «через Америку» в Россию. Сам С. Н. Сыромятников вспоминал: «Не знаю, входил ли я в состав посольства, ибо ехал на свой счет, но к награждению “Двойным Драконом” (китайским орденом. — *А. Р.*) был представлен и таковой получил и на всех общих аудиенциях посольства присутствовал»⁸. Как доказывает в своих исследованиях Б. Д. Сыромятников, в ходе поездок Сергей Николаевич выполнял не только корреспондентские, но и разведывательно-дипломатические функции: «Путешествие С. Н. Сыромятникова в Корею в 1897 г. было одним из первых организованных и обеспеченных государственными структурами научных мероприятий, порученных гражданскому ученому, которое должно было на самом “начальном” научном уровне “приготовить” более масштабные, государственные же мероприятия по изучению этой страны»⁹. Сыромятникову «как человеку знающему и интересующемуся Кореей, было поручено собрать весь литературный материал, дополнить его личными путевыми впечатле-

ниями и составить “Очерк современного положения Кореи”», что и было исполнено¹⁰. Очерк был представлен Николаю II¹¹. Во многом это объясняет и включение Сыромятникова в следующую экспедицию уже на ранней стадии ее подготовки.

В 1898 году С. Н. Сыромятников командирован в северную Корею, где он обследовал Чембоксанский хребет северо-восточной Кореи и делал маршрутные съемки. 21 марта 1898 года, перед отъездом он писал А. С. Суворину: «...я получил очень Важное поручение, опасное и славное, от которого не мог бы без бесчестья для себя отказаться ни один русский, а тем более русский писатель... борющийся на бумаге за русские интересы и пользу России. Я принял это поручение после долгой борьбы и колебаний, не из боязни смерти и не из недостатка веры в дело, а потому что я люблю Вашу дочь Настасью Алексеевну и сознаю, что полугодовое отсутствие мое в России должно отнять у меня самые далекие надежды на то, что я когда-нибудь мог бы занять место в ее сердце...»¹² 12 мая экспедиция, получив 100 000 рублей и письменную инструкцию, покинула Петербург, а в конце мая отбыла из Одессы на пароходе¹³. 28 июля Сергей Николаевич с товарищами прибыл в Сеул. Исследователь Б. Д. Сыромятников приводит в своих работах некоторые фотографии (всего их 94) из альбома С. Н. Сыромятникова, сделанные во время этого путешествия. Снимки доказывают, что «в 1898 г. Россией была предпринята масштабная (десятки участников) комплексная научная экспедиция в северную Корею, состоявшая, по крайней мере, из четырех партий: “партия барона Н. А. Корфа”, “партия А. И. Звегинцова”, “партия горного инженера Кишенского” и — “партия С. Н. Сыромятникова”... в фондах МАЭ РАН хранится еще один экземпляр фотоальбома экспедиции и коллекция ее отдельных фотографий из архива С. Н. Сыромятникова. Этот второй экземпляр альбома и коллекция были проданы его наследниками в 1940 г. в Музей антропологии и этнографии в Ленинграде»¹⁴. После окончания экспедиции ее участники были отмечены наградами. С. Н. Сыромятникова представили «к ордену Св. Анны 3-й степени и подарку по чину»¹⁵. Труд экспедиции получил обобщение в капитальном издании «Военный обзор Северной Кореи», выпущенном Главным Штабом в 1898 году¹⁶. Впечатляет и созданная участниками экспедиции «Карта

северной Корее»¹⁷. К ней отдельным изданием был напечатан «Алфавитный указатель».

В 1900 году С. Н. Сыромятников был командирован в Османскую империю на берега Персидского залива. В октябре 1900 года в Ай-Тодоре под председательством Великого князя Александра Михайловича состоялось заседание комиссии (С. Ю. Витте, О. Л. Радлов, С. Н. Сыромятников), которая «решила помочь проникновению русских товаров в Южную Персию и Месопотамию», чтобы «старая дорога между Средиземным морем и Индией начала служить путем для соединения Одессы с Южной Персиею, Месопотамиею и Аравиею, пока железный путь не свяжет Персию и Месопотамию с Москвою и не откроет русскому народу доступ к горячему южному океану»¹⁸. В ходе поездки Сыромятников собирал информацию военного и дипломатического характера, а после возвращения прочел 23 ноября 1901 года в «Обществе ревнителей военных знаний» в качестве «члена-соревнователя» этого общества доклад «Мировое значение Персидского залива и Куэйта».

В 1900—1901 годах он участвовал в создании Русского собрания; стал одним из товарищей (заместителей) председателя. Целью Русского собрания он считал определение национальных ценностных ориентиров: «Во всех областях нашего творчества... русская народная мысль не удовлетворяется уже образами иноземными, а ищет своего пути для достижения национальных идеалов. Но при этом знание нашего исторического прошлого весьма слабо распространено в русском обществе, а без этого знания искание своего в области творчества нередко переходит в шатание из стороны в сторону и перелевы чужих мотивов»¹⁹. Сыромятников вспоминал, что идея создания кружка, «в котором бы русский человек приучался бы думать о настоящем, постоянно сверяя его со своим историческим прошлым», возникла у него после возвращения с Персидского залива и под влиянием китайской войны, поднявшей патриотические настроения в русском обществе, и он попытался «сблизить петербургских чиновников с русской историей, не с ее педантическими и археологическими мелочами, а с ее живыми и великими образами, с ее здоровыми народными идеями»²⁰. Он был представителем левого крыла Русского собрания, посвятив этой организации в 1901 году свою

книгу «Опыты русской мысли», представленную Николаю II. Как отмечает историк Ю. И. Кирьянов, оставаясь монархистом, Сыромятников шел «в своих реформаторских проектах уже достаточно далеко... он писал о необходимости не только ликвидировать всевластие бюрократии, но и дать населению возможность доносить свои нужды до монарха через законосовещательную “Государеву” думу»²¹.

Книга Сыромятникова вызвала в либеральном журнале «Русская мысль» язвительную рецензию под заголовком «Националистический фрукт»²². Обозначенный инициалами М. Пр., рецензент сравнивал публициста с Хлестаковым и Чичиковым одновременно. Не утруждая себя серьезными аргументами, рецензент заменил их рядом выпадов: «Бедный мученик, благороднейший патриот-националист! ... г. Сыромятников до такой невероятной степени глуп, что... помочь этому несчастному может... власть просвещенного психиатра... Сыромятников представляет собою некоего двуликого литературного Януса...»²³ Возмутила рецензента и критика Сыромятниковым политики Англии: «*Англичанка гадит*, — говорит гоголевский почтмейстер, и хотя его мысль, по существу, совершенно совпала с мыслью г. Сыромятникова, но какая разница в впечатлении! Не в таланте тут дело, а в неизмерной разнице нравственного уровня: захолустный полудиот-чиновник болтает, как салоппница, а г. Сыромятников вещает то же самое с негодующим пафосом пророка»²⁴. Для понимания работ Сыромятникова эта рецензия ничего не дает, а вот для понимания того уровня, на котором велась полемика с ним, дает очень многое.

Как это часто бывало в консервативных организациях, вскоре в Русском собрании произошел раскол. Сыромятников вступил в конфликт с лидерами РС В. Л. Величко и Д. П. Голицыным. В январе 1903 года Сыромятников выбыл из состава Совета собрания по жребию, отказавшись от вторичного избрания, и в марте 1903 года был забаллотирован на выборах товарища председателя, получив, по собственному признанию, 84 голоса из 255²⁵. В. Л. Величко сообщает, что Сыромятников получил «не 84, а 63 голоса»²⁶. Эта ситуация эмоционально обсуждалась на страницах как консервативной, так и либеральной печати. Монархист Величко опубликовал обширную статью в «Русском

вестнике», обрушив на мыслителя град упреков. Величко, в унисон с либеральным критиком, сравнил Сыромятникова с героем «Ревизора» и объявил его двуликим Янусом, старающимся «обмануть ближних микстурой мутных фраз», да еще и намекал на небескорыстные симпатии публициста к евреям: «Г. Сигма забывает, что нельзя одновременно быть русским деятелем и холопски подчиняться догмату масонско-еврейского либерализма, воспрещающему сколько-нибудь откровенно говорить об инородцах»²⁷. Если либералу М. Пр. не давали покоя гонорары Сыромятникова, то Величко не забыл напомнить, что Сыромятников «ездил по торговым делам на Персидский залив, был за это награжден по почину министерства финансов»²⁸. Возмутила Величко и статья Сыромятникова, посвященная истории рождения Русского собрания: «Своим возникновением и развитием Русское собрание обязано нарощей потребности русских людей в сплочении, подъему национального самосознания, под влиянием того, что от наступательных инородцев тесно стало... Китайская война тут совсем не причем. На пути неизбежных событий г. Сигма явился формально простым, случайным придорожным столбом, не более того... с естественными и открыто-исповедуемыми задачами Русского собрания у него мало общего»²⁹. Упрекая Сыромятникова в отсутствии патриотизма, Величко заявлял, что «архаическая философия г. Сигмы... выгодна преимущественно евреям и их прислужникам»³⁰. Наконец, Величко поставил под сомнение научную компетентность Сыромятникова: «По вопросу об инородцах и окраинах я считаю даже излишним подробно спорить с г. Сигмой, не обладающим для того ни научной, ни нравственной компетентностью...»³¹. Остается лишь добавить, что в 2010 году в Москве под редакцией О. А. Платонова переиздали основные статьи Величко (в т. ч. и те, где он борется с сионизмом и «еврейской угрозой») ³². А вот работы историка и филолога Сыромятникова, владевшего более чем полутора десятками языков, переводящего древнеисландские саги и произведения восточных писателей, современных издателей не заинтересовали.

1 июля 1904 года Сыромятников вышел из редколлегии «Нового времени» и отправился на театр боевых действий в Маньчжурии (Ляоян, Янтай, Шахэ, Телин, Мукден). В 1904—1905 годах он состоял чиновником особых поручений при наме-

стнике на Дальнем Востоке. 15 апреля 1904 года Сыромятников сообщал в письме: «Я здесь превратился в скромного чиновника особых поручений при Наместнике и езжу верхом по Маньчжурии между хунхузами и японцами... Если не убьют, увидимся...»³³ В октябре 1904 года он был срочно командирован в Персию. В 1912 году Сыромятников вспоминал об этой миссии: «...я был воспитан в недоверии к Англии и работал против нее на Дальнем Востоке и в Персии... но я очнулся во время Бурской войны... я доказывал, что гибель Англии была бы гибелью для России»³⁴.

После возвращения в Россию Сыромятников сотрудничал с газетой «Слово», ведя там рубрику «Заметки писателя» (1905—1906). 19 мая 1906 года Сергей Николаевич познакомился с П. А. Столыпиным и был назначен редактором проправительственной газеты «Россия», «которая ранее существовала, но в крайне мизерном виде»³⁵. Либералы и консерваторы часто укоряли его в непоследовательности и полемическом задоре. Н. М. Минский в журнале «Новый путь» сетовал на Сыромятникова: «Просто не привыкли у нас к обсуждению какого-нибудь идейного вопроса без полемического задора. Чтобы быть услышанным и понятым, у нас нет иного средства, как схватить обух полемики и бить им по голове своего противника... Тогда только читатель очнется от своей дремоты и назовет вас убежденным публицистом, неподкупным рыцарем слова»³⁶. Сыромятников же объяснял изменение своих взглядов тем, что был западником не из корыстных интересов и стал «восточником» тоже по убеждению, а не ради денег или карьеры: «Живя внутри России — трудно не стать западником. Все получившие образование русские — западники...»³⁷ Противопоставляя Восток и Запад, Сыромятников писал о том, как чувствовал Свободу «среди северного леса, среди тихих озер моей родины... в глинобитной хижине китайца, в деревянных домиках Японии, в горных деревнях Кореи, в черных шатрах бедуинов, в цинопочных шалашах индусов», но не видел Свободы «в толпах Лондона, Парижа, Берлина, Петербурга. В городах этих она уютилась в кельях немногих ученых и философов»³⁸.

В 1912 году Сергей Николаевич участвовал в подготовке полярной экспедиции Г. Я. Седова, сыграв большую роль в ее финансировании. В 1914 году Л. А. Тихомиров отправил ему для газеты «Россия» свою статью «К построению законодательства о

печати». В ответном письме Сыромятников сообщил, что публикация вызвала недовольство министра внутренних дел Н. А. Маклакова и послужила предлогом для закрытия газеты, «последний номер которой выйдет 30 апреля»³⁹.

Консерватизм Сыромятникова предполагал развитие политической и общественной жизни России: «Остановить движение человечества нельзя, можно и должно прорыть правильное русло для течения общественной мысли и общественного чувства. Теперь же общественная мысль и общественное чувство направлены против русской государственности»⁴⁰. По его мнению, Россия представляет восточный тип цивилизации, которому чужд западноевропейский рационализм, индивидуализм, материализм. В этом отношении Россия ближе к восточным культурам Китая, Кореи, тюркских народов, что обуславливает ее особое место в евразийском пространстве: «...объединение политических интересов России, Китая и Японии сделает Россию снова независимой в Европе и снова обезопасит нашу западную границу. Создание правильной русско-азиатской политики составляет самую жизненную необходимость для России. Наше положение в Европе зависит от нашего положения в Азии, а не наоборот»⁴¹. Переориентация на Восток предполагала и смену внешнеполитического курса. Россия, по мнению Сыромятникова, должна минимизировать свое участие в европейских делах, осознав, что интересы империи лежат в Корее, Маньчжурии и территории, прилегающей к Персидскому заливу.

Сыромятников не идеализировал Восток, написав в статье «Ex Oriente Nox» 12 марта 1895 года: «...я позволяю себе просить русское общество, русских писателей, русских журналистов обратить внимание на то, что творится теперь на Востоке, и приготовиться к борьбе с грядущим панмонголизмом. Не только к борьбе за приморскую область или Сибирь, а к борьбе за нашу историческую жизнь, за наше развитие и за те идеалы, которым мы сознательно служили столько веков»⁴². С другой стороны, в статье «Что такое панмонголизм?», помещенной в «Новом времени» 6 января 1904 года, он полемизировал с М. О. Меншиковым, предупреждавшем о «желтой опасности». По мнению Сыромятникова, Россия должна прагматично относиться и к Западу и к Востоку.

С точки зрения Сыромятникова, в основу преобразований должны быть положены традиционные для России ценности, которые могут не совпадать с европейскими. Например, полагал он, принцип политических прав человека противоречит российским представлениям о власти, которая есть не привилегия, а ответственность. Участие в управлении — это тяжкое бремя и долг (в этом его взгляды схожи с позицией К. П. Победоносцева). «До чего может довести нас насильственное укладывание русского народа в западную форму, все равно полицейского или парламентского государства, потому что свобода и рабство суть полюсы одной идеи, потому что и за полицейской и за парламентской доктриной одинаково скрывается болезнь и омертвление духа»⁴³.

Сыромятников считал, что оптимальной формой правления для России является самодержавие, которое есть одна из наиболее демократических форм правления, а «Россия — свободная демократия с свободным царем во главе, ответственным лишь перед Богом и совестью»⁴⁴. Основная задача монарха — забота обо всех подданных вне зависимости от их социального положения или материального благополучия.

С точки зрения Сыромятникова, следовало реформировать высшие административные учреждения России. Министры должны назначаться императором, однако их выбор должен быть ограничен «земскими» людьми, представленными в законосовещательном собрании. Следовало расширить сферу компетенции органов местного самоуправления, передав земствам значительные властные функции. Нуждалось в реформировании и само земство. Путь России «есть переход к государству земскому, к организации жителей деревень и городов в самоуправляющиеся всеобщие единицы, с выборными советами при губернаторах, с выборными советами при министрах»⁴⁵.

Поддержав аграрную реформу П. А. Столыпина, Сыромятников выступал его активным сторонником вплоть до гибели премьера. В 1911 году он опубликовал в «России» очерк «Железный министр», посвященный памяти Столыпина, в котором писал: «Люди проходят, остается государство, которое опять найдет железного человека для своего спасения в минуты опасности... Но мало самосохранения, необходимо достойное существование для государства, как и для отдельного лица»⁴⁶. Он также был сто-

ронником предоставления крестьянину права свободного выхода из общины, полагая, что нет смысла отстаивать обреченные на гибель институты: «Земля ищет хозяина и никакой сентиментализм не может худого хозяина сделать хорошим... Со стороны государства — преступление и перед землей, и перед крестьянством привязывать землю к плохим хозяевам и бояться переживания наиболее способных, приравнивая жизнь к требованиям менее способных»⁴⁷. Некоторые современные исследователи находят у Сыромятникова даже «нищешанские мотивы», цитируя его слова о том, что «войны, революции, денежные крахи» ведут к перемешиванию общественных слоев, когда, с одной стороны, образуется масса «обыкновенного человеческого материала», того, что «не могло удержаться на высоте по недостатку ума, силы воли или ловкости», а с другой стороны, к высотам власти возносятся наиболее способные и «жизнь постоянно выносит кверху все сильное и способное и постоянно опускает в общественный ил все то, что не могло удержаться на высоте»⁴⁸.

Вместе с тем, Сыромятников не затушевывал изъяны капитализма: «Русское правительство не есть правительство фабрикантов и заводчиков. Рабочий такой же русский гражданин, как и заводчик, помещик, и его интересы так же дороги Государю, как и интересы каждого из нас... И в государстве Царя — плотника, исповедующего веру Христа — ремесленника, труд не может быть отдан в жертву капиталу»⁴⁹. Он полагал, что в России должен доминировать сельский уклад, т. к. городской быт подрывает основы русской культуры. Утверждение в деревне городских порядков, копирующих европейские нормы, с точки зрения Сыромятникова, несло угрозу традиционному миропорядку: «...город есть давно предсказанный Антихрист, который жаждет захватить в свои лапы весь мир, развратить человечество, исказить в нем природу, вытравить из него лучшие божеские черты. Русский национализм заключается в борьбе с городом, с городскими представлениями и интересами в области права, религии, искусства, философии, в изучении восточных деревенских идей и проведении их в жизнь»⁵⁰. Вместе с тем, он отмечал, что «наша задача сделать город не врагом деревни, а ее пособником, ее подручным, ее мозгами. Город совсем не осужден на роль вечного растлителя и поработителя деревни... и мечта о большом русском селе с

библиотекой, музеем, химической лабораторией не кажется мне несбыточной»⁵¹. Как и М. О. Меньшиков, он обращал большое внимание на личные качества человека, его стремление к самореализации и саморазвитию, ссылаясь на позитивный опыт Запада: «В тех странах, где государство и общество помогают развитию личности и ценят в ней всего более энергию и самостоятельность, — как в Германии, Англии, Америке, — народное богатство и общественные силы могучи и непобедимы... Только при развитии личности можем мы выдержать борьбу с другими народами; борьбу экономическую, гораздо более опасную и жестокую, чем борьба с оружием в руках»⁵².

Себя Сыромятников определял как «прогрессивного националиста», считая, что «истинный консерватизм, консерватизм не полицейский, а государственный, есть сохранение живого и жизнеспособного в народе, есть развитие исторически необходимого, есть защита испытанного своего против неиспытанного чужого, защита не кулаком и палкой, а воспитанием общественной мысли и чувства»⁵³. Сыромятников полагал, что «русская идея есть идея братства людей, как частиц мира, не как повелителей мира, не как истребителей жизни естественной, не как заменителей ее жизнью искусственной. Наше братство есть братство охраны мировой жизни»⁵⁴.

Непринятие Сыромятниковым националистического радикализма вызывало отторжение в среде правых публицистов, и Величко здесь был не одинок. Д. В. Скрынченко в статье «Национальное пробуждение и казенные перья» (1909) зачислил Сыромятникова за критику лозунга «Россия для русских» в число «русских космополитов», которые «делают политику казенными перьями», заявив: «И как не стыдно Сыромятникову подчеркивать то, о чем надо стыдливо умолчать»⁵⁵. А. С. Суворин, симпатизировавший Сыромятникову, 11 ноября 1896 года записал в дневнике: «Сигма — общественный человек... и может стать центром. Талант его декадентский, но изложение изящное»⁵⁶. Писательница С. И. Смирнова-Сазонова, напротив, возмущалась, что Суворин «лобызается с Сигмой, которому нельзя подавать руки»; подобная интеллигентская нетерпимость могла быть вызвана тем, что Сыромятникова «подозревали в связях с тайной полицией»⁵⁷.

Доставалось публицисту не только от «левых» и «правых», но и от высокопоставленных чиновников. Отповедь ему дал Д. С. Сипягин, полагавший, что «в газетном фельетоне неуместно давать советы монарху о наилучшем усовершенствовании правилительственного механизма»⁵⁸.

В 1915 году вышел антигерманский сборник «Наши враги», на страницах которого Сыромятников соседствовал с П. И. Ковалевским и А. Д. Михайловым. Совершив экскурс в историю, он приходил к выводу, что после начала войны «даже самые тупые русские люди оценили значение прусской дружбы» и все разговоры об «усилении Англии» нужно отбросить, поскольку «ни мы, ни Англия не ищем мирового господства и честные, и умные люди наших обоих народов найдут возможность размежеваться, когда Европе перестанет угрожать железный кулак германских варваров»⁵⁹.

В 1915 году Сыромятников — действительный статский советник. В этом же году он командирован в США как представитель МВД с целью организации кампании в американской прессе по созданию позитивного образа России и тем самым — для содействия вступления Америки в войну. Он публикует статьи, в которых подает мысль об учреждении в Америке курсов «практического изучения России»⁶⁰. По донесению русского посла в Америке Ю. П. Бахметева, «деятельность... Сыромятникова по осведомлению здешнего общественного мнения об истинном положении дел в России начинает давать осязательные результаты благодаря умению и такту, проявляемому им в его главных статьях и личных сношениях...»⁶¹. В 1917 году эту деятельность оценило французское правительство, наградив Сыромятникова орденом «Почетного легиона».

В 1917 году он вернулся в Россию. В 1917—1918 годах возглавлял Боровёнскую волостную земскую и продовольственную управы. В 1918 году был арестован большевиками по доносу («на его огороде ночами садятся немецкие еропланы») ⁶². 19 (6) декабря 1918 года Сыромятников написал письмо В. И. Ленину: «Милостивый Государь Владимир Ильич! Память о Вашем брате Александре, который был моим товарищем в Петербургском университете, позволяет мне написать Вам это письмо... Мне 54 года, и ни к какой политической партии я не принадлежу. Если в нынешнее тяжкое время для моей Родины... России, я могу

быть ей чем-либо полезен, я буду рад служить ей, о чем и прошу Вас, Милостивый Государь, сообщить Правительству...»⁶³ Сыромятникова освободили, позволив ему искать работу по специальности филолога-востоковеда. В 1922 году он служит учителем иностранных языков в Бологом. В 1924 году Сыромятников вернулся в Ленинград и работал внештатным сотрудником в Институте живых восточных языков им. Енукидзе в Петрограде; сотрудничал с академиками В. Н. Алексеевым и Н. И. Конрадом. В 1925—1926 годах продал часть своей обширной библиотеки Ленинградскому университету. В 1930—1933 годах готовил к печати свои воспоминания, ведя переписку с В. Д. Бонч-Бруевичем о их публикации.

В разные годы публицисты обвиняли Сыромятникова в беспринципности и погоне за чинами; в русском национализме и служении евреям; в сотрудничестве с тайной полицией и симпатиях к левым радикалам. Но он продолжал работать, выпускать книги⁶⁴ и до конца жизни занимался научной деятельностью. Б. Д. Сыромятников отмечает: «К сожалению, необычайно обширная по тематике и огромная по объему работа, которую вел до самой своей смерти в 1933 г. востоковед Сергей Николаевич Сыромятников, практически неизвестна современным исследователям. Только следы этой работы содержатся в обширной переписке с ним академиков В. М. Алексеева, Н. И. Конрада, Н. Я. Марра и других выдающихся востоковедов, филологов и историков, которые... активно сотрудничали с ним и поддерживали его»⁶⁵.

В 1933 году Сыромятников обратился к В. Д. Бонч-Бруевичу с письмом, в котором предупреждал, что «Япония прет на Запад» и «надо принять меры к устройству некоего фейерверка внутри Японии, не полагаясь на войну против нее САСШ, ибо американский флот не справится, конечно, с японским: американские матросы веруют в доллар, а японские в переселение душ и в божественность своего императора»⁶⁶. Он предлагал серьезно «изучить Японию» и создать (под собственным руководством) «центр изучения Востока на пользу Союза» на базе журнала «Библиография Востока», некоторые статьи в котором можно «печатать секретно в небольшом числе экземпляров для штабов»⁶⁷. В планы Сыромятникова входило изучение и остальных стран Востока. При этом он не искал выгоды для себя. Человек, которого политические оппонен-

ты обвиняли в карьеризме, писал: «Крупного жалования мне не надо, но если мне дать $\frac{1}{4}$ фунта масла и три яблока в день, то я поправлюсь от истощения и энергично поработаю еще лет пять»⁶⁸. Проект поддержки не получил, а 10 сентября 1933 года Сергей Николаевич скончался и 14 сентября 1933 года был похоронен на Богословском кладбище в Ленинграде.

Завершить статью хотелось бы словами самого Сыромятникова, которые он когда-то произнес во время путешествия по Персидскому заливу в споре с ученым-немцем. Представляется, что они, в определенной мере, были жизненным кредо самого мыслителя: «Вы хотите истребить всех животных и всех людей естественных, привести землю к состоянию пустыни и в реторте создавать своих homuncul'ов. Создать живую клетку, создать человека в реторте — разве это не дьявольская мысль, вложенная в западное человечество Врагом жизни. Вот против этого истребления дела Божия на земле и должны объединиться народы Востока и бороться с вами, как с собирательным Антихристом, противником естественной жизни, противником духовной и нравственной свободы. Против вашего мозга будем бороться мы, последние богоносцы. Будем бороться за деревню, за лес, за чистое небо, за чистую душу, за чистую совесть, за зверя, за птиц и за рыб, за всех наших братьев в мироздании. Мы будем бороться за жизнь против машины, за свободу против социального цухтхауза, за бедность против богатства. Обломки и отрывки этих идей носятся от Dondra Head до Чукотского Носа и от Иезо до Варшавы. Мы сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом. Англичане предчувствуют наше значение в Азии и боятся нас. Потому что отныне не будем мы защищать грудь Европы от Азии, как защищали ее от натиска татар. Мы пойдем заодно с этой Азией, ибо мы нашли себя и обдумали себя, и увидели, что вы идете не на дело жизни и обоготворения, а на дело смуты и служения дьяволу»⁶⁹.

Примечания

¹ Сыромятников Б. Д. «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ» (1897...1916 годы): историко-документальная повесть-расследование. СПб., 2004.

- ² Сыромятников Б. Д. У истоков отечественного корееведения. Забытые имена: Сергей Николаевич Сыромятников // Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб., 2005. Вып. 8.
- ³ Лукоянов И. В. Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России (сер. 90-х гг. XIX в. — 1905 г.) // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. СПб., 1992; *Он же*. Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX — начале XX в. и власть (проблема правого реформаторства): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993; *Он же*. Русское собрание // Россия в XIX—XX вв.: сборник статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998; *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание, 1900—1917. М., 2003; *Чернавский М. Ю.* Консервативные идеи в воззрениях С. Н. Сыромятникова // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 2; *Он же*. Сыромятников С. Н. // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2005.
- ⁴ Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- ⁵ Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 655 (С. Н. Сыромятников); Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1757 (С. Н. Сыромятников).
- ⁶ Сыромятников Б. Д. У истоков отечественного корееведения. С. 106.
- ⁷ Семья Ульяновых. М., 1984. С. 202.
- ⁸ Сыромятников Б. Д. «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ». С. 10.
- ⁹ Сыромятников Б. Д. У истоков отечественного корееведения. С. 108.
- ¹⁰ Там же. С. 116.
- ¹¹ Там же. С. 117.
- ¹² Там же. С. 114—115.
- ¹³ Там же. С. 117.
- ¹⁴ Там же. С. 113.
- ¹⁵ Там же. С. 122.
- ¹⁶ Там же. С. 123—129.
- ¹⁷ «Можно предположить, что она была вообще первой более или менее полной русской (возможно, не только русской) картой северной части этой страны и оставалась таковой достаточно долго после окончания русско-японской войны» (Там же. С. 124, 125).
- ¹⁸ Сыромятников Б. Д. «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ». С. 50.
- ¹⁹ Цит. по: *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание, 1900—1917. С. 25.
- ²⁰ Сыромятников С. Н. Дома // Новое время. 1903. 16 марта. № 9709.
- ²¹ *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание, 1900—1917. С. 28.

- ²² *М. Пр.* Националистический фрукт (С. Н. Сыромятников (Сигма). *Опыты русской мысли.* СПб., 1901) // *Русская мысль.* 1901. Кн. 12. Рец. на кн.: Сыромятников С. Н. *Опыты русской мысли.* СПб., 1901.
- ²³ Там же. С. 164, 165—166, 169.
- ²⁴ Там же. С. 164.
- ²⁵ См.: *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание, 1900—1917. С. 34.
- ²⁶ *Величко В. Л.* Странные претензии и «Аделаида» г. Сигмы // *Русский вестник.* 1903. № 4. С. 793.
- ²⁷ Там же. С. 779, 789.
- ²⁸ Там же. С. 782.
- ²⁹ Там же. 787.
- ³⁰ Там же. С. 728.
- ³¹ Там же. С. 781.
- ³² *Величко В. Л.* Русские речи. М., 2010.
- ³³ *Сыромятников Б. Д.* «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ». С. 87.
- ³⁴ Там же. С. 88.
- ³⁵ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 317.
- ³⁶ *Минский Н. М.* Еще о свободе совести (ответ г. Сигме) // *Новый путь.* 1903. № 2. С. 249.
- ³⁷ *Сыромятников С. Н. (Сигма).* Опыты русской мысли. Кн. 1. С. 133.
- ³⁸ Там же. С. 187—188.
- ³⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 123.
- ⁴⁰ *Сыромятников С. Н. (Сигма).* Опыты русской мысли. С. 73.
- ⁴¹ Цит. по: *Сыромятников Б. Д.* «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ». С. 107.
- ⁴² Цит. по: *Схиммельпенник ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу : как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 341.
- ⁴³ *Сыромятников С. Н. (Сигма).* Опыты русской мысли. С. 69—70.
- ⁴⁴ Там же. С. 44.
- ⁴⁵ Там же. С. 71.
- ⁴⁶ Цит. по: *Сыромятников Б. Д.* «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ». С. 121.
- ⁴⁷ *Сыромятников С. Н., Юрьевский Б. В.* Землеустроительный смотр (Земельный вопрос в России. Обследование современного состояния хуторских хозяйств). СПб., 1913. С. 16—17.
- ⁴⁸ Цит. по: *Чернавский М. Ю.* Консервативные идеи в воззрениях С. Н. Сыромятникова. С. 149.
- ⁴⁹ Цит. по: *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907—1914. Пермь, 2001. С. 132.

- ⁵⁰ Сыромятников С. Н. (Сигма). Опыты русской мысли. С. 74.
- ⁵¹ Сыромятников С. Н., Юрьевский Б. В. Землеустроительный смотр. С. 21—22.
- ⁵² Там же. С. 31, 34.
- ⁵³ Сыромятников С. Н. (Сигма). Опыты русской мысли. С. 98.
- ⁵⁴ Там же. С. 29.
- ⁵⁵ Скрынченко Д. В. Минувшее и настоящее. Избранная публицистика. Воронеж, 2009. Ч. 1. С. 127, 130.
- ⁵⁶ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С. 267.
- ⁵⁷ Там же. С. 575.
- ⁵⁸ Цит. по: Лукоянов И. В. Русское собрание. С. 168.
- ⁵⁹ Сыромятников С. Н. (Сигма). Из русско-германских отношений // Наши враги : очерки проф. П. И. Ковалевского, С. Н. Сыромятникова (Сигма) и А. М. Михайлова. Пг., 1915. Вып. 1. С. 59—61. (Библиотека «Голоса Руси»).
- ⁶⁰ Сыромятников Б. Д. «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ». С. 101.
- ⁶¹ Там же. С. 90.
- ⁶² Там же. С. 92.
- ⁶³ Там же. С. 93.
- ⁶⁴ Помимо вышеназванных работ, перу Сыромятникова принадлежат следующие труды: Сага об Эйрике Красном. СПб., 1890; Забытые пути. СПб., 1894; Оттуда. Рассказы Сергея Норманского (Сигмы). СПб., 1894; Актея. СПб., 1900; Петербургские негативы. Рассказы. СПб., 1900; Прокказа в Китае. СПб., 1900; Мировое значение Персидского залива и Куэйта. Сообщение чл.-соревнователя Общества ревнителей военных знаний С. Н. Сыромятникова. СПб., 1901; Из жизни современного сердца (и др. рассказы). СПб., 1903; Очерки Персидского залива. СПб., 1907; Древлянский князь и варяжский вопрос. СПб., 1912; и др.
- ⁶⁵ Сыромятников Б. Д. У истоков отечественного кореведения. С. 129.
- ⁶⁶ Сыромятников Б. Д. «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ». С. 94.
- ⁶⁷ Там же. С. 95.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Сыромятников С. Н. (Сигма). Опыты русской мысли. С. 29—30.

Г. В. Варакина

**ЛИЧНОСТЬ А. СКРЯБИНА
В СРЕДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Конец XIX века для России — это время колоссальных перемен: интерес к индивидуальной личности, в противовес личности общественной, к духовной культуре, свободной от «гнета социальности» (Н. Бердяев), позволяет говорить о формировании мировоззрения нового типа. Трагизм нового мировоззрения заключался, прежде всего, в противоречии материального и духовного как отражении конфликтности самого времени. Конец XIX века в России — это период становления новых социально-экономических отношений, основанных на машинном способе производства, что в свою очередь привело к иному соотношению сил в государстве в пользу среднего класса. Для духовной культуры и искусства как ее части это означало усиление демократических тенденций. С точки зрения потребления культурных ценностей на передний план выступают широкие слои населения вместо привычной художественно образованной элиты. Что касается заказчика, это уже не аристократические круги и церковь, а в большинстве своем новый класс предпринимателей, главной мерой ценности которого была практическая польза. Машинизация и демократизация жизни преобразили и сам мир: новые ритмы, образы, идеалы. Все это привело к значительным изменениям в искусстве. С одной стороны, оно обогатилось новыми темами и возможностями, а с другой — попало в зависимость от вкусов не элиты, но массы.

За всем этим вихрем исторических свершений, ускорением ритма жизни, достижениями научно-технического прогресса потускнел образ самого человека. Он стал частью колоссальной

© Варакина Г. В., 2010

Варакина Галина Владиславовна — кандидат культурологии, доцент кафедры дизайна Рязанского заочного института (филиала) Московского государственного университета культуры и искусства. galina_varakina@mail.ru.

машины, именуемой государством. «Страшная социальная болезнь XX века — отчуждение личности — обозначилась именно на рубеже веков. Тотальное одиночество перед лицом жестокого, но и прекрасного мира и поиск путей преодоления этого положения — такова исходная точка отсчета художественного сознания рубежа веков»¹. В то же время художественная жизнь России конца XIX — начала XX века достигла небывалых высот. «Начало века было у нас временем большого умственного и духовного возбуждения, бурных исканий, пробуждения творческих сил»². Виднейшие умы России грезили о будущем. Мечтали о новом человеке — человеке творящем, о новом искусстве — религиозном, о новом знании — цельном, в основу которого была бы положена интуиция, а не рациональное мышление, и, в конце концов, о преобразении всей жизни. Умонастроения интеллектуальной и артистической интеллигенции России Серебряного века характеризовались апокалипсичностью, но с известной долей оптимизма, верой в торжество человеческого разума и духа. Ортодоксальный христианский эсхатологизм проявился в целом ряде оригинальных философских построений, ставивших своей целью объяснение противоречий современности и определение возможных путей по их преодолению на прочной христианской основе.

В русской культуре рубежа XIX—XX веков наметилось глубокое несовпадение утопических по своей сути идей относительно отечественной и всемирной истории и ее итогов с прагматичным взглядом на обыденную жизнь и общественный прогресс, который реализовывался через экономические и социальные реформы. Н. Бердяев говорил о «глубочайшем внутреннем кризисе», в котором находилась культура России рубежа веков. В этом он видел «основную проблему XIX и XX века — проблему отношения творчества (культуры) к жизни (бытию)»³.

Конец XIX века объявил непримиримую войну тенденциозному искусству, выдвинув новый лозунг — «искусство для искусства». «Великая сила искусства заключается именно в том, что оно самоцельно, самополезно и главное — свободно»⁴. К началу XX века эта тенденция получила мощную философскую поддержку в лице представителей религиозно-философского ренессанса. И хотя «это было все-таки движение культурной элиты, оторванной не только от процессов, происходивших в народной

массе, но и от процессов, происходивших в широких кругах интеллигенции»⁵, вопросы, поставленные «философами-революционерами», носили настолько глобальный характер, что остаются актуальными и поныне.

Отправной точкой новой философии и эстетики стало утверждение свободы духовного от социального. Таким образом, был опрокинут главный постулат XIX века о гражданском долге искусства в пользу свободы личности. «То было освобождением человеческой души от гнета социальности, освобождением творческих сил от гнета утилитарности»⁶. Конец XIX века наметил освобождение эстетического от этического, противопоставив тенденциозному искусству XIX века искусство свободное, или «чистое». Русский ренессанс абсолютизировал прекрасное, воспринимая красоту как космическую универсалию, как своего рода «преобразователь» мира физического в мир духовный (божественный). Эта мысль была высказана еще Вл. Соловьевым, который рассматривал Красоту как одно из сущностных начал Бога, наравне с Благом (Добром) и Истиной⁷. Позже П. Флоренский в своем «Вступительном слове перед защитой на степень магистратуры книги “О Духовной Истине” 19 мая 1914 года» скажет: «Красота есть Красота и понимается как Жизнь, как Творчество, как Реальность»⁸. Таким образом, красота была осмыслена как путеводная звезда человечества. И путь этот пролегал в сфере творчества. Поэтому не удивительно, что между творчеством человека и Творческим Актом Бога устанавливалась определенная связь и даже общность. Творчество из чистого художества вырастало в священнодействие, в творение. А искусство в конечном итоге должно было перерасти в теургию. «Очень быстро художественно-эстетический ренессанс приобрел у нас окраску мистическую и религиозную. Хотели выйти за пределы искусства и литературы. И это было характерно русское явление»⁹. Налицо сближение искусства и религии, наблюдаемое, прежде всего, в конечной цели — спасении человечества, то есть в приближении к Богу¹⁰.

Вопрос о религиозности искусства и творчества в целом стал одним из главных вопросов художественной и интеллектуальной интеллигенции России на рубеже веков. «Искусство будет религиозным, ибо только одна религия способна сообщить художественному творчеству то молитвенное вдохновение, которое

здесь требуется»¹¹. «Искусство не имеет никакой цели, есть цель само в себе, оно абсолюто, ибо является ограничением абсолюта — души <...> Искусство, понятое таким образом, становится высочайшей религией, а жрецом ее — художник <...> Он является космической, метафизической силой, через которую проявляются абсолюто и вечность»¹². «Новые артисты будут поистине пророками и жрецами — вещателями внушений Мировой Души. Языком призраков, сновидений, красок и звуков станут они вещать там, где бессильно умолкнет позитивное научное знание <...> Вот почему тогда искусство станет действительно священнослужением и творчество — экстатической молитвой»¹³.

Концепция «теургического искусства» сложилась в рамках русского поэтического символизма, опиравшегося, в свою очередь, на утопические идеи Н. Гоголя, Ф. Достоевского, а также на философию Вл. Соловьева. Сама же идея «пересоздания мира» относится к III—V вв. н. э., временам существования герметических и оккультных течений. Эту проблематику также развивал Н. Бердяев, который считал, что «теургическое творчество в строгом смысле слова будет уже выходом за границы искусства как сферы культуры, как одной из культурных ценностей, будет уже катастрофическим переходом к творчеству самого бытия, самой жизни»¹⁴. Русская культура имела и практический опыт в попытке преобразования искусства в теургию, но, увы, опыт незаконченный. Несомненно, речь идет о замысле Мистерии А. Скрябина. Именно форма античной мистерии, воспетая Ф. Ницше и подхваченная русскими символистами — А. Белым и Вяч. Ивановым, как нельзя лучше подходила для этой цели. «Мистерия <...> наиболее подходящая форма для теургического искусства, поскольку личность зрителя соучаствует здесь в хорошем ритуале, как компонент “соборного” действия, на которое он проецируется»¹⁵.

Поворот к мистерии в сознании и творчестве А. Скрябина наметился уже в 1904—1905 годах. В письмах к Т. Ф. Шлецер композитор упоминает о «новом стиле» и новых идеях, ради материализации которых он и продолжал творить. Скрябина уже не привлекает создание традиционных музыкальных произведений; он не хочет быть только композитором и создавать музыку ради музыки. Он жаждет «стать богом, играющим и свободно создаю-

щим»¹⁶. В 1905 году в переписке с Т. Ф. Шлецер проскальзывает мысль о той идее, которая в очень скорое время завладеет Скрябиным безраздельно — идее Мистерии. Пока вопрос ставится о подготовке к этому окончательному акту творчества: «Для того громадного здания, которое я хочу воздвигнуть, нужна совершенная гармония частей и прочный фундамент»¹⁷.

Эти поиски композитора не остались незамеченными. По возвращении в 1909 году из очередной поездки по Европе, Скрябин дал в Москве концерт, который, по мнению Энгеля, «так встряхнул московскую музыкальную публику, как уже давно никто ее не встряхивал»¹⁸. И дело не только и не столько в ритмах, гармониях и мелодизме, совершенно новых и необычных. Через все это великолепие просвечивало какое-то небывалое содержание: «Было для всех ясно <...> что перед ним раскрываются какие-то неведомые дали, новые миры, где до него еще никто не бывал»¹⁹.

К этому времени Скрябин уже находился целиком и полностью во власти идеи о пересоздании мира посредством своего искусства, он грезил о создании Мистерии. Но его философские взгляды, изложенные большей своей частью в пояснениях к поздним сочинениям, не находили такого же отклика, как и его музыка. Тем не менее, к началу 10-х годов XX века имя Скрябина занимает господствующее положение на музыкальной арене России. Апофеозом творчеству Скрябина стала статья 1911 года «Скрябинский концерт», в которой ее автор — Ю. Д. Энгель попытался, не без участия Л. Сабанеева, выявить внутреннюю драматургию симфонического искусства композитора в соответствии с его идеей искусства как мистического действия, целью которого является достижение экстаза, прозрения «на высших планах природы». Энгель приходит к выводу, что симфоническое искусство Скрябина есть воплощение этой идеи. «Первая его симфония — гимн искусству как религии; Третья симфония — освобождение духа от оков, самоутверждение личности; “Поэма экстаза” — радость свободного действия, творческий экстаз»²⁰.

Еще не был закончен «Прометей», но конечная цель была уже заявлена — Мистерия. Об этом также говорит Энгель. Он приводит фрагмент статьи Сабанеева о «Прометее», в котором намечается круг искусств, должных присутствовать для исполнения Мистерии. Таким образом, мистерия Скрябина — это произведе-

ние синтетического искусства. Но, в отличие от Вагнера, Скрябин желал включить гораздо более широкий спектр таковых при господствующем положении тех, «которые способны выражать волю непосредственно: музыка, слово, пластика»²¹. Наряду с традиционными видами искусства, Скрябин предполагал использовать «все средства возбуждения, все “ласки ощущений” от музыки до танца и от игры света до симфонии ароматов включительно»²².

Десятые годы XX века — это поворот Скрябина от упоения своей творческой свободой, от сознания своей силы и художественной исключительности, к обретению Истины Всеединства. Это было не только откровение Скрябина, но и идейная эволюция художественного мира России в целом. Примером может служить идейный раскол в рядах символистов, относящийся к 1908—1909 годам. Именно тогда была опубликована работа Вяч. Иванова «Две стихии в современном символизме» (Золотое руно. 1908. № 3/4, 5), в которой обрисовывается сложная картина разнонаправленных поисков в рамках символизма. Годом позже, в «Золотом руно» (1909. № 1) публикуется еще более откровенное заявление С. Городецкого, который в своей статье «Идолотворчество» развенчивает центральных лиц символизма — А. Белого и А. Блока — как лжесимволистов идеалистического толка. Именно в это время наиболее актуальными становятся идеи всеединства и всеискусства; творчество же из индивидуального видения перерастает в мифопоэтическое.

Этот глобальный перелом в эстетике, второй по счету за столь короткое для подобных процессов время, не мог восприниматься современниками однозначно. Даже наиболее передовые из них с большим трудом и сомнениями относились к этим переменам. Так было и в случае со Скрябиным. В статье Г. Энгеля «Концерт А. Н. Скрябина» (1913) мы видим, что автор раздираем внутренними противоречиями: он не может найти естественного объяснения тем новациям, которые предлагает Скрябин своим зрителям: «Прошлое Скрябина обязывает отнестись к нему с уважением, с любовью, склоняет к вере в его гений. Сказать, что этот гений теперь обезумел, — как делают некоторые, — легко, но <...> слишком дешево, смешно»²³.

Его мечта о Мистерии как слиянии всех искусств и прочих эффектов, музыкантов и публики, творца и творения — также

вызывала много сомнений и служила поводом для обвинения Скрябина наиболее консервативными критиками в сумасшествии. Но даже в случае позитивного отношения к исканиям и устремлениям композитора в области мистериального искусства, критика не разделяла его оптимизма. Уже после смерти Скрябина Энгель писал о так и неосуществленном замысле Мистерии: «Может быть, целиком она не осуществилась бы еще много лет, — слишком уж далеко все это от реальных условий нашего брэнного бытия»²⁴.

Творчество Скрябина развивалось параллельно с двумя художественными явлениями: «Миром искусства», проявившимся преимущественно на почве изобразительного искусства, и символизмом, существовавшим, главным образом, в рамках литературной школы. У этих трех явлений — «Мир искусства», символизм и А. Скрябин — есть «общий знаменатель»: противостояние старому искусству, старой эстетике. Три эти самобытные явления сближает само рубежное время, и не только как фактор временной, но и как ощущение конца эпохи и необходимости противопоставить уходящему новое, еще не бывшее, то, что составит содержание будущей эпохи. С этим связано совершенно особое, по выражению Н. Бердяева, «катастрофическое мироощущение».

И «Мир искусства», и символизм, и Скрябин — все ощущали этот конец, воспринимая его как катастрофу всего человечества, и страстно искали выхода из нее. Спасение им виделось исключительно в творчестве, так как только искусство способно воздействовать на душу и, следовательно, только оно в силах преобразить человека, тем самым, спасти его и катастрофический мир. «Мирискусники» мыслили это спасение через привнесение красоты в реальный мир человека и через облагораживание его силой искусства. Символисты видели в самом творческом акте тот механизм пересоздания, что призван будет изменить «лицо» мира. И здесь Скрябин выступает на позициях символизма, мысль свою мистирию, как и символисты, эсхатологически. Эстетизма мирискусников ему было мало; «для него сущность искусства не в красоте, а в полноте и силе выражения»²⁵.

Художественная культура рубежа XIX—XX веков предложила разные формы нового искусства, разные варианты синтеза «на музыкальных основах». Так, мирискусники разработали новый

тип балетного искусства, в котором наряду с музыкой и живописью господствовал танец; символисты грезил о новом драматическом искусстве, о синтезе, в первую очередь, музыки и слова — о Мистерии. И опять налицо тяготение Скрябина к мистериальному искусству символистов, к синтезу музыки и слова, заложенному уже в его универсальном даровании — композитора и поэта.

Несмотря на открытое противостояние старому искусству и его эстетике, это время — рубеж XIX—XX веков — связано с неизменными «возрождениями». Дело не только и не столько в ретроспективах, но в усвоении опыта предшествующих эпох, в его обобщении и творческом преломлении в новом искусстве. «Мир искусства» открыл русскому художественному миру увлекательные страницы отечественного народного творчества, искусства XVIII и начала XIX веков, многое из незнакомого русскому зрителю западного искусства. Результаты не заставили себя долго ждать. Уже в начале XX века появились направления, развивавшие основные тенденции «Мира искусства»: это, прежде всего, неоклассицизм и авангард.

Символизм воспевал Античность и Восток, а через этот опыт переосмысливал европейское средневековье, ища в этих культурах глубины, значимости и религиозной цельности человека и мира. Наряду с идеей преодоления школы в искусстве, в том числе и национальной, и создания космического всеединства, символизм привнес в искусство тенденцию, которая станет особенно актуальной в XX веке — философичность, созерцательность и психологизм искусства.

Таким образом, мы выявили общность творческих исканий «Мира искусства», символизма и А. Скрябина — религия нового человека, культ красоты и безусловная вера в Царство Духа. Эта общность позволяет говорить о существовании единого импульса, руководившего художественными процессами и являвшегося идейным стержнем всей духовной жизни России этого периода. Каждое из вышеназванных явлений развивалось в своем направлении и имело свои конечные задачи. «Мир искусства» главным жизненным критерием считал красоту; поэтому конечная цель мирискусников — новый человек и новый мир, духовность которого делает его прекрасным, божественным. Путь к этому одухотворенному человеку и миру — через искусство, служащее толь-

ко одной цели — красоте. Символизм трактовал ту же идею облагораживания человека средствами искусства мистически. Символизм не хотел привнесенной, то есть искусственной красоты; он жаждал красоты, выявленной в мире видимом и осознанной как Божественный Закон. На основе этого знания символисты жаждали преображения, то есть пересоздания души человека, а вместе с ней и всего мира. Средство достижения поставленной цели — теургия, животворящее искусство.

Скрябин поставил еще большую задачу; он хотел не только пересоздания мира, но мечтал (и считал свою мечту реально осуществимой) о рождении нового мира и нового человека в нем. То, о чем грезили символисты, называя свою мечту теургией, Скрябин поставил целью своего творчества. Символисты разрабатывали, преимущественно, концепцию будущего искусства как перехода к свободной теургии, о которой они лишь мечтали, сознавая отдаленность осуществления этой мечты. Скрябин же хотел это отдаленное сделать реальным, причем самостоятельно, силой только своего творческого гения, ощущая в себе к этому Великое Призвание. Он говорил о том, что можно ускорить процесс смены эпох или, как у Скрябина, человеческих рас. Так родился замысел Мистерии, которая должна была стать итогом предыдущей истории жизни на земле. «И этот мир кончится, когда зазвучат звуки последней мистерии»²⁶, но жизнь не прекратится, она станет иной — царство материи превратится в царство духа.

Исходным пунктом теории символизма и философской концепции Скрябина является утверждение Духа как основы, сущностного начала мира, Вселенной. У Скрябина оно обретает форму Сознания, которое «ничего не переживает; но есть сама жизнь, оно ничего не мыслит, оно сама мысль, оно ничего не делает, оно сама деятельность»²⁷. Таким образом, сознание выступает в роли источника жизни, а следовательно, и движения; только сознание беспричинно и безотносительно, оно — единственная актуальная реальность; все остальное — это состояния этого сознания, плод его воления. «Вселенная тождественна его (сознания. — Г. В.) хотению — она его создание»²⁸.

В рамках символизма фигурирует более традиционное понятие Божественного, что в данном случае не принципиально. Символисты во главу угла ставят личные переживания, то есть состоя-

ния психики, которые есть собственно реальность. И именно в творческом состоянии возможно своего рода «подключение» к Божественному, интуитивное прозрение Его Высшего Закона.

Здесь же кроется загадка удивительного симбиоза крайнего субъективизма и всеобъемлющего всеединства. Символизм предлагает в качестве решения этой проблемы — трансцендентное Божество, которое является всеобщим законом, с одной стороны, подразумевающим максимальное самораскрытие личности, а с другой — безусловное подчинение ее закону всеединства. Эта мысль имеет различное звучание в рамках символизма. Выше мы рассматривали концепции А. Белого и Вяч. Иванова, кажущееся различие которых имеет одно исходное утверждение о трансцендентности Божественного миру и человеку. Слияние, а точнее — прикосновение человеческого мира к миру Божественному возможно в процессе творческого акта. Именно в творчестве индивидуальность раскрывается наиболее полно, что позволяло, в частности, Белому видеть «в художнике законодателя жизни»²⁹. Но, в то же время, творческая сила была дарована человеку Божественным Началом для своей самореализации (Вл. Соловьев). У Иванова это подчинение художника Божественному закону всеединства служит условием истинного животворящего творчества; «он должен перестать творить вне связи с божественным всеединством, должен воспитать себя до возможностей творческой реализации этой связи»³⁰.

У Скрябина нет разорванности миров: Бог — универсальное сознание — имманентен миру, который есть его творение. Сознание мыслится Скрябиным как «высший принцип». Человек, являясь носителем универсального сознания, приравнивается, тем самым, к Богу. Поэтому утверждение Скрябина — «я — Бог, я — космос, я — вселенная» — никак не может быть свидетельством его безумия, но лишь следует из его философской позиции. В его мысли крайний субъективизм — безотносительная свобода личности, которая есть все, — соединяется с идеей всеединства — общность отдельных личностей, которая раскрывается в общности их сознания. Нет множественности индивидуальных сознаний; «существует одно сознание, индивидуальное же сознание есть его кличка по тому содержанию, которое оно в данный момент и в данном месте переживает»³¹.

Проявление индивидуального начала Скрябин связывает с познанием мира отдельной личностью, с той гаммой переживаний, которая возникает в душе человека. Это познание, или различение мира, Скрябин рассматривает как его создание: «Я создаю пространство и время тем, что я различаю»³². Это не значит, что непознанный мир не существует физически. Он не существует только в сознании данного человека, именно для него он мертв. Такое представление о мире как о сумме ощущений характерно как для Скрябина, так и для символистов (особенно для А. Белого).

С точки зрения субъективности, Скрябин пропагандирует абсолютную свободу личности (имеется в виду творческая, созидательная свобода) как необходимое условие самореализации универсального сознания. Итог развития индивидуальности он видит в «росте человеческого сознания до всеобъемлющего божественного сознания»³³, то есть в преодолении индивидуации, во всеобщем слиянии (экстазе). Иными словами, в представлении Скрябина, мир есть результат творческой воли Духа-сознания, а история этого мира — есть «эволюция Бога», распавшегося на множество, каждая часть которого стремится в своем совершенстве стать снова Богом.

С одной стороны, Скрябин утверждает: «1) мир, как мое сознание, как мой творческий акт, 2) мое хотение жить, 3) мое хотение полного расцвета индивидуального»³⁴. Но в то же время он говорит: «Быть для меня есть, с одной стороны, мое переживание, а с другой, внешний этому переживанию мир»³⁵. И этот внешний мир необходим для реализации универсального сознания, в качестве исходного материала. Отношение индивидуальности к внешнему миру рождает чувство. В свою очередь, этот чувственный порыв «нарушает божественную гармонию и этим создает материал, на котором будет потом запечатлена божественная мысль»³⁶.

В представлении символистов, божественное и материальное есть константы; в подвижном состоянии находится только человек, который должен «вырасти или в Бога или в зверя» (Е. Трубецкой). Именно человек — творец истории, конечным результатом которой должно стать слияние материального и духовного. Эта мистерия вселенной представлялась символистам как высшее творчество человека, как свободная теургия, санкционированная Божественным Началом. По Иванову, «теургиче-

ский “переход” <...> искусства <...> определяется как непосредственная помощь духа потенциально живой природе, для достижения ею актуального бытия»³⁷.

Разговор о творчестве, в связи с феноменом Скрябина, невозможен только в системе координат эстетики, так как в его философском видении оно приобретает метафизическое звучание. Творчество, по утверждению Скрябина, — это качественная сторона сознания, это способ его самореализации. «Все, весь чувственный мир есть творческий акт»³⁸. С точки зрения мира, творчество — это условие его существования, его Закон, первостихия. Скрябин проводит аналогию между творчеством и самой жизнью, часто говоря об одном, а подразумевая другое. Для него эти понятия — творчество и жизнь — тождественны: «О жизнь, о творческий порыв, всесоздающее хотенье»³⁹. В этом отношении идея творчества как Божественной игры, в представлении Скрябина, близка идее дионисовой стихии мира, которую взяли на вооружение символисты. И в том и в другом случае Дух творчества мыслится как Закон мира, как первостихия.

Вяч. Иванов говорит о творчестве как о первоначале мира: «Вселенская жизнь в целом и жизнь природы, несомненно, дионисийны»⁴⁰. Но относительно человека Иванов делает поправку, так как человек находится во власти двух стихий: дионисовой (экстатическое переживание всеединства) и аполлонической (стремление к оформленности, сохранению индивидуации). Чувствование первого доводит человека до состояния «блаженного до муки переполнения <...> чудесного могущества и преизбытка силы»⁴¹, что создает эмоционально-чувственный порыв. У Иванова, вслед за Ницше, он получает наименование состояния «опьянения», то есть сознание своей силы, мощи как части Большого. Но это не само творчество, это предтворческое состояние, только его условие.

И здесь мы видим явное расхождение позиций Иванова и Скрябина. Для последнего творчество есть все: «переживание», «недовольство переживанием», «жажда новых переживаний», «стремление к достижению цели», «достижение идеала и новое переживание»⁴². У Иванова творчество — способ самозащиты человека от рока, от разрушительной для индивидуации силы первостихии; но не самореализация божественного, как это понимает Скрябин.

Именно служение Аполлону создает творчество; оно есть культ этого лучезарного бога. «Дионисийский экстаз разрешается в аполлинийское видение. Восторг и одержание, испытываемые художником, сокрушили бы свой сосуд, если бы не находили исхода в творчестве»⁴³. Таким образом, у Иванова творчество выступает в двойце: как энергия Духа творчества в образе античного бога Диониса и как искусство оформления, творческий процесс, Аполлоново видение. Первое — метафизично, оно — от Бога; второе — человечно, оно — его порождение.

У Скрябина Бог и человек совпадают в своем значении: первое подразумевает многое; второе, как часть этого множества, выступает частным случаем Единого. Поэтому он мыслит чувственный порыв (проявление дионисовой стихии) не как предтворчество человека (Иванов), но как материал Божественного творческого акта. «Порыв нарушает божественную гармонию и этим создает материал, на котором будет потом запечатлена божественная мысль»⁴⁴. Само чувство получает, в трактовке Скрябина, значение «равнодействующей <...> индивидуальности к внешнему миру»⁴⁵. Из чего можно сделать вывод, что творчество есть синтез божественного Всеединства, его множественных проявлений (индивидуаций) и внешнего мира, и представляет собой «нисхождение» Духа к материи: «Материал, из которого построен мир, есть творческая мысль, творческое воображение»⁴⁶.

Выводом из этого наблюдения может служить антиномия утверждения Иванова реальности мира и привнесения в этот мир искусства «человеческого, слишком человеческого»; и противоположного мнения Скрябина о том, что «мир — мое творчество, которое есть только мир»⁴⁷. То есть, Иванов мыслит творчество эстетически, тогда как Скрябин — онтологически.

Здесь опять же намечается связь с богом страдающим, умирающим и воскрешающим — Дионисом. Об этой связи Скрябина с языческим мироощущением говорит А. Ф. Лосев в своей работе «Мировоззрение Скрябина»⁴⁸. Именно язычество, по его мнению, объясняет и соединяет многое из того, о чем говорит Скрябин. Прежде всего, к языческой традиции Лосев относит скрябинское «растворение личности в Бытии»⁴⁹. В этой связи он проводит параллель все с тем же культом Диониса. «Только языческая религия идет в сравнение со скрябинским экстазом, и только на почве

таких явлений язычества, как трагический дионисизм, становится понятным это слияние с вожденной стихией Божества, какое мы видим в Скрыбине»⁵⁰.

Проявлением языческого мироощущения Лосев считает и скрыбинское «эротически-исступленное вождение к Безумию и алогической Бездне»⁵¹. И в этом, по мнению философа, ему равных нет: «Это безумие крови и пола, исступление и экстаз в единении с божественной плотью мира я не находил нигде в европейской философии, искусстве и религии»⁵². Традиция эта восходит опять-таки к культу Диониса, приближаясь к оргийным вакханалиям в его честь, разнузданное веселье и безумная скорбь которых сливались в едином сладостном порыве.

Творчество, в понимании Скрыбина, получает эротическую окраску, обнаруживая, тем самым, языческие корни его мировоззрения. Этот эротизм имеет не биологическое, но культовое значение — как проявление природной, то есть божественной первостихии в образе античного бога Диониса. Дух творчества трактуется Скрыбиным собственно как первостихия, как Божественная игра. Цель этой игры-творчества — воплотиться во множестве и затем, пройдя путь духовного становления, слиться воедино, дабы все повторилось вновь, но, в отличие от язычества, в новом качестве.

На эту языческую канву накладывается не языческая стихия мистического историзма, заимствованная Скрыбиным у христианства. Как пишет Лосев, «Скрыбин — причудливая смесь языческого космизма с христианским историзмом»⁵³. Для него невозможно «вечное повторение; круговому движению он противопоставляет движение по спирали; а статичной гармонии космоса — становящийся мир, который «неповторим и имеет свою единственно возможную историю»⁵⁴. Историю Вселенной Скрыбин воспринимает как Мистерию, конечная цель которой — преобразование человека в Духе и создание нового мира.

В этой точке — религиозная сущность творчества, нацеленного на преображение личности, — концепция Скрыбина вновь пересекается с символистской. В частности, нечто подобное мы встречаем у А. Белого. Он также утверждает «последней целью искусства — пересоздание жизни»⁵⁵, а Мистерию рассматривает как совершенное произведение искусства, которое уже не будет искусством в его современном понимании, но превратится

в свободную теургию. Мистерия явится объединением творческих возможностей человечества, синтезом всех форм искусства в утверждении Истины Всеединства, Единого Закона — Закона Духовной Всеобщности. Говоря словами Белого, «искусство утверждается здесь как средство борьбы за освобождение человечества»⁵⁶. Под этими словами мог бы подписаться и Скрябин.

Подобного рода эсхатологизм мы находим и у Вл. Соловьева, который конечной точкой развития искусства считал пресуществление действительности и достижение человеком более высокого духовного уровня. «Совершенное воплощение этой духовной полноты в нашей действительности, осуществление в ней абсолютной красоты или создание вселенского духовного организма есть высшая задача искусства. Ясно, что исполнение этой задачи должно совпадать с концом всего мирового процесса»⁵⁷.

Затрагивая вопрос об эстетике Скрябина, мы всегда говорим о чем-то большем. И это не случайно, так как саму жизнь Скрябин понимал как акт творчества, как эстетический феномен. Иванов в посвященной Скрябину монографии писал об этом следующее: «Мироздание было в его глазах “эстетическим феноменом”»⁵⁸. Таким образом, религиозность творчества — это родовое понятие, иным оно и быть не может в силу своей природы. Любой творческий порыв божественно санкционирован; все дело в способности отдельной личности осознать в себе не только индивидуальное, но и всеобщее. Вполне логично, что Скрябин подразумевал наличие круга избранных, или посвященных. Именно художественный гений должен возглавить человечество и повести его за собой. «Гений вполне вмещает все переживания чувств отдельных людей, и потому он как бы вмещает сознания всех современных ему людей»⁵⁹.

В связи с ощущением своей Миссии Скрябин осуществил уникальный, революционный прорыв не только в концептуальном смысле, но и с точки зрения практического искусства. Он открыл искусству XX столетия новые горизонты в трактовке ладо-тональных отношений, вдохнул новую жизнь в такие понятия, как пространство и время, форма и содержание в музыке и искусстве, переосмыслил категории консонанса и диссонанса, мелодии и гармонии. Все эти компоненты музыкального целого символизировали те результаты философских поисков, к которым пришел

Скрябин. Его теория шла об руку с практикой; «аспект чисто музыкальный и аспект идеологический у него тесно спаялись друг с другом»⁶⁰. Своим искусством Скрябин практически воплотил то, о чем говорили многие, начиная с Шопенгауэра и Ницше и заканчивая современниками.

Революционность творческих исканий Скрябина не ограничивается открытиями в области средств музыкальной выразительности, что считалось общепризнанным фактом уже при жизни композитора. Он открыл «сферу нового звукосозерцания»⁶¹, создал не бывшее еще «звуковое тело». Более того, он вдохнул в это «тело» новую жизнь; он раскрыл для себя и запечатлел в музыке «какие-то неведомые дали, новые миры, где до него еще никто не бывал»⁶². Тем самым, Скрябин не только продемонстрировал широкий спектр новых возможностей музыки, но и переосмыслил ее, выведя из тесных рамок только формы искусства на уровень сущностного начала бытия. Этим Скрябин воплотил чаяния символистов о тотальной музыкальности, как в эстетической сфере, так и в метафизической. Для Скрябина музыка — это универсальный язык, выражающий мировой закон. Б. Ф. Шлецер в своей монографии, посвященной Скрябину, приводит следующие слова композитора о такого рода универсализме: «Существа, живущие в астрале, точно так же испытывают власть музыки, как и человек, так же послушны ее чарам и заклинаниям»⁶³.

При рассмотрении категории творчества мы определили его как качественную сторону Духа-сознания, как способ Его самореализации. Музыка имеет принципиально бытийную принадлежность, выступая в роли первостихии, первоначала Бытия. Но в то же время, музыка существует в физическом мире, то есть в мире не-бытия. Отсюда — парадокс музыки. С одной стороны, музыка понимается композитором как основа Бытия, которое, в свою очередь, есть Мировой Дух, или Большое Я, или Бессознательное. С другой стороны, она, будучи нематериальным объектом, имеет физическую природу, подчиняясь законам акустики, то есть принадлежит материальному миру, который есть не-бытие, не-Я. Обладая, таким образом, двойственной природой и обращаясь к сознанию человека, музыка объемлет собой все мироздание. Поэтому совершенно закономерны слова Вяч. Иванова относительно того значения, которым Скрябин наделил музыку:

«Музыка для него, как для мифического Орфея, была первоначалом, движущим и строящим мир. Она должна была расцветать словом и вызывать образы всяческой и всей красоты. Она должна была вовлекать в свой чаровательный круг природу и новым со звуцием вливаться в гармонию сфер»⁶⁴.

В приведенном фрагменте Иванов не только характеризует музыку как явление, но и обосновывает творческие поиски Скрябина на пути создания его Мистерии. Основа мистерии — безусловное господство музыкального начала в мире, как символ ее универсальности, первопричинности. Следующий шаг на пути к созданию Мистерии — синтез искусств на музыкальной основе. Из всего многообразия искусств Скрябин выделяет особо искусство слова, трактуя его как эквивалент музыкальной мысли. Оно способно переводить музыкальный язык из чувственной системы координат в сознающую.

Общим в позициях Скрябина и символистов была, прежде всего, теоретическая установка на музыкальность мира и искусства. Но символисты более узко поняли это господствующее положение музыки относительно, например, поэзии, что нашло воплощение в новых выразительных возможностях стихосложения и в открытии новых поэтических форм. Идея синтеза искусств была актуальной среди символистов не только в вопросах обогащения отдельных видов искусства средствами и возможностями других. Они мечтали о синтетическом произведении искусства будущего и в этом выступали продолжателями традиции Р. Вагнера, утверждавшего первейшую важность драматического действия и подчинение ему всех искусств как только лишь средств раскрытия драматической коллизии. Но о природе будущего органического сплавления искусств речь еще не шла; да и само подчинение носило внешний характер наряду с драматическим действием, изменяемым по желанию композитора.

Скрябин был первым, кто обозначил метафизическую глубину феномена синтеза в сфере искусства. По Иванову, музыка Скрябина должна была «вызывать образы всяческой и всей красоты», то есть воплотить ту Реальность, о которой мечтал еще Вл. Соловьёв, называя ее «духовной полнотой». Для этой цели одного искусства, хотя и множественного, недостаточно; музыка «должна была вовлекать в свой чаровательный круг природу»,

создавая, по прихоти художника, ландшафты, симфонии ароматов, световые сияния и фейерверки в сопровождении курений фимиамов и ласковых прикосновений.

Поскольку ощущение — это «состояние сознания», то комплекс всех возможных ощущений — это соединение всех возможных состояний сознания, то есть возможность ощутить в себе присутствие всего, универсального сознания. Это переживание Единого и есть экстаз, разрушающий индивидуальное и освобождающий Дух-сознание. У символистов эта стадия связывалась с преобразованием личности человека, у Скрябина — с ее разрушением. «Как только сознание созерцает мир безотносительно к тому, что делает это сознание его личным, оно и перестает быть личным. Оно становится тем высшим принципом, который связывает отдельные факты опыта в единый мир»⁶⁵.

Но это преобразование мира имеет и другой смысл, кроме экстатического переживания единства и следующего за ним беспмятства. В приведенном нами фрагменте Иванов замыкает свою мысль следующими словами: «И новым созвучием вливаться в гармонию сфер». Тем самым существование получает свое оправдание не только как эстетический феномен и воспринимается не как бессмысленная игра Духа с самим собой, но как Божественная эволюция, самоутверждающаяся Истина. Этот пример, в высшей степени, творческого преобразования имеет и свое «земное» воплощение. И здесь мы вновь наблюдаем общность позиций символизма и Скрябина относительно преобразующей силы искусства.

Иванов писал о произведении искусства, что «оно — не косное изделие и не мертворожденное чадо свободы, но вложенную в него жизнь ее множит в себе и, приумножив, излучает в мир действенную силой»⁶⁶. Скрябин значительно развил эту мысль, видя в искусстве, и прежде всего в музыке, путь проникновения или, точнее, воздействия на «тонкий мир». В его философских набросках фигурирует понятие «кристалл гармонии», тождественное высшему принципу, познав который можно сознательно управлять событиями, протекающими в пространстве и во времени. Скрябин предполагал таким образом приблизить время «божественного синтеза», преодолев временное пространство двух рас за мгновение.

«Кристалл гармонии» должен был стать принципиальной основой музыкального начала последней Мистерии, ее музыкальным языком. Сама же Мистерия представлялась Скрябину творением без персонифицированного творца. Она «не должна была быть ни его личным созданием, ни даже произведением искусства, но внутренним событием в душе мира, запечатлевающим свершившуюся полноту времен и решение нового человека»⁶⁷. Но в то же время, это «внутреннее событие в душе мира» не находится в связи с состоянием этого мира. Оно возможно лишь при наличии готовности отдельной творческой личности: «Только на ступени совершенного слияния с высшими сущностями, только по конечном угашении отдельного от них человеческого Я»⁶⁸.

При кажущейся противоречивости двух этих утверждений, антиномии все же нет, если принять во внимание, что Скрябин считал возможным существование «высшей индивидуальности», творческий гений которой «вмещает сознания всех современных ему людей»⁶⁹. Кроме того, он считал этот творческий гений (подразумевая под высшей индивидуальностью себя) не творцом Мистерии, но исходным импульсом, побуждающим людей к творческой деятельности. Этот процесс взаимного «заражения» творчеством должен походить на цепную реакцию, источником которой является душевный подвиг творческого гения, высшей индивидуальности, свершившей мистирию в своей жизни. В этом отношении чрезвычайно интригующи исследования А. Бандуры, усмотревшего именно в этом факте — мистерии жизни — причину смерти А. Скрябина⁷⁰.

Итак, затрагивая проблему «Скрябин и символизм», мы не вправе отождествлять эти два совершенно самостоятельных художественных явления. Символизм — только часть Скрябина; сам он остается закрытой книгой и поныне в силу различных обстоятельств. Его музыкально-поэтическая философия не укладывается в рамки какой-либо школы и не представляет собой целостной стройной системы; философичная же музыка, к величайшему нашему сожалению, не получила своего окончательного «аккорда» в связи с внезапной смертью композитора.

Цель творчества Скрябин видел в достижении экстаза, то есть в слиянии Единого и Единичного, что на уровне частного человека можно назвать пересозданием личности. Но если у сим-

волистов преобразование — это конечная цель духовной эволюции человека, то Скрябин рассматривает изменение личности как следствие изменений на уровне Единого сознания. Тем самым, он расширяет логическую цепочку, предложенную символистами: трансформация человека — трансформация мира, вводя еще одну «переменную величину» — сознание. Получается следующий ряд: обогащенное сознание — трансформация личности в силу изменений на уровне вновь приобретенного опыта — трансформация мира, который есть воплощение творческой фантазии новой личности, освященной и обогащенной Божественной мыслью. Высшей целью Скрябин считал даже не идею свершения, обретения или исполнения Божественной воли, но Его эволюцию, саморазвитие системы. И в этом процессе Божественной игры человеку отводилось чрезвычайно важное место двигателя прогресса: через человека Единое познает самого себя и тем творит свое «тело».

Еще больше расхождений обнаруживается при сопоставлении позиций Скрябина и символистов по вопросам теории будущего искусства. Можно выделить несколько наиболее важных проблем, общих для обеих сторон: музыка как универсальный язык; синтез искусств как основа искусства будущего; мистерия как форма будущего искусства. Вышеперечисленные проблемы являются принципиальной основой концепции будущего искусства, как с точки зрения Скрябина, так и символистов. Но понимание этих проблем сторонами не совпадает: то, что у символистов является целью, Скрябин рассматривает только как условие. Особенно очевидно это на примере синтеза искусств и мистерии. В обоих случаях Скрябин идет дальше символистов, выявляя глубинную природу синтеза и рассматривая его в качестве условия Мистерии, которая, в свою очередь, есть не совершенное произведение искусства, не животворящее искусство, не всеискусство. Мистерия вообще не искусство, но закономерное свершение, воссоединение, новый творческий импульс. Именно в этом заключается эсхатологизм творческой позиции Скрябина — в его страстном желании конца, который, одновременно, есть и начало. «Всегда иное, всегда новое, всегда вперед»⁷¹.

Скрябин — это событие в художественной культуре России. Русская музыкальная культура еще не достигала таких высот, и в

прямом смысле — космическом, и в переносном — как событие европейского уровня, во многом опередившее этот самый «уровень». Его искусство послужило мощным импульсом для последующих творческих поисков. И в этом нашло свое воплощение страстное желание Скрябина: «Я хочу не осуществления чего бы то ни было, а бесконечного подъема творческой деятельности, который будет вызван моим искусством»⁷². Говоря, что своим искусством он хотел бы добиться «бесконечного подъема творческой деятельности», Скрябин выступал как истинный символист. Достаточно вспомнить высказывание А. Белого: «Назначение искусства в возбуждении к творческой деятельности»⁷³. В то же время, сводить все искусство Скрябина только к символизму было бы неверным. В творчестве Скрябина и его мировоззрении нашли свое преломление практически все духовные устремления художественной интеллигенции России конца XIX — начала XX века. Трудно не согласиться с Б. Асафьевым, рассматривавшим искусство Скрябина в тесной связи с художественной ситуацией того времени. «Окружающая Скрябина интеллигентная среда точно так же культивировала идеологию утонченного мистического индивидуализма, истоки которого таились в эротической экзальтации, свойственной той эпохе. Крайне обостренное жизнеощущение, до болезненности развитая чувствительность у наиболее чутких людей требовали постоянного возбуждения и раздражения. В этой атмосфере и получило импульсы к росту утонченнейшее искусство Скрябина с его эгоцентрической философией безгранично свободной и всеильной личности, отождествлявшей себя с космосом»⁷⁴.

Творчество и идейные устремления Скрябина — это яркий пример модернизма в музыкальной культуре России, противостояния традиционному искусству русской школы. Близкий в своих творческих поисках искусству Запада, мыслью своею он был устремлен на Восток — явление, характерное для художественной культуры рубежа веков (примером может служить творчество Л. Бакста и, особенно, Н. Рериха). Но, независимо от влияний и увлечений, через которые он прошел, Скрябин всегда стоял вне пространства и времени, а также вне национальной принадлежности. Его родиной была Вселенная, красоту которой он воспевал в своем творчестве и царствие законов которой на

земле он старался приблизить своим искусством. Скрябин стал родоначальником космического направления в музыке (аналогией в мире изобразительного искусства является М. Чюрленис). Он стоял на грани двух эпох — уходящего XIX века и века нового — XX. «Я не знаю в новейшем искусстве никого, в ком был бы такой иступленный творческий порыв, разрушающий старый мир и созидающий мир новый», — так писал о Скрябине Н. Бердяев⁷⁵. Своим творчеством, да и всей жизнью, А. Скрябин выразил духовное состояние этого переломного времени, сам став эпохой в музыкальной жизни России.

Примечания

- ¹ *Беренштейн Е. П.* Русский символизм: эстетика универсальности // Культура и ценности. Тверь, 1992. С. 134.
- ² *Бердяев Н.* Русский духовный ренессанс нач. XX века и журнал «Путь» // Бердяев Н. Философия творчества, культуры, искусства : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 301.
- ³ *Бердяев Н.* Смысл творчества // Там же. Т. 1. С. 298.
- ⁴ *Дягилев С.* Сложные вопросы // Мир искусства. 1889. № 1—4. С. 151.
- ⁵ *Бердяев Н.* Русский духовный ренессанс нач. XX века... С. 302.
- ⁶ Там же. С. 302.
- ⁷ См.: *Соловьёв Вл.* Философские начала цельного знания // Соловьёв Вл. Сочинения : в 2 т. М., 1988. Т. 1.
- ⁸ *Флоренский П. А.* Собрание сочинений. М., 1990. Т. 1 : Столп и утверждение Истины. С. 585.
- ⁹ *Бердяев Н.* Русский духовный ренессанс нач. XX века... С. 306—307.
- ¹⁰ См.: *Бердяев Н.* Спасение и творчество // Бердяев Н. Философия творчества, культуры, искусства. Т. 1.
- ¹¹ *Рцы.* Нагота рая (теорема эстетики) // Мир искусства. 1903. № 3/4. С. 219—220.
- ¹² *Пжибышевский.* На путях души // Мир искусства. 1902. № 1—6. С. 102.
- ¹³ *Имгардт Д.* Живопись и революция // Золотое руно. 1906. № 5. С. 56.
- ¹⁴ *Бердяев Н.* Кризис искусства // Бердяев Н. Философия творчества, культуры, искусства. Т. 2. С. 413.
- ¹⁵ *Юрьева З. О.* Андрей Белый: преображение жизни и теургия // Русская литература. 1992. № 1. С. 65.
- ¹⁶ *Скрябин А.* Письма. М., 1965. С. 343.
- ¹⁷ Там же. С. 343—344.

- ¹⁸ *Энгель Ю. Д.* Глазами современника : избранные статьи о русской музыке. 1898—1918. М., 1971. С. 243.
- ¹⁹ Там же. С. 244.
- ²⁰ Там же. С. 310. (Цитата из ст. Л. Сабанеева о «Прометее» в журнале «Музыка»).
- ²¹ Там же. С. 311.
- ²² Там же. С. 310.
- ²³ Там же. С. 374.
- ²⁴ Там же. С. 415.
- ²⁵ *Эйгес К.* Рихард Вагнер и его художественное реформаторство // Русская мысль. 1913. Кн. 6. С. 66.
- ²⁶ *Бердяев Н.* Кризис искусства. С. 402.
- ²⁷ Записи А. Н. Скрябина // Русские Пропилеи. СПб., 1919. Т. 6. С. 188.
- ²⁸ Там же. С. 174.
- ²⁹ *Белый А.* Проблема культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 23.
- ³⁰ *Иванов Вяч.* Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С. 160.
- ³¹ Записи А. Н. Скрябина. С. 166—167.
- ³² Там же. С. 136.
- ³³ Там же. С. 170.
- ³⁴ Там же. С. 156.
- ³⁵ Там же. С. 172.
- ³⁶ Там же. С. 143.
- ³⁷ *Иванов Вяч.* О границах искусства // Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 216.
- ³⁸ Записи А. Н. Скрябина. С. 146—147.
- ³⁹ Там же. С. 139.
- ⁴⁰ *Иванов Вяч.* Ницше и Дионис // Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 29.
- ⁴¹ Там же. С. 29.
- ⁴² Записи А. Н. Скрябина. С. 169.
- ⁴³ *Иванов Вяч.* Споряды // Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 82.
- ⁴⁴ Записи А. Н. Скрябина. С. 143.
- ⁴⁵ Там же. С. 174.
- ⁴⁶ Там же. С. 168.
- ⁴⁷ Там же. С. 136—137.
- ⁴⁸ См.: *Лосев А. Ф.* Страсть к диалектике. М., 1990. С. 256—301.
- ⁴⁹ Там же. С. 290.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 291—292.

- ⁵² Там же. С. 292.
- ⁵³ Там же. С. 294.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Белый А.* Проблема культуры. С. 23.
- ⁵⁶ *Белый А.* Театр и современная драма // Белый А. Символизм как миропонимание. С. 161.
- ⁵⁷ *Соловьёв В. С.* Общий смысл искусства // Соловьёв В. С. Сочинения. Т. 2. С. 398.
- ⁵⁸ *Иванов Вяч.* Скрыбин. М., 1996. С. 33.
- ⁵⁹ Записи А. Н. Скрыбина. С. 155.
- ⁶⁰ *Энгель Ю. Д.* Скрыбинский цикл // Энгель Ю. Д. Глазами современника. С. 428.
- ⁶¹ *Каратыгин В. Г.* Памяти Скрыбина // Каратыгин В. Г. Избранные статьи. М.; Л., 1965. С. 223.
- ⁶² *Энгель Ю. Д.* Скрыбинский концерт // Энгель Ю. Д. Глазами современника. С. 244.
- ⁶³ *Шлецер Б. Ф. А.* Скрыбин. Берлин, 1923. С. 269.
- ⁶⁴ *Иванов Вяч.* Скрыбин. С. 11—12.
- ⁶⁵ Записи А. Н. Скрыбина. С. 185—186.
- ⁶⁶ *Иванов Вяч.* Скрыбин. С. 13.
- ⁶⁷ Там же. С. 10.
- ⁶⁸ Там же. С. 32.
- ⁶⁹ Записи А. Н. Скрыбина. С. 155.
- ⁷⁰ См.: *Бандура А.* Тайна Скрыбина // Ученые записки / сост. О. Томпакова. М., 1993. Вып. 1. С. 64—70; *Бандура А.* А. Н. Скрыбин — мистереия жизни и огненное небытие // Там же. С. 107—118.
- ⁷¹ Записи А. Н. Скрыбина. С. 170.
- ⁷² *Скрыбин А.* Письма. М., 1965. С. 422.
- ⁷³ *Белый А.* Театр и современная драма. С. 160.
- ⁷⁴ *Асафьев Б. В.* Русская музыка. XIX — начало XX века. Л., 1968. С. 179.
- ⁷⁵ *Бердяев Н.* Кризис искусства. С. 402.

ББК 63.3(2)-283.2

В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

**АНТИКРИЗИСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ:
К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ
МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИСТОРИИ**

Когда мы говорим о Кирилло-Мефодиевской традиции, необходимо сразу указать на ее исток, точнее — культурно-историческую завязку, поскольку метафизическим истоком является само Божественное Откровение. Интересно, что в этой

© Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2010

Океанский Вячеслав Петрович — доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии, действительный член философско-экономического собрания при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова; заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований при Шуйском государственном педагогическом университете. ocean_65@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ивановского института ГПС МЧС России; ведущий научный сотрудник Центра кризисологических исследований при Шуйском государственном педагогическом университете. ocean_65@mail.ru

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Герменевтические исследования макрокультурного кризиса и антикризисного потенциала русской словесной культуры», осуществляемой в русле федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009—2013 годы)».

житийной завязке наличествуют несомненные символические указания на присутствие глубочайших смыслов, связанных не только с общебиблейской традицией, но и с интеллектуальной — философской и символично-эзотерической — культурой античного мира, по-своему обращенной к опыту приобщения Софии-Мудрости, некоему гнозису о премудрой верховной согласованности Бытия.

Св. Константин Философ, он же — в схиме св. Кирилл, Первоучитель словенский, согласно агиографическим источникам, блестяще учился в Константинополе. Вместе с ним за партой сидел будущий византийский император Михаил, а в числе преподавателей был Фотий, будущий патриарх Константинопольский. Интересно, что его еще в школе прозвали Константином Философом... Приняв сан иерея, он получил должность хранителя патриаршей библиотеки при храме Святой Софии. Это было очень высокое назначение для столь молодого человека. Но Константин пренебрег всеми благами и попросту бежал в один из дальних монастырей на Черном море. Его разыскали и вернули. И назначили преподавателем философии в высшей Константинопольской школе... Но при первой возможности Константин удаляется к своему старшему брату Мефодию, на гору Олимп — в место обитания прежних языческих богов, занятое теперь православным монастырем. И Константин, в отличие от брата, уже на Олимпе начинает заниматься славянским языком. Философия, согласно основателю нашей письменности, есть *знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу, которое учит человека делами своими быть по образу и подобию сотворившего его.*

Энергичность древних индоевропейских имен, преобразованное до-философское «олимпийство» церковно-славянского Слова, к которому восходят братья-подвижники своими трудами, осененными Божественными благодатью и произволением, и через которое мы сами оказываемся определенным образом включены в макроисторию умозрений древнего мира, становится через опыт русской религиозно-философской мысли последних двух столетий (от А. С. Хомякова — до А. Ф. Лосева) вновь *осмысливаемой (!)*, а прежде почти забытой на путях новоевропейской истории реальностью. Но истинным проклятием России все-

гда было недоверие к интеллектуальной традиции: «Хомяков, — горько иронизировал В. В. Розанов, — был гением в непривычной и тяжелой для нас форме — мысли... Его мысль, — прилагая европейские оценки, — стоит в уровень, по качеству и силе, с Шопенгауэром и Ницше...»¹

О Хомякове же, этом «русском Леонардо», стоит сказать здесь особо. Дело в том, что русский культурный герой и европейский мир — тема вполне архетипическая. Тарковский и Европа, Бердяев и Европа, Достоевский и Европа, Гоголь и Европа... У каждого из них — своя Европа, то гипнотическое место земли, откуда, как с «бесконечно дорогого кладбища», и «вернувшиеся», и «невернувшиеся» в сущности никуда и не уходили. Хомяков — не просто один из *таких* «русских европейцев». Его мысль исходно была направлена, как сказал бы Хайдеггер, на осмысление «метафизических оснований» западного мира. А потому не Малер и «тюбингенская школа», как представлялось Флоровскому, — но Единство как несбывшаяся греза и западная культура, сбывшаяся как историческая греза о таком Единстве, находятся на фарватере хомяковской мысли.

Эгологизм раннего романского предпросвещения, связанного с мощным «влиянием исламской цивилизации на Европу» в конце первого тысячелетия, задолго до эпохи Возрождения предопределил автономизацию западной христианской истории. Ближний Восток и даже Индия — в культурно-историческом отношении есть глубокое дно Европы, а отнюдь не «иные миры»... Для Хомякова вся история новой Европы — изживание путей забвения взаимной любви, исходно явленной в опыте Христовой Церкви. Тень фатальной разобщенности, глубочайшего одиночества и горестной богооставленности людей лежит на всей западной культуре, но более всего эти характерологические качества заметны в наиболее ярких ее проявлениях. Если рок — трагедия античного мира, а карма ведической традиции — несмываемое антропологическое тягло, то западноевропейская культура проживает трагедию человеческого одиночества.

В поле рефлексивного внимания Хомякова — вся европейская философия, древняя и новая: Гераклит, Платон, Аристотель, блаж. Августин — Спиноза, Лейбниц, Кант, Гегель, Шеллинг... Отмечены «любопытные точки соприкосновения» русского пра-

вославленного мыслителя с «певцом мировой скорби» Шопенгауэром (в «Истории русской философии» о. Василия Зеньковского). Но идеи Хомякова обнаруживают удивительные изогlossы и в будущей интеллектуальной культуре Европы: у Ницше, Дильтея, Бергсона, Шпенглера, Генона и даже в хайдеггеровско-дерриданской проблематике... «Будущая мысль», которая «уже не философия, потому что мыслит ближе к истокам», находит некий образ своего бытия именно в поле хомяковского «письма», не забываясь о том, чтобы стать «книгой».

Хомякова, писавшего об изначальной ложности «религии» и необходимом «возвращении западных племен в лоно церкви», можно считать и первым экуменистом, пришедшим «несвоевременно»: «слишком рано» для людей и «слишком поздно» для их истории... Хомяковская тематика «соборности» выводит за социо-антропные пределы: в экклезиологии Хомякова заложены структурные элементы его латентной космологии (на что указывали Бердяев и Зеньковский) и даже будущей софиологии (прежде всего, конечно, булгаковской). Современные экклезиологические идеи православного грека Яннараса имеют неартикулированный праобраз в хомяковском богословии!

При обращении к проблематике онтологических оснований языка Хомяков обнаруживает парадоксальную попытку динамического совмещения крайностей «реализма» и «номинализма», что также является своеобразной рифмой к тоске современного европейца по «дому Бытия» — дому, которого нет... Хотя, конечно же, нет сомнения и в том, что впервые отнюдь не Хомяков выводит русскую мысль к своему исключительному неподражательному слову, прозвучавшему в русле «философии имени» у Булгакова, Флоренского и Лосева, а уже следующее, XX столетие, по отношению к которому Хомяков остается на дальних подступах — полузабытым предтечею...

Крайняя историоризация новоевропейского сознания привела к предельным формам онтологизации идеи необратимости мирового времени, и монстр Прогресса, подобно мифологическому Кроносу пожирающий своих детей, оказывается наиболее внятным отражением именно такого образа времени. Но «история, — подчеркивал отец Сергей Булгаков, — свершится не тем, что падут великие державы и будет основано одно мировое государство с

демократией, цивилизацией и социализмом, — все это, само по себе взятое, есть тлен и имеет значение лишь по связи с тем, что совершается в недрах мира между человеком и Богом...»². Западноевропейская культура в целом в известном смысле абсолютизировала фактор прогрессистски понимаемой темпоральности: на восходе Нового времени Иоахим Флор, а на его закате Н. А. Бердяев писали о трех эпохах мировой истории: Отца, Сына и Святого Духа. Однако же, если эту модель рассматривать не линейно-футуристически, как это было органично для понимания времени в Новое время, а с соблюдением тех иконологических пропорций и ипостасно-смысловых соотношений, как это явлено на иконе преп. Андрея Рублева, — перед нами откроются важнейшие моменты в понимании софийной природы самого времени, равно как и те искажения, которые происходят при нарушении равновесия таких смыслов, когда мудро понятое время оказывается иконологическим свидетельством о Пресвятой Троице.

Прошлое представлено здесь в образе Ангела, символизирующего ипостась Отца; Настоящее — в образе Ангела, символизирующего ипостась Сына; и, соответственно, Будущее — в ангелическом символе Св. Духа. Второй и третий Ангелы склонили головы в направлении первого, первый — в направлении их. Он обуславливает их в той же мере, в какой они обращены к нему. Они не просто «внемлют» друг другу и именно «таким» образом, но пред-вечно со-гласны, делая этот образ единственным.

Какой вывод отсюда вытекает? Метафизическая *отечественность* (!) Прошлого и онтологическая приоритетность его в софийной структуре Бытия... Собственно такую аксиологическую установку разделяет всякий нормальный традиционализм. Однако здесь следует учитывать то принципиальное обстоятельство, что речь идет не о создании идола из того или иного исторического момента человеческого прошлого (например: 1937 год от Рождества Христова, либо периоды активности древнего Молоха...), но о символах небесной вечности в земном времени. В любом случае, даже оставаясь не воспринятыми по существу, символы просвечивают в истории, и если люди отвращаются от неба — над ними довлеет земное прошлое, с которым, по Марксу, люди расстаются, «смеясь», чего опыт живой человеческой истории отнюдь не подтверждает...

Нарушение этого неколебимого в вечности равновесия, связанного с онтологической приоритетностью Прошлого, обращившаяся во времени двумя онтологически обусловленными деформациями, связанными с абсолютизациями Настоящего или Будущего. К чему это приводит? Абсолютизация Настоящего — к эгологии и отказу от жертвенности... Абсолютизация Будущего — к истоющему слепому футуризму, который смотрит в онтологическую пустоту... Здесь — все миазмы авангарда и постмодерна, который на самом деле лишь пародирует метафизику традиционализма, отсекая фактор онтологически конкретного Будущего (результат — бездуховность!) и представляя Настоящее как неопределенную совокупность Следов (результат — децентрация христологичности культурного опыта).

Между тем, все кризисы и даже катастрофы могут иметь положительный смысл, если они ведут к софийному преобразению, к благодатному преобразованию сознания... В софийном опыте вечность и время не противостоят друг другу, религия и наука, культура и цивилизация не должны быть всегда и непременно противопоставлены, а метафизика и диалектика непримиримо враждебны... Кризисологическое разделение как молния проходит *внутри* всего этого, оно совершается в пространстве экзистенциально-этического характера, но на чисто человеческом уровне не подлежит окончательному Суду.

Кризис — это по определению Суд. Он свершится не только в геометрически понятом конце истории, но и творится в самой истории. Каждый исторический акт имеет свою апокалиптическую составляющую. Интересен устойчивый кризисологический символизм. Мы говорили уже о футуроцентричности кризисологии — в еще большей степени можно говорить о ее окцидентоцентричности; иными словами: кризис — это структура смыслов, имеющих динамическое развертывание, во-первых, на запад и, уже во-вторых, в будущее. Сама история последних тысячелетий имеет вектор на за-пад, на закат, вслед уходящему Солнцу, и движется в этом направлении с катастрофическим ускорением... В пределе — человеческая история укрупняется в Апокалипсис.

Темы «Вхождение русских в историю», «Русский мир в мировой истории», «Россия и глобализация» тесно связаны с

христианским самоопределением славянского мира в конце первого тысячелетия от Рождества Христова. С возникшим в XVII веке феноменом старообрядчества связана трагедия противопоставления русского мира и апокалиптической истории, в которой видится не только продуктивное торможение, но и эсхатологический тупик. Преодоление язычества, всех форм обрядоверия и критическое о(у)своение опыта зарубежной истории — по сей день остаются первоочередными задачами русского мира.

Очень важно учитывать именно *библиоцентричность* Св. Истории как основу для понимания символической логики мировой истории, но другим важнейшим аспектом для формирования *космоцентрированного* бытия человечества оказывается философское наследие древних греков. И *ословесненный* космос русского мира, замысленный на этих *теокосмологических* основаниях, ждет не просто своего реликтового открытия, но и пробуждения, а значит Рождения. Нельзя сказать просто — Возрождения, ибо он в определенном смысле еще не родился, но только Рождается. Здесь оказываются метафизически общими и дело св. Кирилла Философа, и философия русской словесности, и культурный потенциал согласовавшего имена и сущности философского имяславия (Эрн — Флоренский — Булгаков — Лосев) — опыт, связанный с грандиозной попыткой реконструкции символического миропонимания древности в начале XX века...

Мы — о *Кирилло-Методиевской цивилизации* как недореализованной культурно-исторической возможности... Цивилизация указывает на символическую причастность городу, а город — не только дело потомков Каина, но и замысел Божий о спасенном человечестве, Небесный Град. Христос, говорящий о *неотмирности* своего Небесного Царства, тем не менее, указывает именно на *Царственность* Его — не провинциальность, не идилличность или пустынность... Последние качества как иллюзии и преграды — лишь на мытарственных путях к этому Его Граду.

В нашу культуртрегерскую эпоху последних двух-трех столетий, когда «культура становится культурной политикой» (Хайдеггер) и «гибнет от средств к культуре» (Ницше), когда только самый ленивый из демагогов не говорит о «культурных ценностях» и слово «культура» оказывается высокочастотной лексемой современного языка интеллигенции, нам представляется отнюдь не

лишним возвращение к некоторому позитивному смыслу, заложенному в слове «цивилизация» и связанному с архетипом небесного города. В этом контексте блаж. Августин Аврелий говорил «о граде земном и граде Божиим», противопоставляя их; аналогично религиовед-феноменолог XX века М. Элиаде в книге «Миф о вечном возвращении» писал, что «у городов... есть свои божественные прототипы»: «...окружающий нас мир, где ощущается присутствие человека и результаты его трудов, все эти горы, куда он взбирается, заселенные и возделанные земли, судходные реки, города, святилища — имеют внеземные прототипы, представляемые или как “проект”, “образец” или как собственно “двойник”, существующий на высшем космическом уровне»³.

Кризисологическое понимание цивилизации, идущее от О. Шпенглера и Н. А. Бердяева, во-первых, акцентировано исключительно на земное понимание цивилизации, а во-вторых, оказывается лишь одною гранью поставленной ими глубокой проблемы соотношения культуры и цивилизации — не только у Р. Генона и А. Дж. Тойнби, но также у А. С. Хомякова и В. С. Соловьёва, В. В. Розанова и С. Н. Булгакова; то есть у классиков русской религиозно-философской мысли мы можем найти вполне позитивные точки отсчета в самом понятии цивилизации и хозяйства (мы не говорим сейчас о логической безупречности их общей позиции в решении этого вопроса) — точки отсчета, позволяющие осмысливать *уранические* (небесные) истоки самой культурно-цивилизационной деятельности...

Можно провести любопытную параллель по отношению к идее всемирно-исторического хозяйства и макроэкономической экзистенции человечества у двух крупнейших представителей философской мысли XX века на Западе и в России: это — М. Хайдеггер («Европейский нигилизм») и С. Н. Булгаков («Философия хозяйства»). Если для первого весь этот универсализированный опыт интерпретируется как «постав», «добывание сокрытого из потаенности», «превращение земли в гигантскую бензоколонку», «тотальная десакрализация мира» и т. п. в этом роде, а позитивный смысл оставляется лишь для натурального и ремесленного типа хозяйственной деятельности (здесь — своеобразный сентиментализм хайдеггеровской аксиологии!), то для булгаковского понимания хозяйство выступает исходно фактором

положительным, свидетельствующим о высоких религиозных смыслах, конкретизированных в евангельской антропологии и космологии, но проходящим кризисологическую стадию испытания в человеческом времени: куда и на что направит человек, говоря кантовским языком, «максиму своей воли»?

В последние годы нами было разработано понимание кризисологии⁴ не просто как учения о культурных кризисах, но — как прежде всего смысловой структуры, универсальной формы культурно-исторического смысла, позволяющего уйти от однозначно негативистского восприятия самого феномена кризиса, поскольку культурологически понятый кризис составляет креативную основу культурной макроистории. Поскольку кризис — темпоральное понятие, кризису во времени соответствует хаос в пространстве: и подобно тому, как в современной науке хаос чаще всего рассматривается не как мешанина, но как динамика неравновесных процессов (хаос — часто специфика восприятия непостижимого многообразия!), так и кризис — не есть непременно метафизическая дегенерация смыслоформ, но, скорее, открытие их проблематичности; можно сказать и так, что кризис — это конкретно-жизненная воплощенность диалектики, антиномичности культурно-исторического бытия и опыта. Кризис — не просто временное состояние, кризис указывает на сущность временности, на неабсолютность времени, что позволяет уйти от натуралистического фантазма «всепожирающего жерла» времени. Неабсолютность времени имеет в качестве еще одного существенного момента онтологическую возможность свободы, а значит — реальной альтернативности Бытия, воплощающейся как «ветвящаяся вселенная» истории человеческой культуры.

Наш сегодняшний интерес к отечественной философии языка, к философскому имяславию как особому феномену интеллектуальной культуры конца Нового времени⁵, и шире — к опытам русской культурологической и религиозно-философской мысли начиная с Хомякова⁶, связан с недореализованными (по ряду нефиксируемых здесь нами причин!) в мировой истории возможностями *Кирилло-Методиевской цивилизации* (в не меньшей степени, однако, этот культурно-цивилизационный вектор макроистории может быть проименован и *Хомяковско-Булгаковским*: те же церковная аксиология, персонологический

базис, метафизическая надмирность, искание Небесного Града...); таким образом, тема «Россия и глобализация» в глубинно-сущностном направлении связана с преодолением технократического операционализма и креативной реконструкцией символического миропонимания древности.

Многие историки русской культуры в полемике со славянофильством говорили о «тупиковости Кирилло-Мефодиевской цивилизации» — мы же видим своим научным долгом показать обратное этой весьма распространенной в интеллектуальных кругах точке зрения, и не только указанием на колоссальное всемирное влияние (хотя бы и подспудное, не всегда прямое — но чаще и вполне очевидное!) отечественной словесной культуры, идущей от боговдохновенных трудов македонца св. Кирилла Философа, но и констатацией того факта, что *путь человечества к Богу сегодня лежит через Россию* и далеко не только в смысле сырьевой базы, но и в смысле поиска утраченных либо же кем-то еще не найденных ориентиров.

Современная Россия — это активно обновляющийся Фонд Мира. Кирилло-Мефодиевским начинаниям здесь будет принадлежать самая существенная роль.

Примечания

- ¹ Розанов В. В. Алексей Степанович Хомяков : к 50-летию со дня его кончины // Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 456.
- ² Булгаков С. Н. Свет не вечерний: Созерцания и умозрения // Булгаков С. Н. Первообраз и образ : соч. : в 2 т. СПб. ; М., 1999. Т. 1 : Свет не вечерний. С. 352.
- ³ Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость. СПб., 1998. С. 19, 21.
- ⁴ Океанский В. П. Глобальный культурный кризис Нового времени : ключевые слова // Интеллигенция и мир. 2006. № 3 ; *Океанская Ж. Л.* Первый в мире международный кризисологический симпозиум в Шуйском университете // Там же.
- ⁵ *Океанская Ж. Л.* Ословесненный космос отца Сергия Булгакова: «Философия имени» в контексте поэтической метафизики конца Нового времени. Иваново ; Шуя, 2009.
- ⁶ *Океанский В. П.* Мир Хомякова: Церковь и культура. Иваново ; Шуя, 2009.

Околотин В. С. Роль научной интеллигенции в разработке налоговой политики советского государства (первое полугодие 1928 года)

Ключевые понятия: советское государство, модернизация экономики, налоговая политика, научная интеллигенция.

Рассматриваются проблемы участия интеллигенции в разработке и проведении налоговых преобразований в СССР в конце 20-х годов XX в. Основное внимание в статье уделяется деятельности ряда ученых, представителей научной интеллигенции в административных и хозяйственных проектах изучаемой эпохи. Автор вводит в научный оборот новые источники.

Масленникова О. Н., Садина С. С. Прагматизм в высшем образовании: pro et contra

Ключевые понятия: интеллигенция, высшая школа, прагматизм, общекультурные компетенции, гуманитарное и технократическое мышление, интеллигентоведческая подготовка магистра.

Проанализирована роль прагматизма в образовательном пространстве высшей школы. Авторы доказывают, что проблемы формирования интеллигенции в высшей школе и степень распространения среди молодежи потребительских предпочтений тесно взаимосвязаны между собой.

Шушунова Т. Н. Особенности самосохранительного поведения белорусской интеллигенции

Ключевые понятия: интеллигенция, высшая школа, молодежь, самосохранительное поведение, уровни ориентации самосохранительного поведения, здоровьесбережение, социальное поведение, интеллектуальный капитал.

Рассмотрены особенности самосохранительного поведения белорусской интеллигенции на материале высшей школы. Сделан вывод о необходимости нравственно-интеллектуального воспитания студенческой молодежи как фактора для пополнения среднего класса, поскольку именно молодежь должна стать агентом социально-экономического прогресса, носителем национальной культуры и традиций.

Соловьёв А. А. Обретенное время русской интеллигенции

Ключевые понятия: интеллигенция, Русская Православная Церковь, общественное развитие, символизм, теория акмеизма, религиозно-философские общества.

В статье обращается внимание на русский религиозно-философский ренессанс. Предпринята попытка рассмотреть особенности духовного и интеллектуального взаимодействия Православной Церкви и интеллигенции. Указывается на символизм как яркий пример сближения «духовно-нравственного в человеке с религиозным». В этом же ключе представлено теософское движение начала прошлого века, а также теория акмеизма, разработанная Н. Гумилёвым. Еще один пример духовно-нравственных исканий интеллигенции в начале прошлого века автор видит в создании религиозно-философских обществ.

Федотов А. А. Русская Православная Церковь и религиозная интеллигенция в 1970-х — начале 1990-х гг.

Ключевые понятия: государственный атеизм, Русская Православная Церковь, религиозная интеллигенция.

Автор изучает опыт взаимодействия Русской Православной Церкви с интеллигенцией в 70-х — начале 90-х годов XX в. в условиях постепенно ослабевавшего государственного атеизма. Значительное место в статье занимает анализ общественных и правовых условий деятельности в стране религиозно настроенных интеллигентов. Автор учитывает соображения и оценки исследователей по данной проблематике.

Репников А. В. С. Н. Сыромятников: штрихи к портрету

Ключевые понятия: консерватизм, политическая пресса, геополитика, внешнеполитическая деятельность, корееведение.

На основе широкого круга разнообразных источников рассмотрены жизнь и идейные установки ученого, публициста, общественного деятеля и востоковеда С. Н. Сыромятникова.

Варакина Г. В. Личность А. Скрябина в среде художественной интеллигенции Серебряного века

Ключевые понятия: Серебряный век, русская культура, художественная интеллигенция, А. Скрябин, творчество А. Скрябина.

Исследуются малоизученные аспекты Серебряного века русской культуры. Представлены некоторые поиски и открытия российской художественной интеллигенции изучаемой эпохи. В центре внимания автора творчество выдающегося русского композитора А. Скрябина.

Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории

Ключевые понятия: Кирилло-Мефодиевская традиция, софийность, царственность, библиоцентричность.

Анализируется наследие Кирилла и Мефодия, делается вывод о принципиально иной альтернативе развития российской цивилизации, основанной на иных принципах и имеющей серьезный потенциал в условиях кризиса современного общества.

ANNOTATIONS

Okolotin V. S. The role of scientific intelligentsia in the development of taxation policy of the Soviet government (first six months of 1928)

Key-words: Soviet state, modernization of economics, taxation policy, scientific intelligentsia.

The author shows the problem of participation of intelligentsia in the development and conduct of taxation reconstructions in the USSR in the end of the 20-s of the 20th century. The article points out the activity of a number of different scientists, representatives of scientific intelligentsia, in administrative and economic projects of the studied époque. The author uses new sources in scientific sphere.

Maslennikova O. N., Sadina S. S. Pragmatism in higher education: pro et contra

Key-words: intelligentsia, university, pragmatism, common cultural competence, humane and technocratic thinking, preparation of a master's degree holder for intelligentsia studies.

The article analyzes the role of pragmatism in the educational sphere of a university. The authors prove that the problems of intelligentsia formation in the university and the degree of spreading consumer preferences among youth are closely connected.

Shushunova T. N. Peculiarities of self-preservative behavior of Belorussian intelligentsia

Key-words: intelligentsia, university, youth, self-preservative behavior, levels of orientation of self-preservative behavior, health preservation, social behavior, intellectual capital.

The article shows the peculiarities of self-preservative behavior of Belorussian intelligentsia on university material. The author makes a conclusion about the necessity of moral intellectual education of students as the necessary factor for fulfilling the middle class, as it was the youth that had to become agents of social economic progress and representatives of national culture and traditions.

Solovyov A. A. The found time of Russian intelligentsia

Key-words: intelligentsia, Russian Orthodox church, social development, symbolism, theory of acmeism, religious philosophical societies.

A. A. Solovyov shows the peculiarities of spiritual and intellectual interaction of Orthodox church and intelligentsia. The author indicates the example of symbolism as «rapprochement of spiritual moral qualities of a person with religious ones». From the same point the author analyzes the theosophical movement of the beginning of the 20th century and the theory of acmeism developed by N. Gumilyov. Another example of spiritual moral search of intelligentsia in the beginning of the 20th century the author sees in the creation of religious philosophical societies. The article pays attention to the Russian religious philosophical Renaissance.

Fedotov A. A. Russian Orthodox Church and religious intelligentsia in the 1970-s — the beginning of the 1990-s

Key-words: governmental atheism, Russian Orthodox Church, religious intelligentsia.

The author studies the experience of interaction of Russian Orthodox Church and intelligentsia in the 70-s — beginning of the 90-s of the 20th century in the conditions of gradually weakening governmental atheism. The important place in the article is given to the analysis of social and legal conditions of activity of religiously tuned members of intelligentsia in a country. The author takes into account the thoughts and estimations of researchers on the given subject.

Repnikov A. V. S. N. Syromyatnikov: features of the portrait

Key-words: conservatism, political press, geopolitics, external political activity, Korea studies.

On the basis of a number of different sources the article shows the life and ideas of the scientist, publicist, public figure and orientalist S. N. Syromyatnikov.

Varakina G. V. The personality of A. Skryabin in the sphere of artistic intelligentsia of the Silver age

Key-words: the Silver age, Russian culture, artistic intelligentsia, A. Skryabin, creativity of A. Skryabin.

The author studies the aspects of the Silver age of the Russian culture. Several researches and discoveries of Russian artistic intelligentsia of the given époque are represented in the article. Much attention is given to the creativity of the outstanding Russian composer A. Skryabin.

Okeanskiy V. P., Okeanskaya Zh. L. Anti-crisis potential of Orthodox tradition: to the problem of metaphysic basis interpretation of Russian intelligentsia in history

Key-words: Kirill and Mefody's tradition, sophism, reign, bibliocentrism.

The article analyses the heritage of Kirill and Mefogy, makes a conclusion about principally different alternative of Russian civilization development basing on different principles and having strong potential in the conditions of the crisis of contemporary society.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. С 2010 года наш журнал включен в список ВАК. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Заявки на приобретение

Вы можете выслать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39

Ивановский государственный университет,
кафедра истории и культуры России. E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб. Книги будут Вам высланы наложенным платежом с учетом стоимости упаковки и пересылки

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2010 № 3

Подписано в печать 03.08.2010 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,95. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru